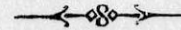

ПОСЛѢ ВОЙНЫ

801-14
1108

О НАШЕЙ АРМІИ

А. ГЕРУА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Зптелевъ, 13

1906

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Введеніе	V
I. Стратегія	1
II. «Человѣкъ»	41
III. Качество и количество	65
IV. Воспитаніе	95
V. «Пуля — дура, штыкъ — молодець»	120
VI. Активность и пассивность	147
VII. Техника	175
VIII. Эволюція военного искусства	230
IX. Подготовка идей	246
X. Преобразованія	272
Послѣсловіе	284

ВВЕДЕНІЕ.

Когда бѣольшая половина этой книги, еще въ рукописи, была уже у издателя, въ нѣкоторыхъ частяхъ нашей арміи вспыхнули беспорядки. Задуманная еще задолго до появленія даже по-дозрѣній о ихъ возможности, эта работа неожиданно для автора отвѣтила именно на тѣ вопросы, которые напрашивались у всякаго въ тревожные дни военныхъ мятежей.

Вдругъ сдѣлалось ясно, что причина уродскихъ явленій и военнаго и мирнаго времени (бунты) одна и та-же. Стало очевидно, что наши армейскія бѣдѣсти гнѣздятся въ самой глубинѣ войскового организма; что леченіе его нужно начать съ его основы, съ «человѣка»; что «формою» ограничиваться нельзя; что причина всѣхъ нашихъ золъ кроется въ *формальномъ проведеніи принциповъ* новѣйшей военной организаціи и въ полнѣйшемъ пренебреженіи «сущностью»; что «подражаніе» — нашъ излюбленный методъ организаціи, — самый опасный изъ путей въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нему не ведетъ глубокоезнаніе

своихъ «бытовыхъ» особенностей, такъ какъ безъ такого знанія или безъ вниманія къ нему утрачивается критерій для оцѣнки всякаго нововведенія или преобразованія.

— «Придите царствовать и владѣти нами!» обращались мы на Западъ всякій разъ, когда нужно было произвести какое-нибудь усовершенствованіе нашей арміи. И нѣмецкіе *шаблоны* приходили, царствовали, а порядка не водворяли. — Въ чемъ-же дѣло? — Дѣло въ томъ, что шаблонъ — только *форма*, а форма — всегда безъ души. Душа-же арміи въ ея «человѣкѣ» съ его «бытовыми» особенностями.

Если-бы мы заимствовали лишь принципы, было-бы другое: принципъ терпитъ всякую форму, являющуюся его воплощеніемъ. Но мы поступали какъ разъ наоборотъ и удивлялись, когда преобразованія не достигали цѣли.

Можно съ увѣренностью сказать, что въ несогласованности внѣшнихъ формъ нашей военной организаціи съ ея внутренними «бытовыми» особенностями (и даже недостатками) — главная и единственная причина всей переживаемой нами военной разладицы.

Было-бы странно, если-бы и теперь, послѣ тяжкаго опыта давно небывалой войны, когда весь міръ будетъ учиться по нашимъ ошибкамъ, мы снова за уроками обратились-бы на велемудрый Западъ.

Поэтому не лучше-ли заглянуть въ себя?

I.

Стратегія.

Возвратившись съ войны, я какъ-то ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Чтобы скоротать вагонную скуку, я сталъ перечитывать «Стратегію» Блюме*). Первое, что меня поразило при этомъ, — полная и неожиданная новизна впечатлѣній. Мѣста книги, на которыя раньше не обратилъ почти никакого вниманія, — подъ вліяніемъ видѣннаго и испытаннаго на войнѣ получили новый глубокой смыслъ, а инныя фразы такъ и западали въ душу.

Авторъ этого этюда по стратегіи, профессоръ Берлинской военной академіи — счастливое сочетаніе практики съ теоріей. Участникъ войны 1870-го года, въ своемъ трудѣ онъ обобщилъ выводы опыта и военной литературы.

Разбирая разныя явленія войны, генераль Блюме постоянно переходитъ отъ общихъ те-

*) Генераль Блюме. Стратегія (этюды). Переводъ съ нѣмецкаго капитана Д. М. Левшина, подъ редакціей профессора, ген.-майора Н. П. Михневича. Спб., 1899 г.

ретических истинъ къ ихъ примѣненію на практикѣ, причемъ никогда не закрываетъ глазъ передъ отрицательными ея сторонами. Разбирая такіе, трудно-поддающіеся теоретической нормировкѣ факторы, какъ способность рѣшимости командующихъ, моральное значеніе побѣды, почина, дѣятельности, случайностей, паники, онъ не ограничивается, подобно другимъ авторамъ, однимъ *упоминаніемъ, зарегистрированіемъ* этихъ явленій чисто-духовнаго порядка, но, посвящая имъ цѣлыя главы, умѣетъ глубоко захватить эти вопросы, а главное—подойти къ нимъ съ *практической* ихъ стороны. Изслѣдуя явленія моральнаго порядка со стороны ихъ *практическихъ послѣдствій*, генераль Блюме много говоритъ людямъ практики, а военно-психологическіе вопросы у него изъ области отвлеченной переселяются въ реальную жизнь. Дѣйствительно, отдавши себѣ ясный отчетъ въ *послѣдствіяхъ* извѣстнаго военнаго явленія моральнаго порядка, не трудно уже дойти и до способовъ *противодѣйствія* вредному или *соудѣйствія* полезному его вліянію, смотря по характеру проявленія духовнаго элемента. Другими словами, *знаніе практическихъ послѣдствій* моральнаго явленія ведетъ къ *умѣнію распорядиться*, т. е. къ способности взнуздать непокорнаго коня, называемаго военной психологіей.

Такъ, явленіе паники генераль Блюме безъ стѣсненія признаетъ *нормальной* принадлежностью всякаго продолжительнаго отступленія и всякаго проиграннаго сраженія внѣ зависимости отъ качествъ войскъ и другихъ условій; вопросъ для него только въ размѣрахъ паники и ея внѣшнихъ формахъ, т. е. осталось-ли паническое настроеніе скрытымъ въ сердцахъ людей и начальствующихъ или уже успѣло перейти въ формы внѣшняго безпорядка, распространилась-ли она только на обозы и неорганизованныя учрежденія или задѣла и войска.

Очевидно, руководители войскъ, привыкшіе спокойно регистрировать панику, какъ неизбежную данную нѣкоторыхъ боевыхъ явленій, будутъ лучше подготовлены для парированія ея, чѣмъ начальствующіе, привыкшіе отрицать самую ея возможность среди своихъ войскъ.

Умѣя подойти къ вопросамъ чисто-психологическаго свойства съ практической стороны, генераль Блюме въ то-же время въ каждомъ явленіи матеріальнаго порядка не забываетъ моральной его стороны.

Еще Наполеонъ говорилъ: «Вещественная область слишкомъ ограничена, если хотите глубже проникнуть въ истины политики и войны (вообще слѣдовательно въ области, гдѣ *человѣкъ* является главнымъ дѣителемъ), то обратитесь къ *духовной* сторонѣ дѣла».

Этотъ-то завѣтъ генераль Блюме и исполняетъ въ своей «Стратегіи», всегда давая двѣ стороны каждаго военного явленія — матеріальную и моральную — и оставляя неизслѣдованной лишь третью, совершенно не поддающуюся теоретической нормировкѣ — творческую, субъективную *).

Извѣстно, что мыслящій военный людъ рѣзко дѣлится на два лагеря: *теоретиковъ и практиковъ*. Въ то время какъ крайніе представители теории проповѣдуютъ, если не теперь, то въ будущемъ возможность созданія стройной и *вполнѣ точной военной науки*, практики допускаютъ лишь существованіе «*теоріи военного искусства*», т. е. сводки нѣкоторыхъ обобщеній и выводовъ изъ боевого опыта и, притомъ, безъ всякой претензіи на точность.

Нескончаемые споры этихъ двухъ лагерей уже давно образовали обширную литературу, гдѣ, кажется, никогда не будетъ достигнуто со-

*) Какъ Наполеонъ идеаломъ военначальника считалъ *l'homme carré*, т. е. графически изображающагося фигурою квадрата, гдѣ одна сторона — умъ, другая — характеръ, такъ и идеаломъ хорошо соображенной военной операціи можно признать такую, которая наглядно выражается фигурою куба, три измѣренія котораго изображаютъ моральную, матеріальную и творческую сторону явленія.

глашенія. А между тѣмъ, чѣмъ ближе сойдутся представители обоихъ направленій той или другой арміи, — тѣмъ ближе къ идеалу и эта армія. Вѣдь истина всегда посрединѣ. Теорія — всегда крайность, практика — всегда середина, компромисъ теорій.

«Стратегія» генерала Блюме въ этомъ смыслѣ и является очень лестнымъ показателемъ германской арміи. На страницахъ скромнаго по заглавію Блюмевскаго «этюда» практики и теоретики протягиваютъ другъ другу руки.

Въ какомъ положеніи это дѣло находится у насъ? Представители нашей академіи цѣлую жизнь посвящаютъ на популяризацію въ арміи основныхъ принциповъ военного искусства. «Стратегія» покойнаго генерала Леера путемъ строго-проведеннаго критико-историческаго метода стремится доказать, что всѣ великіе полководцы земли руководствовались одними и тѣми-же великими, незыблемыми, вѣчными *принципами*, составляющими основу военного дѣла всѣхъ эпохъ внѣ зависимости отъ развитія культуры, совершенствованія оружія и проч. Цѣлымъ рядомъ научно-построенныхъ посылокъ авторъ убѣждаетъ въ томъ, что и Александръ Македонскій, и Аннибаль, и Наполеонъ, несмотря на разстояніе вѣковъ, побѣждали одними и тѣми же законами. Резюмируя эти законы (принципы), генераль Лееръ этимъ и довольствуется.

А между тѣмъ въ своемъ «Методѣ военныхъ наукъ» онъ же самъ говоритъ: «Въ дѣлѣ направленія творчества на путь правильныхъ рѣшеній теорія не ограничивается установкою только однихъ *общихъ (отвлеченныхъ)* отправныхъ точекъ для рѣшенія вопросовъ (по принятой терминологіи—*принциповъ*); но она идетъ и далѣе, насколько то позволяютъ ей средства, и не оставляетъ своимъ содѣйствіемъ творчество и въ дѣлѣ *примѣненія известнаго принципа* въ своеобразной обстановкѣ того или другого частнаго случая. Тутъ уже она является на помощь творчеству съ ея *частными* (болѣе или менѣе конкретными) *отправными точками: правилами и нормами*, опять-таки ничего не рѣшающими, а только ближе выясняющими сущность (природу, свойства) дѣла и лишь показывающими, какъ, при известныхъ условіяхъ, лучше примѣнить къ рѣшенію вопроса «» принципъ. Въ то время, когда принципы—общія отправныя точки для рѣшенія вопросовъ—*безусловны*, т. е. всегда справедливы, независимо отъ условій оружія, времени и мѣста, *правила и нормы—частныя* отправныя точки для рѣшенія тѣхъ же вопросовъ—условны, т. е. справедливы только при известныхъ условіяхъ обстановки» (скажемъ, при обстановкѣ данной эпохи съ ея социальнымъ строемъ, финансовой системой, организаціей арміи, оружіемъ и проч.).

Изслѣдуя вопросы «Стратегіи», генераль Лееръ въ область этихъ-то *правиль-нормъ* и не входитъ. Талантливый авторъ и профессоръ, поднявшись въ заоблачныя выси общихъ идей (отвлеченныхъ принциповъ), уже не желаетъ спускаться на нашу ограниченную грѣшную землю, гдѣ царствуетъ уже конкретный случай. Въ этомъ и сильная и слабая сторона Г. А. Леера. Сильная—потому, что, благодаря прямолинейности автора, выигрываетъ рельефность изложенія; слабая—потому, что авторъ какъ бы остановился на пол-пути, сдѣлалъ пол-дѣла. Создавши классическій трактатъ по стратегіи, генераль Лееръ изслѣдовалъ въ немъ только половину темы, оставивши вторую половину въ небреженіи. Онъ показалъ, *чѣмъ* должно руководствоваться, дѣлая боевое дѣло, но не показалъ намъ, *какъ* оно дѣлается на самомъ дѣлѣ, т. е. въ условіяхъ обстановки и, главное, при столкновеніи съ духовною, моральною стороною военныхъ явленій.

Этотъ пробѣлъ стремился пополнить другой нашъ военный авторитетъ, М. И. Драгомировъ. Даже его любимая форма—не ученый трактатъ, а публицистика—какъ-то ближе къ дѣйствительной жизни. Генераль Драгомировъ все время стремился своего ученика пересадить съ книжки на дѣло, на практику. А такъ какъ чистая практика (боевой опытъ и даже маневры) не

всегда и не всякому доступны, то маститый авторъ посвятилъ свое слово служенію тому, чтобы неустанно растолковывать, какъ военное дѣло вершится на-яву, а не въ мечтахъ теоретиковъ. Еще недавно въ своихъ «Дѣлишкахъ» М. И. Драгомировъ, сравнивая военное дѣло съ медициной, говорилъ: «Лечить не трудно, когда діагнозъ вѣренъ; но иногда страшно трудно устоять противъ *возмущающихъ* вліяній». О роли этихъ-то *возмущающихъ* вліяній и напоминалъ генераль Драгомировъ такъ часто и упорно, точно желалъ приучить къ нимъ, добиться, чтобы они прочно запечатлѣлись въ головахъ военныхъ, чтобы боевые дѣятели не теряли равновѣсія при столкновеніи съ ними.

Поэтому-то, съ точки зрѣнія *метода* изслѣдованія, генералы Лееръ и Драгомировъ, два основныхъ столпа нашей науки, дополняли одинъ другого: одинъ давалъ идеалы, другой рисовалъ «неумытую» дѣйствительность. То-же и въ отношеніи конечныхъ *цѣлей*, преслѣдуемыхъ ими: генераль Лееръ старался въ людяхъ практики виѣдрить уваженіе къ теоріи, генераль Драгомировъ—наоборотъ—теоретикамъ неустанно твердилъ о практикѣ. Къ сожалѣнію, не дополняли они другъ друга въ отношеніи излюбленныхъ *объектовъ* изслѣдованія: генераль Лееръ—весь въ области *стратегіи*, въ сферѣ широкихъ соображеній театра войны, тогда какъ любимая

среда генерала Драгомирова—область *тактики*, боя. Быть можетъ, вслѣдствіе этого-то расхожденія русская теорія стратегіи такъ и осталась безъ своей заключительной части, посвященной правиламъ-нормамъ.

Берлинскому профессору нѣтъ надобности бороться за общепризнанныя, получившія полныя права гражданства въ его арміи, истины: общіе принципы. Поэтому въ своемъ курсѣ Стратегіи генераль Блюме и не останавливается на нихъ, а переходитъ въ область ихъ приложенія къ дѣлу, т. е., другими словами, въ область *правиль-нормъ* *).

Ничто, быть можетъ, не встрѣчало столько нападковъ, какъ стремленіе изслѣдователей перейти изъ области изученія общихъ принциповъ въ область *частныхъ правилъ-нормъ*. Принявши, какъ неопровержимую истину, положеніе — «теорія военного дѣла не даетъ *правиль для дѣйствій*, а только изслѣдуетъ *свойства военныхъ элементовъ*», противники правилъ-нормъ не хотятъ видѣть, что между *правиломъ-нормой* (част-

*) «Въ курсѣ Тактики французской высшей школы говорится: «*Принципы* служатъ основаніемъ для концепціи, для соображенія; *правила* служатъ основой исполненія, *примѣненія*. Принципъ долженъ быть *твердъ*, правило должно быть *гибко* («Un principe est rigide, une règle doit être souple») (Лееръ, «Методъ», стр. 55).

нымъ закономъ, справедливымъ для частнаго случая) и *правиломъ для дѣйствій* нѣтъ ничего общаго; что первое, составляя только *исходное основаніе* для правильнаго образа дѣйствій, оставляетъ неприкосновенной *полную свободу въ исполненіи* (истинное назначеніе всякаго закона), второе—*вмѣшивается* именно въ *область исполненія*, совершенно *сковывая свободу дѣятеля* (злоупотребленіе закономъ), и потому вредно.

Еще недавно въ упоминавшихся уже «Дѣлишкахъ» генераль Драгомирова мы читали: «Теорія будетъ полна и почтенна, если займется *глубокимъ* изслѣдованіемъ *свойствъ военныхъ данныхъ*, а обучающіе достигнутъ въ своихъ слушателяхъ такого ими проникновенія, что на практикѣ ихъ будутъ примѣнять рефлектарно, т. е. не думая». Но вѣдь *глубокое* изслѣдованіе *военныхъ данныхъ* именно и должно привести въ область правилъ-нормъ, особенно если имѣть въ виду, что теорія *военнаго дѣла* никакъ не можетъ ограничиться изслѣдованіемъ *свойствъ* однихъ *военныхъ элементовъ*, но обязана также удѣлить долю вниманія и свойствамъ *военныхъ явленій*, т. е. комбинаціямъ *военныхъ элементовъ*.

Попытки ограничить компетенцію теоріи *военнаго дѣла* лишь предѣлами *общихъ идей* приводятъ къ тому, что такая теорія, отличаясь *большею научностью, незыблемостью, будетъ, быть можетъ, ближе къ вѣчности, къ вѣчной истинѣ,*

но зато дальше отъ практики. Съ переходомъ ея въ область философскую, въ область отвлеченности несомнѣнно выиграетъ чистота науки, но проиграетъ практика. При такой постановкѣ теоріи стратегіи *средній* человекъ, на котораго собственно большею частью и нужно рассчитывать, призванный практически примѣнять ея истины, долженъ будетъ не только твердо знать вѣчныя, незыблемыя основы этой науки, но и быть *творцомъ въ области ихъ примѣненія*. Въ его ли силахъ это сдѣлать? Всегда ли это для него возможно? Дадутъ-ли, наконецъ, ему время для его импровизаций въ практической области стратегіи?

Не проще-ли, отбросивъ излишнюю научную щепетильность, не довольствуясь изученіемъ «*свойствъ военныхъ элементовъ*», послѣдовать примѣру хотя-бы генерала Блюме, и еще въ школѣ постараться изучить и «*свойства военныхъ явленій*», а также и попытаться дать для *наиболѣе типичныхъ* изъ нихъ нѣсколько руководящихъ указаній (*правилъ-нормъ*) и, такимъ образомъ, стратегію изъ безграничныхъ небесныхъ сферъ спустить на нашу ограниченную землю.

Для практика, не одареннаго творчествомъ (а много-ли такихъ?), мало одного *проникновенія истиной, закономъ*, но для «*рефлекторнаго*» приведенія его въ исполненіе необходимы указанія: *какъ лучше осуществить этотъ законъ.*

Могутъ возразить, что посредственность смѣшаетъ правила-нормы съ основными принципами военнаго дѣла и, на практикѣ, изъ желанія держаться первыхъ, по выраженію Петра Великаго, «яко слѣпой стѣны», будетъ грѣшить противъ вторыхъ, и за это будетъ платиться собственными боками? Возраженіе чрезвычайно вѣское; но, право-же, легче путемъ школьной работы приучить разбираться въ области идей, чѣмъ въ полѣ, подѣ градомъ шрапнелей и противорѣчивыхъ свѣдѣній разбираться въ боевой обстановкѣ. Наполеонъ разбирался, Суворовъ разбирался и находилъ достаточныя, для другихъ неуловимыя, данныя для рѣшеній и для рѣшимости, а средній человѣкъ спасуетъ: и самъ запутается, и другихъ запутаетъ. У насъ почему-то принято надѣяться, что въ то время какъ въ области тактики у насъ будутъ работать посредственности, въ области стратегіи будутъ «творить» не иначе, какъ «геніи».

Въ зависимости отъ этого руководящаго взгляда поставлено и дѣло подготовки въ обѣихъ областяхъ.

Вѣдь и курсъ тактики можно было-бы составить въ высоко-отвлеченномъ духѣ, на почвѣ строго-научной, ограничившись изученіемъ *постоянныхъ* свойствъ тактическихъ элементовъ и явленій. И даже такой курсъ былъ-бы въ высшей степени полезенъ. Однако, въ сферѣ так-

тики на геніевъ разсчитывать не принято, и поэтому при теоретическомъ ея изученіи стараются выѣдрить не только ея общія положенія, равно—неизмѣняющіяся для всѣхъ временъ и народовъ*), но также удѣляютъ и время, и вниманіе тому, какъ эти общія тактическія истины получили свое *осуществленіе* въ различныхъ арміяхъ.

У насъ при постановкѣ преподаванія тактики такъ на это и взглянули. Въ военныхъ училищахъ въ курсѣ тактики сообщаются свѣдѣнія, уже составляющія *рѣшеніе* разныхъ общихъ основныхъ тактическихъ положеній въ нашей арміи (свѣдѣнія изъ русскихъ уставовъ, по организациіи войскъ, ихъ воспитанію и обученію и проч.).

То, что въ училищѣ дѣлается относительно своей арміи, то въ академіи проводится относительно важнѣйшихъ европейскихъ армій.

Введеніе въ курсъ тактики подобныхъ добавочныхъ отдѣловъ полезно во многихъ отношеніяхъ. Всѣ формы уставовъ и законоположеній одухотворяются: изучающій видитъ причинную связь между формою устава и законоположенія и принципомъ, которому она служитъ; видитъ часто разнообразное рѣшеніе одного и того-же

*) Свойства двухъ видовъ оружія—метательнаго и холоднаго (вѣрнѣе, клинковаго); общія свойства разныхъ родовъ оружія (вѣрнѣе, войскъ)—пѣхоты, кавалеріи и вспомогательныхъ; свойства различныхъ типовъ строевъ и проч.

вопроса и, притомъ, во имя одного и того-же принципа, а вслѣдствіе этого—отучается слѣпо держаться формы. Съ другой стороны, ученикъ сразу получаетъ въ свое распоряженіе массу уже провѣреннаго современнаго опыта, и ему нѣтъ надобности въ минуту дѣйствія, въ бою, подъ пулями, изобрѣтать что-либо новое и безъ необходимости открывать Америку. Не нужно забывать, что Колумбовъ мало, а не-Колумбы довольствуются тѣмъ, что механически, рефлексивно приводятъ въ исполненіе не то, что было-бы лучшимъ въ данномъ случаѣ, а то, чему ихъ учили.

Все это такъ важно, что, ради пользы практическаго дѣла, не постѣснились пожертвовать научною чистотою и стройностью изложенія курсовъ тактики (даже въ академіи) и сдѣлать изъ нихъ въ сущности сводку дѣйствующихъ уставовъ и законоположеній, снабженныхъ комментаріями (которые только и составляютъ въ этихъ курсахъ научную, идейную ихъ часть).

Заботы о практической постановкѣ дѣла преподаванія тактики этимъ не ограничиваются. Существуетъ особый общепризнанный курсъ *прикладной* тактики, изучающей типичные случаи примѣненія основныхъ тактическихъ истинъ; тактика читается у насъ и въ академіи, и въ училищѣ; съ нею продолжаютъ знакомиться и теоретически, и практически и въ войскахъ; т. е. дѣлается все, чтобы ея истины путемъ

многократнаго повторенія задалбливались до степени усвоенія, обезпечивающей на практикѣ ихъ исполненіе чисто-механическое, рефлексивное *).

Отчего-же такая забота о тактикѣ?

Да оттого, повторяемъ, что какъ-бы заранѣе предполагается, что дѣятелями въ сферѣ тактики будутъ люди обыкновенные, средніе. Известны слова Фридриха Великаго: «Для людей несвѣдущихъ военное дѣло—ремесло, для людей талантливыхъ — искусство, для генія — наука». Такъ, вотъ, подготовка въ области тактики приспособлена для усвоенія ея ремесленниками военнаго дѣла, такъ какъ справедливо предполагается, что геніевъ и талантовъ не хватитъ не только для командованія ротами и баталіонами, но даже дивизіями и корпусами.

Почему-то этой надежды не теряютъ у насъ относительно армій. А было-бы гораздо осторожнѣе, вмѣсто того, чтобы ждать народженія геніевъ, озаботиться систематическою подготовкою *стратеговъ-техниковъ,атеговъ-ремеслен-*

*) Когда въ недалекомъ прошломъ въ нашей академіи поднялась рѣчь о ненужности тамъ лекцій по тактикѣ, которая, де, и безъ того читается въ училищахъ, — тогдашній начальникъ академіи, генералъ Драгомировъ, отстоялъ неприкосновенность этого предмета однимъ мѣткимъ выраженіемъ. По его словамъ, мало пройти курсъ тактики: — нужно, чтобы она *замочевала* въ головѣ изучающаго.

никовъ. Правда, отъ подобныхъ командующихъ трудно ожидать блестящихъ стратегическихъ образцовъ, но зато не будетъ и разительныхъ неудачъ, хотя-бы на томъ простомъ основаніи, что лучше относительно худшее рѣшеніе, проведенное такимъ ремесленникомъ энергично и правильно съ технической стороны, чѣмъ лучшая комбинація, испорченная исполненіемъ.

Какъ-же должна быть поставлена подготовка въ области стратегіи?

По нашему глубокому убѣжденію, теоретическій курсъ стратегіи долженъ распадаться на двѣ части: *принципіальную* и *прикладную*. Первая часть, преподаваніе которой прекрасно постановлено въ нашей академіи Генеральнаго Штаба, должно путемъ критико-историческаго метода подводить ученика къ твердому проникновенію общими принципами стратегіи и къ убѣжденію въ незыблемости этихъ главныхъ основъ военнаго искусства. Вторая, прикладная часть, должна перейти изъ области изученія общихъ принциповъ въ область ихъ *примѣненія* при *современной* обстановкѣ: при современныхъ массовыхъ арміяхъ—милиціяхъ (да простятъ намъ это слово), при современныхъ способахъ мобилизаціи, при современныхъ путяхъ сообщеній (изъ нихъ же главный — чугушка), при

современныхъ способахъ управленія и проч. Словомъ, прикладная стратегія изъ области общихъ принциповъ перейдетъ въ область *правила-нормъ*, займется концепціей законовъ для частныхъ случаевъ современности, законовъ, «ближе выясняющихъ сущность (природу, свойства) дѣла и лишь показывающихъ, какъ при *известныхъ условіяхъ* (каковыми въ данномъ случаѣ будутъ условія нашего времени) лучше *примѣнить* къ рѣшенію вопроса «» принципъ».

Эти-то правила-нормы и будутъ тѣми техническими совѣтами, которыми долженъ быть вооруженъ всякій работникъ въ области современной практической стратегіи. Намъ возразятъ, что правила-нормы слишкомъ непостоянны, такъ какъ зависятъ отъ измѣнчивой обстановки. Разумѣется, если бы мы задумали вывести нѣсколько правилъ-нормъ для эпохи Петра Великаго и нашихъ дней,—едва-ли такая попытка увѣнчалась-бы успѣхомъ: настолько рѣзко измѣнились условія обстановки Петровскаго времени и нашего. И арміи другія по составу и размѣрамъ, и способы передвиженія другіе и мобилизація иная, и люди не тѣ, и финансовыя системы совершенно несходныя... Но обстановка *современной* войны мѣняется вовсе уже не такъ *быстро*. Главнѣйшіе ея факторы: типъ вооруженной силы, человѣкъ, оружіе, культура, пути,

средства страны не мѣняются настолько *рѣзко*, чтобы и правила-нормы, выработанныя при нихъ, подвергались слишкомъ частымъ измѣненіямъ. Этихъ правилъ-нормъ будетъ безусловно достаточно для современныхъ дѣятелей. Лучшимъ доказательствомъ этой мысли служить общее, хотя и позднее убѣжденіе, что опыта Турецкой войны 77 г. было-бы довольно для того, чтобы избѣжать ошибокъ—Японской. А вѣдь эти кампаніи отдѣляетъ четверть вѣка,—срокъ достаточный для того, чтобы дѣятелю расцвѣсть и завянуть.

Современность матеріала въ *прикладной* стратегіи должна имѣть первостепенное значеніе. Она должна дать рядъ твердыхъ правилъ для передвиженія армій при современныхъ путяхъ сообщеній, для охраны этихъ путей, для оборудованія базы, для маневрированія большой арміи къ полю сраженія и на полѣ сраженія, для организациі развѣдокъ и проч.

Словомъ, какъ существуетъ *современная тактика* (и это выраженіе никому не рѣжетъ ухо), такъ должна существовать и *современная стратегія*, и какъ отличительныя особенности современной тактики обусловливаются развитіемъ культуры и сопровождающей ея техники (оружіе и проч.), такъ и типичныя особенности современной стратегіи объясняются тою-же культурою и тою-же техникою (желѣзныя дороги, массовыя арміи и проч.).

Изъ всего изложеннаго нетрудно заключить, что курсъ прикладной стратегіи долженъ представлять собою синтезъ всѣхъ военныхъ наукъ и знаній. Касаясь вопросовъ о вооруженной силѣ, о снабженіяхъ и перевозкахъ, этотъ курсъ будетъ базироваться на матеріалѣ, даваемомъ ему военной администраціей; касаясь оружія,—будетъ черпать свои выводы изъ области артиллеріи; говоря объ элементѣ мѣстности,—заимствуетъ данныя фортификаціи; касаясь дѣйствій войскъ, управленія и проч.,—будетъ пользоваться тактикой; трактуя о человѣкѣ и о массовомъ человѣкѣ (арміи),—коснется таинственной области военной психологіи, и, наконецъ, во всѣхъ случаяхъ онъ будетъ опираться на военную исторію. Но, вторгаясь во всѣ эти области военныхъ знаній, курсъ прикладной стратегіи будетъ пользоваться данными этихъ наукъ только, какъ матеріаломъ для широкихъ обобщеній, долженствующихъ дать цѣлый рядъ основъ современнаго военнаго искусства (правиль-нормъ Леера), которыя стратегу-технику могутъ послужить полезнымъ руководствомъ при рѣшеніи разныхъ вопросовъ войны и избавятъ его отъ необходимости импровизировать, творить тамъ, гдѣ минувшій опытъ уже сдѣлалъ эту работу за него.

Намъ могутъ возразить, что въ подобномъ курсѣ нѣтъ надобности, такъ какъ во всѣхъ перечисленныхъ наукахъ такой техники можетъ

найти все, что ему угодно. Во-первыхъ,—найти можетъ не всякій и не всегда, во-вторыхъ,—въ каждой изъ этихъ наукъ каждый вопросъ разсматривается только съ точки зрѣнія узкой спеціальности, а не съ точки зрѣнія широкой стратегіи, въ-третьихъ,—въ каждомъ курсѣ этихъ наукъ масса фактическаго матеріала и техническихъ подробностей, затемняющихъ суть дѣла и затрудняющихъ выводы.

Лучшимъ свидѣтелемъ въ пользу всего выказаннаго можетъ послужить программа «Стратегіи» генерала Блюме. Трудъ дѣлится на три части: первая—сущность войны, вторая—характеристика средствъ войны (т. е. изучаетъ *военные элементы*) и третья—о пользованіи вооруженными силами и средствами войны (изучаетъ комбинаціи военныхъ элементовъ, т. е. занимается *военными явленіями*).

Чтобы дать болѣе ясное понятіе объ этой книгѣ, къ сожалѣнію не пользующейся у насъ заслуженнымъ распространеніемъ, приведемъ нѣсколько дословныхъ выдержекъ изъ нея.

Генераль Блюме: говорить:

«Корпусъ не можетъ совершать фланговаго марша по одной дорогѣ, когда его противникъ находится въ одномъ переходѣ». Такой именно запретный маршъ совершила часть силъ 2 арміи (сильнѣе корпуса) съ 17 по 19 февраля

отъ Матурани къ Мукдену для занятія укрѣпленій западнѣе этого города (линія деревень Янсытунь—Мадяпу) *). Или:—«Армія (5 корп. и 3 кавал. див.) можетъ двигаться по одной дорогѣ, если конечные пункты марша cadaго изъ корпусовъ отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 1 перехода». И далѣе:—«Такая армія нуждается для сосредоточенія въ пунктѣ, находящемся въ 3 миляхъ впереди фронта, въ 5, 6 дняхъ».

Или:—«Предѣлъ наибольшей, безопасной разброски армій во время марша опредѣляется большею или меньшею вѣроятностью въ необходимости *сосредоточенія* своихъ силъ, т. е. зависитъ *отъ разстоянія*, на которомъ армія *охраняется съ фронта и фланговъ*».

Въ этихъ правилахъ въ сущности нѣтъ ничего новаго, но формулированныя сжато и содержательно, систематизированныя и сведенныя

*) Замѣчательно, что Ноги 17-го числа, уже порвавши свои сообщенія съ Инкоу и еще не возстановивши ихъ съ Синминтиномъ, стремясь къ Мукдену, совершали такое-же движеніе *на виду* всей 2-ой арміи, почти полностью сосредоточенной у Матурани. Ни мы 17-го, ни японцы въ ночь съ 18-го на 19-ое (когда мы тянулись фланговымъ маршемъ вдоль линіи Мадяпу-Янсытунь) не атаковали и, такимъ образомъ, не воспользовались рискованнымъ положеніемъ противника. 17-го мы послали для этого къ Шуанго только *слабый* сводный отрядъ ген. Голембатовскаго, который и имѣлъ такой-же успѣхъ. Полумѣра дала полуюспѣхъ.

въ одинъ небольшой томъ, они—и имъ подобныя—производятъ совершенно новое по силѣ и ясности впечатлѣніе. А это-то и нужно для того, чтобы они «заночевали» въ головахъ.

Нѣтъ ничего новаго также и въ постоянномъ и упорномъ забвеніи, на примѣръ, такой, казалось-бы, совершенно ясной истины, какъ ниже слѣдующая:

«Для того, чтобы командуящій арміей могъ какъ можно дольше не сосредоточивать арміи, въ виду тѣхъ неудобствъ, которыя оно представляетъ, для того, чтобы прибѣгнуть къ нему въ послѣднюю минуту, когда онъ будетъ освѣдомленъ о намѣреніяхъ противника, необходимо, чтобы между нимъ и кавалеріею сохранялось опредѣленное разстояніе».

На основаніи этого правила, при численномъ и качественномъ превосходствѣ нашей конницы, наступленіе нашей арміи отъ Мукдена къ Шахэ нельзя не признать нецѣлесообразнымъ. Мы уперлись въ лобъ японца; и онъ, и мы основали свою безопасность не на удаленіи, а на страшныхъ окопахъ, проволокахъ и фугасахъ; поле дѣятельности нашей конницы ограничилось лишь флангами; мы добровольно отказались отъ одного своего плюса (конницы)—и совершенно ослѣпли. Эта слѣпота не покидала насъ во все время, предшествовавшее Мукденскому бою; эта слѣпота была причиною поздняго открытія арміи Кав-

муры *); эта слѣпота долго оставляла насъ въ невѣдѣніи относительно значенія угрозы нашему правому флангу со стороны Ноги, Оку и самого Оямы **); въ этой-же слѣпотѣ нужно искать и первопричину нашей Мукденской неудачи, такъ какъ, благодаря именно своей поздней освѣдомленности о сосредоточеніи главныхъ силъ противника противъ нашего праваго фланга, мы обнажили именно его, переведя сначала всю конницу, а потомъ и 1 Сибирскій корпусъ на крайній лѣвый флангъ.

Характерно, что японцы, усердные ученики нѣмцевъ, ни послѣ своихъ успѣховъ подъ Ляояномъ, ни послѣ Мукдена не послѣдовали нашей манерѣ главными силами упираться въ противника до отказа.

Интересны слова генерала Блюме о тылѣ арміи: «Если хода операций предвидѣть нельзя, не слѣдуетъ предназначенные для арміи запасы придвигать слишкомъ близко къ ней, даже въ

*) 12 февраля, т. е. уже съ началомъ Мукденскаго боя, въ штабѣ главнокомандующаго не знали точно о направленіи движенія и силѣ Ялужанской арміи.

**) 21 февраля, т. е. въ разгаръ боя 2 арміи съ обходной арміей Оку—Ноги, въ штабѣ главнокомандующаго еще не вѣрили, чтобы японцы рѣшились (?) перебросить на Синмятинскую дорогу свои главные силы. Тамъ надѣялись даже, «что обходная ихъ колонна постарается уйти назадъ и они займутъ прежнее положеніе, ожидая вновь высаживающихся войскъ» (?).

томъ случаѣ, если и желѣзная дорога подходитъ близко къ мѣсту дѣйствія арміи и недалеко находится станція, отвѣчающая требованіямъ большого движенія. Въ силу обстоятельствъ на конечной желѣзнодорожной станціи скопляются больные, раненые, всякаго рода запасы, и потому, въ случаѣ отступленія, потребуется известное время на то, чтобы очистить ее. Вотъ этого-то времени и будетъ недостаточно, если станція будетъ находиться вблизи арміи.

Такъ и кажется, что все это написано про положеніе нашей базы у Мукдена. «Ходъ операцій тамъ предвидѣли», потому что на случай обхода Мукдена съ запада еще въ октябрѣ заготовили здѣсь укрѣпленную позицію фронтомъ къ Ляо-хэ. Но, несмотря на это, Мукденъ перегрузили запасами настолько, что склады ихъ находились даже западнѣе линіи упомянутыхъ укрѣпленій. Поэтому во время Мукденскаго сраженія можно было наблюдать прямо курьезы. 18 февраля между линіями расположенія нашей и японской въ д. д. Улиму и Нингуантунъ я видѣлъ мирно расположенные наши интендантскіе склады; флегматично ползли какіе-то возы, нагруженные всякой всячиной; около нихъ беззаботно плелись какіе-то безоружные въ неуклюжихъ папахъ интендантскіе солдатики; часовые у складовъ старательно дѣлали на-краулъ проѣзжавшему начальству; а какой-то забытый интен-

дантскій подполковникъ, смотритель забытыхъ складовъ, въ бинокль разсматривалъ японскую позицію, писалъ донесенія и всѣхъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ, «что-жъ ему начать». Получились какіе-то интендантскіе аванпосты, гдѣ царствовала идилическая тишина, «миръ среди войны».

Въ ночь съ 18 на 19-ое февраля эти склады, на которые наложилъ руку самъ ихъ блюститель, наконецъ выведенный изъ оцѣпенѣнія, запылали огненнымъ заревомъ, старательно и на много верстъ освѣщая войска 2 арміи, совершавшей въ это время опасный фланговый маршъ для занятія позицій западнѣе Мукдена.

Очень интересны замѣчанія генерала Блюме о партизанскихъ дѣйствіяхъ. Онъ говоритъ: «Трудно достигнуть организациі партизанскихъ войскъ въ странѣ, гдѣ всѣ способные къ службѣ граждане призываются къ исполненію общеобязательной воинской повинности, и потому трудно, что въ этихъ странахъ армія отнимаетъ большую часть людей, способныхъ носить оружіе. Такъ какъ международное право разрѣшаетъ крутыя мѣры противъ партизановъ, то ясно, что партизанская война, если только она не ведена крайне энергично, скорѣе вредна, чѣмъ полезна для страны. Конечно, мужественная нація не задумается, изъ боязни преходящихъ золъ, напречь всѣ свои силы для того, чтобы спасти свою честь и независимость. Но до тѣхъ поръ,

пока у нея есть надежда побѣдить врага въ правильной войнѣ,—совсѣмъ не въ ея интересахъ искать спасенія въ партизанской».

Съ легкой руки 1812-го года въ своихъ военныхъ соображеніяхъ мы слишкомъ привыкли полагаться на такую данную, почти неуловимую для разчета, какъ партизанская война. Прочтя приведенныя строки Блюме, осторожный военный организаторъ будущаго едва-ли возьметъ на себя смѣлость строить широкіе планы обороны на такомъ фундаментѣ, какъ, не поддающіяся учету измѣнчивыя настроенія народныхъ массъ.

Глава о военной цензурѣ («О необходимости скрывать свои намѣренія») предусматриваетъ у ген. Блюме—и роль прессы своей и иностранной, и значеніе корреспондентовъ, и телеграфъ, и пользование ложными слухами, и развѣдку черезъ цензуру, и мѣры, достаточно и своевременно ориентирующіе свой народъ о всемъ происходящемъ на войнѣ. Имѣя подъ рукою подобный остовъ организаціи военной цензуры, нетрудно и на практикѣ наладить ее такъ, чтобы «и овцы были цѣлы, и волки сыты» *).

*) Коснувшись цензуры, — ну, какъ не сказать, что существуетъ современная стратегія? Даже во времена Наполеона, не столь отъ насъ далека, когда корреспонденція не знала желѣзной дороги и телеграфа, значеніе цензуры было совсѣмъ ничтожно. А теперь это едва-ли не главный рычагъ стратегической развѣдки, особенно въ періодъ раз-

Ограничившись приведеніемъ этихъ краткихъ отрывковъ изъ «Стратегія» ген. Блюме, мы не будемъ утверждать, что программа ея достойна буквального подражанія, мы можемъ даже при бѣгломъ просмотрѣ книги замѣтить ея пробѣлы (мало вниманія организаціи штабовъ и ихъ дѣятельности и др.); но, прочтя этотъ трудъ цѣликомъ, невольно проникаешься мыслью въ необходимости и у насъ такой-же книги, проникнутой живымъ духомъ умнаго, талантливаго опыта, съ замѣчательнымъ реализмомъ рисующей настоящую боевую дѣйствительность, при сохраненіи необходимой научности изслѣдованія.

Обыкновенно курсы стратегіи представляютъ собою сапоги, натягиваемые на изготовленные заранее академическія колодки. Что видишь въ такомъ «учебникѣ»? Классифицированный, сухой, болѣе или менѣе полный рядъ «пунктиковъ», требованій разныхъ отдѣловъ стратегической теоріи, уснащенный громоздкимъ багажомъ примѣровъ изъ далекаго прошлаго военной исторіи. Колодки—не живыя ноги, къ движенію не способны, а сапоги на нихъ сидятъ деревянно. «Живой водой» хочется sprysнуть такіе «протоколы» стратегіи.

вертыванія армій. Въ нынѣшнюю войну для обѣихъ сторонъ этотъ періодъ длился 1¹/₂ года, т. е. равнялся по продолжительности самой войнѣ.

Нѣмцамъ вообще везетъ на талантливыхъ *жизнописцевъ* военного слова, посвятившихъ себя служенію техникѣ *новѣйшей* войны и *современнаго* боя. Кромѣ Блюме, разбираемая книга котораго вышла уже около 30 лѣтъ тому назадъ и, слѣдовательно, не новинка въ германской арміи стоитъ только припомнить фонъ-деръ-Гольца съ его «Das Volk im Waffen».

Наша академія грѣшитъ противъ *современности* вообще и *русской* въ особенности. Положимъ, это легко объясняется и извиняется тѣмъ, что ей было слишкомъ много работы, чтобы твердо установить наше прошлое, а оно вѣдь мать настоящаго. Но теперь дошла очередь и до послѣдняго.

Я хорошо помню, что, когда намъ читали тактику, одной изъ самыхъ безсодержательныхъ лекцій—была лекція о *современномъ* огнѣ въ бою, его значеніи и вліяніи. Это было собраніе общихъ мѣстъ и расплывчатыхъ фразъ. Почему? Понятно. Другіе отдѣлы курса зиждились на богато-разработанномъ *древнемъ* опытѣ, а для лекціи объ огнѣ не воспользовались и тѣмъ *современнымъ*, что уже было подъ рукою.

Въ области стратегіи дѣло обстояло еще хуже. Въ изученіи военно-историческаго богатства (матеріала для стратегіи) мы остановились на кампаніи 1870—71 гг. и пренебрегли опытомъ 1877—78 гг., т. е., другими словами, чужой опытъ пред-

почли своему. А, право, лучше учиться по своимъ ошибкамъ, чѣмъ по чужимъ образцамъ. Для ошибки всегда легко отыскать причину, слѣдовательно поучительность ея несомнѣнна, а отыщите-ка ее для объясненія успѣха! Зачастую успѣхъ достигается, *не взирая* на ошибки, которыя такимъ порядкомъ (т. е. черезъ успѣхъ), чего добраго, могутъ пройти въ образцы, достойные подражанія.

Поэтому нельзя витать только среди классическихъ примѣровъ великихъ мастеровъ дѣла. Они необходимы, даже единственны, какъ матеріаль для выводовъ *принципальной* стратегіи *), но совершенно недостаточны для *прикладной*; они не даютъ и не могутъ дать тѣхъ чисто-техническихъ совѣтовъ (по Лееру, правилъ-нормъ), которые необходимы для дѣятеля на *современномъ* театрѣ войны, тогда какъ изученіе новѣйшихъ даже и незначительныхъ кампаній и экспедицій можетъ дать подходящій матеріаль въ изобиліи.

Напримѣръ, отчего мы не обращаемъ никакого вниманія на наши Туркестанскіе походы, часто образцы горной и степной войны? Отчего мы за-

*) Курсъ нашей академіи отличается именно чрезмѣрной перегрузкою военно-историческаго матеріала, необходимаго (и даже не необходимаго, какъ излишне-подробные обзоры среднихъ вѣковъ) для выводовъ принципальной стратегіи.

были часто печальный опытъ Кавказскихъ войнъ? Или мы слишкомъ увѣрены, что указанія этого опыта никогда уже болѣе не пригодятся?

Отчего мы не займемся Бурскою войною? Тамъ мы нашли-бы весьма поучительные примѣры пренебреженія къ противнику, къ организаціи, къ подготовкѣ къ войнѣ, наконецъ къ военному искусству, которое тамъ пытались замѣнить отвагою и замѣнили упорствомъ. Тамъ-же мы увидѣли-бы образцы народной войны со всѣми ея достоинствами и недостатками.

Отчего, напримѣръ, не изучать экспедиціи американцевъ на Кубу? Или намъ не нужны заморскія десантныя предпріятія? Или, быть можетъ, всѣ наши недруги переселились на материки?

Намъ возразятъ, что большинство этихъ кампаній не отошло еще на величину историческаго фокуса; что при этомъ условіи возможны ошибки въ выводахъ относительно дѣятельности отдѣльных лицъ и даже относительно нѣкоторыхъ событій; что неловко при жизни дѣятелей воздавать «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ».

Право, лучше не пожалѣть лицъ, чѣмъ Русь Святую! Что-же касается неполноты изслѣдованія нѣкоторыхъ событій, это едва-ли повредитъ цѣли, для которой собственно и полезно изученіе новѣйшихъ войнъ. Разработайте факты, подающіеся изслѣдованію; изучите хотя-бы отдѣльныя операціи, на-выдержку, не цѣлыя кампа-

ни, — и этого будетъ достаточно для полученія необходимыхъ выводовъ.

Отчего нѣмцы не постѣснились ввести въ курсъ своей академіи кампанію 1870 — 71 гг. и даже нашу войну 1877—78 гг. и, притомъ, почти тотчасъ-же послѣ ихъ окончанія? Отчего мы не могли сдѣлать того-же относительно своей Турецкой войны? Не лучше-ли намъ поучиться на своемъ-же опытѣ? Что ни говорите, — *военное искусство обще, международно, а достоинства и недостатки національны и, притомъ, наследственны.*

Будетъ прямо губительно для нашей арміи, если отрицательный опытъ и Японской войны не сдѣлается *немедленнымъ* достояніемъ академіи и широкихъ военныхъ круговъ.

Введя въ курсъ академіи обзоры новѣйшихъ войнъ, естественно захочется сдѣлать обобщенія изъ матеріаловъ, даваемыхъ ими, т. е., другими словами, ввести курсъ прикладной стратегіи. И наоборотъ — введеніе подобнаго курса стратегіи вызоветъ интересъ къ изученію новѣйшихъ войнъ.

Словомъ, такая постановка курса стратегіи дѣлаетъ его чрезвычайно *прогрессивнымъ, подвижнымъ.*

Вотъ и еще выгодная сторона предлагаемой мѣры.

На одной теоретической подготовкѣ въ области стратегіи далеко не уѣдешь, а между тѣмъ у насъ всѣ надежды возлагаются на одну теорію и для *практики* не дѣлается ничего или почти ничего.

Дѣйствительно, гдѣ и какъ можетъ упражняться нашъ начальствующій или офицеръ Генеральнаго Штаба въ разработкѣ стратегическихъ операций и, слѣдовательно, приобрѣтать навыкъ въ работахъ этого рода? Десятки офицеровъ оперативнаго отдѣленія Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба и часть офицеровъ канцеляріи Совѣта Государственной обороны могутъ приобрѣсти этотъ опытъ по роду своей постоянной службы; въ такомъ-же положеніи находится нѣсколько офицеровъ каждаго изъ окружныхъ штабовъ. Да и то, впрочемъ, всѣмъ имъ не достаетъ *поля*, и работа ихъ не всегда достаточно интенсивна: во время разныхъ перемѣнъ въ планѣ обороны работы не оберешься, въ періоды затишья остается лишь отдѣлка деталей.

Перечисленными офицерами и ограничивается контингентъ лицъ, которымъ стратегическая практика доступна по специальности ихъ постоянной службы.

Всѣ прочіе начальствующие и офицеры Генеральнаго Штаба могутъ получить такую практику лишь на очень большихъ маневрахъ (для армій) или на военной игрѣ, недавно введенной

при окружныхъ штабахъ для команднаго элемента (начиная съ командира полка) и для офицеровъ Генеральнаго Штаба.

Большіе маневры, въ родѣ бывшихъ Курскихъ, такая рѣдкость, что доступны только счастливымъ, да и то случайно, а практика этихъ маневровъ для каждаго даннаго лица, занимающаго, разумѣется, извѣстное служебное положеніе, ограничивается довольно узкими рамками (даже и для начальствующихъ лицъ въ родѣ начальника дивизіи) и, притомъ, страдаетъ отсутствіемъ разнообразія, всесторонности.

Каждый работаетъ въ своей сферѣ и не имѣетъ возможности практически познакомиться со сторонами стратегической дѣятельности, недоступными его служебному положенію.

Словомъ, *маневренная стратегическая практика для каждаго отдѣльнаго лица крайне рѣдка, случайна и несистематична.*

Тѣ-же недостатки (плюсъ отсутствіе поля и, нерѣдко, серьезности) свойственны и военной игрѣ, изрѣдка устраиваемой при окружныхъ штабахъ.

*Слѣдовательно, большинство офицеровъ Генеральнаго Штаба остаются при запасѣ стратегической подготовки, полученномъ въ академіи, а большинство старшихъ начальствующихъ, не бывшихъ въ ней, не имѣютъ и этого запаса *).*

*) Въ училищахъ совершенно не сообщается свѣдѣній по стратегіи.

Неудивительно, что, когда стратегическая действительность заговорит своим грозным голосомъ, дѣятели, для которыхъ слово «стратегія» равносильно «жупелу», выдвигаютъ только одинъ аргументъ — солдатскій горбъ, а офицеры Генеральнаго Штаба, *воспитанники принципиальной стратегіи*, головы которыхъ полны общихъ идей и принциповъ, начинаютъ блуждать среди нихъ, какъ въ дремучемъ лѣсу, и до *практическихъ пріемовъ и сноровокъ* могутъ добрести только при счастливой случайности (для средняго человека) и при счастливомъ дарованіи (для рѣдкаго таланта).

Словомъ, въ такіе критическіе моменты всюду начинается *импровизація*, иногда удачная, иногда, несмотря даже на благоприятную для насъ обстановку, неудачная*).

*) Чѣмъ, на примѣръ, объяснить такіе факты, какъ слѣдующіе? Известно, что путь сообщенія съ Харбиномъ во все время войны у нашей арміи былъ *одинъ* — южная вѣтка Китайской ж. д., сопровождаемая большой Мандаринской дорогой, а между тѣмъ въ арміи было *три* равноправныхъ управленія военныхъ сообщеній при арміяхъ да еще такое-же при главнокомандующемъ. Отвѣтъ одинъ — *блужданіе въ области общихъ идей*. Принципъ говорить — организациія мирнаго времени не должна мѣняться въ военное, *организациія* не должна замѣняться *импровизаціей*. Положеніе о полевомъ управленіи, разработанное въ мирное время (для европейскаго театра съ его большою сѣтью путей и большою разброскою армій) даетъ

Какъ-же горю помочь? Какъ *случайную* стратегическую подготовку замѣнить *строгово-организованной, систематической*?

Припоминается одна полевая задача въ академіи. Прежде (не знаю, какъ теперь) задавалась она группѣ офицеровъ уже послѣдней въ ряду прочихъ полевыхъ занятій, непосредственно передъ переходомъ слушателей на дополнительный курсъ.

Руководитель сообщалъ группѣ какое-нибудь

шаблонъ, въ силу котораго при каждой арміи должно быть по управленію военныхъ сообщеній и при главнокомандующемъ желѣзнодорожный отдѣлъ. Мы и воздержались отъ импровизаціи (хотя и не совсѣмъ превратили желѣзнодорожный отдѣлъ главнокомандующаго въ *четвертое* (!) управленіе военн. сообщ.), но за то, въ данномъ случаѣ, удержались совсѣмъ неудачно. Какъ известно, послѣ Мукдена наши сообщенія съ Харбиномъ оказались на вѣсу, желѣзная переносная дорога попалась врагу; во-истину: «у семи нянекъ дитя безъ глазу».

Избѣгнувши въ описанномъ случаѣ импровизаціи штабовъ, мы не боялись несколько нарушать организацию частей войскъ. Такъ отрядъ ген. Церпицкаго въ бою подъ Мукденомъ въ теченіи 18, 19 и 20 августа состоялъ изъ частей войскъ, принадлежавшихъ къ составу *четыреехъ* корпусовъ и *двухъ* армій.

Изъ двухъ приведенныхъ случаевъ, гдѣ можно было нарушить принципъ постоянства организации, а гдѣ нельзя? Передъ лицомъ-ли врага или въ тылу? Отвѣтъ, кажется, ясень.

Быстро и толково разбираться въ вопросахъ, гдѣ можно а гдѣ нельзя, помогаетъ только *практика*, и практика не случайная, а организованная, систематическая.

общее стратегическое задание. Скажемъ — походное движеніе корпуса для сосредоточенія его къ полю сраженія. Каждый офицеръ получалъ какую-нибудь должность: одинъ — командира корпуса, другой — начальника авангарда, третій — начальника правой колонны главныхъ силъ корпуса, четвертый — начальника лѣвой колонны и т. д. Всѣ участники получали пачку запечатанныхъ конвертовъ, которые должно было вскрывать лишь въ опредѣленный часъ и въ опредѣленномъ пунктѣ. Затѣмъ каждый офицеръ въ назначенный ему часъ садился верхомъ и, въ сопровожденіи коннаго вѣстового, двигался такъ, какъ будто-бы онъ и въ дѣйствительности слѣдовалъ съ войсками. Содержимое запечатанныхъ конвертовъ регулировало движеніе, а вводныя задания и тревожныя извѣстія разнообразили задачу и заставляли участниковъ принимать быстрыя рѣшенія, отдавать тутъ-же письменныя распоряженія и проч. Съѣхавшись на сборный пунктъ, по окончаніи задачи, участники заставляли здѣсь своего руководителя и подвергались критикѣ *).

Отчего нѣчто подобнаго нельзя ввести и въ войскахъ для старшихъ начальствующихъ и офицеровъ Генеральнаго Штаба?

Разумѣется, задания должны быть болѣе ши-

*) Такія полевныя задачи, какъ кажется, существуютъ въ кавалеріи для упражненія генералитета.

рокія, не одностороннія, а двухстороннія, не для корпусовъ (какъ въ приведенномъ случаѣ), а для армій, захватывать огромные раіоны, свойственные нынѣшнимъ арміямъ, и длиться не день и не два, а недѣлю или двѣ. Приближая участниковъ къ дѣйствительности очень рѣдкихъ и дорогихъ большихъ армейскихъ маневровъ, эти *полевныя стратегическія задачи* будутъ стоить относительно гроши. А путемъ устройства стартовъ, финишей, промежуточныхъ постовъ и повѣрочныхъ развѣздовъ изъ руководителей можно установить контроль надъ дѣйствіями и ввести въ нихъ возможность разнообразія и переменъ противъ первоначальныхъ предварительныхъ предположеній.

Отчего, наконецъ, для офицеровъ Генеральнаго Штаба не сдѣлать обязательнымъ періодическое рѣшеніе большихъ стратегическихъ задачъ *на картѣ и на планѣ*, въ родѣ того, какъ это практикуется во время третьей академической темы? Вѣдь занимаются-же строевые офицеры тактическими задачами? Подобнымъ-же образомъ офицеру Генеральнаго Штаба можно иногда сѣсть и за стратегическую.

Почему хлопчутъ о томъ, чтобы тактика «заночевала» въ головахъ военныхъ и нисколько не заботятся о томъ, чтобы тамъ-же «заночевала» и стратегія?

Систематическимъ веденіемъ этихъ задачъ, всегда сопряженныхъ съ изученіемъ географиче-

скаго и статистическаго матеріала, можно было-бы добиться того, что офицеры Генеральнаго Штаба знали-бы пограничныя полосы, какъ свои пять пальцевъ, а сочетаніемъ ихъ съ упомянутыми выше *полевыми* стратегическими задачами (причемъ, разумѣется, задачи на планѣ и картѣ должны предшествовать полевымъ), можно было-бы усугубить это знакомство и увеличить продуктивность поля.

Еще одно условіе чрезвычайной важности заключается въ томъ, чтобы офицеры Генеральнаго Штаба, претендующіе на командованіе въ бою, имѣли-бы не случайную и рѣдкую, а непременно *ежегодную* стратегическую практику мирнаго времени, въ видѣ проектируемыхъ маневровъ безъ войскъ или-же въ видѣ обыкновенныхъ маневровъ. Для осуществленія этого безъ ущерба для мѣстъ постоянной службы офицеровъ Генеральнаго Штаба, въ каждомъ учрежденіи ихъ можно было-бы подраздѣлить на двѣ очереди: одна командировалась-бы на маневры лѣтомъ, а другая — зимою. Только тогда офицеры Генеральнаго Штаба «набьютъ себѣ руку» въ стратегіи.

Почему-то предполагается, что Генеральнаго Штаба офицеръ, «*qui veut tout faire, qui sait tout faire, qui peut tout faire*», *) единственно,

*) Отзывъ Сіееса о Бонапартѣ, только что вступившемъ въ число пяти директоровъ.

чего можетъ не знать—это своей прямой специальности, т. е. *техники полевой службы Генеральнаго Штаба* *). Почему инженеру безъ практики не довѣрять постройки дома, непрактикующаго доктора не пригласять къ больному, а офицеру Генеральнаго Штаба, никогда не несшему полевой службы, не стѣсняются вручать судьбу войскъ? Вѣдь по однѣмъ книжкамъ, какъ бы онѣ хороши ни были, нельзя научиться даже такому простому практическому искусству, какъ танцы. А во сколько разъ труднѣе наши боевые танцы?

Въ послѣднее время опять возникли рѣчи о сближеніи Генеральнаго Штаба съ войсками путемъ продленія сроковъ пребыванія его офицеровъ въ строю и на строевыхъ должностяхъ. Это,

*) Послѣдняя война необычайно богата примѣрами прямо легкомысленнаго отношенія къ *техникѣ штабной службы*. Приведу то, чему самъ былъ свидѣтелемъ: 1) 5 стрѣлковая бригада въ бою у с. Сандепу 13-го января получила одновременно черезъ двухъ пѣшихъ *солдатъ (!)* два чрезвычайно важныхъ *словесныхъ (!)* приказанія, противорѣчившихъ одно другому: одно—отъ командующаго арміей (развернуться въ боевой порядокъ), другое—отъ командира корпуса (стать въ резервъ). 2) Въ томъ-же сраженіи командующій 2 арміей, ген.-ад. Гриппенбергъ, желая приблизиться къ полю сраженія, уѣхалъ отъ своего штаба на 12 верстъ. Разумѣется, это отразилось на управленіи. 3) Такъ-же ускакалъ въ Мукденъ отъ своей арміи, *не поставленной объ этомъ въ извѣстность*, и отъ своего штаба, находившагося въ с. Матурань, 17 февраля ген. бар. Каульбарсъ. А вѣдь это былъ Мукденскій бой!

де, разовьетъ привязанность войскъ къ Генеральному Штабу и обратно. Не сомнѣваясь нисколько въ послѣднемъ, нельзя не усумниться въ первомъ: войска цѣнятъ не тѣхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, которые долго протрубили въ строю, а тѣхъ, которые, хорошо владѣя техникою своей спеціальности, всегда во-время и всегда на мѣстѣ служатъ, обслуживаютъ ихъ и толково ими управляютъ, т. е. изображаютъ при войскахъ «недреманное око».

Точно также войска цѣнятъ въ артиллеристѣ тонкое знаніе его спеціальности, въ инженерѣ—его.

Спеціальность Генеральнаго Штаба одна изъ труднѣйшихъ, одна изъ опаснѣйшихъ (такъ какъ въ мирное время безнаказанно легко сбивается на диллетанство): вотъ почему для нея сугубо нужна систематическая практика.

Намъ кажется, при очерченныхъ условіяхъ изученія стратегіи, *теорія* путемъ ея прикладной части исподволь подводила-бы къ *полю* (маневры, полевая задача), а поле—къ *войнѣ*. При этихъ условіяхъ *былъ-бы построенъ мостъ между теоріей и практикой*.

Никто и никогда не возражалъ противъ *опыта*, никто теперь не возражаетъ и противъ *теоріи* (упорядоченія, систематизаціи того-же опыта), нужно подумать и о *мостѣ* между ними.

II.

„Человѣкъ“.

Въ «Нашихъ дѣлишкахъ» М. И. Драгомирова читаемъ: «... Въ военномъ дѣлѣ первѣйшій и важнѣйшій факторъ есть ЧЕЛОВѢКЪ».

Какъ создается этотъ человѣкъ у насъ?

Помню хорошо свое первое впечатлѣніе въ полку—слабость дисциплины и службы сравнительно съ тѣмъ, что видѣлъ и испыталъ въ военно-учебномъ заведеніи, откуда вышелъ. Дѣло было на большихъ маневрахъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ чувствовался халатъ, скука, отсутствіе интереса. Люди поражали своею мужиковатостью, офицеры—равнодушіемъ и даже иногда ироническимъ отношеніемъ къ дѣлу. Рѣдкіе изъ нихъ, составлявшіе исключеніе, не избѣгли той-же ироніи своихъ товарищей. Какъ теперь помню одного изъ такихъ «ревностныхъ». Сколько насмѣшекъ онъ тогда заработалъ! Главная изъ нихъ—къ чему старается, вѣдь человѣку уже подъ сорокъ,

все равно—карьеру не сдѣлаетъ!? Въ то время никто-бы не угадалъ, что изъ этого «ревностнаго» выйдетъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ генераловъ, которому война дастъ честное боевое имя и два георгиевскихъ креста.

А полкъ, о которомъ говорю, былъ одинъ изъ лучшихъ, съ блестящею репутаціею, служебною и товарищескою. И халатъ этотъ такъ поразившій молодой, не притупившійся глазъ, — былъ только даромъ духу службы, безъ ясно поставленной цѣли, безъ души.

По крайней мѣрѣ на маневрахъ эта душа куда-то отлетала, и священный азартъ, которымъ были одержимы рѣдкіе «ревностные», для массы не существовалъ.

Что-же? Развѣ въ этомъ полку не было дѣльныхъ офицеровъ? Развѣ репутація этого полка была ложна?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! И дѣльные офицеры— было большинство полка и служили въ этомъ полку не на шутку... Чтобы увидѣть эту службу, стоило только дожить до зимы. Посмотрѣли-бы вы, какой балетъ (вмѣсто ротнаго ученья) танцевала въ манежѣ учебная команда, право, даже у Аракчеева сердце дрогнуло-бы; какъ старательно, съ седьмымъ потомъ задалбливалась словесность; какъ неистово лѣзли изъ кожи ретивые дядьки, выправляя вновь полученную деревенщину, своихъ питомцевъ-новобранцевъ; какъ похажи-

вали вокругъ субалтерны да налаживали всю эту машину, чтобы не поскрипывала да не постукивала, а шла бы ровно, плавно да толково; какъ подбадривали молодежь разсудительные, спокойные, уравновѣшенные ротные, да какъ сами они въ тиши своихъ канцелярій вкупъ съ фельдфебелями Иванами Сидорычами гуторили о хозяйствѣ, стараясь «на обухѣ рожь молотить», вы-бы сняли шапку и сказали:—«Здѣсь трудятся, какъ умѣютъ; здѣсь готовятъ *«человѣка»*. Если у васъ пробѣжало-бы кой-какое сомнѣніе, захотѣлось-бы задать вопросъ,—отложимъ это до другого раза. Намъ некогда. Нужно осмотрѣть всѣ уголки казарменной жизни.

Не выходя изъ помѣщенія той-же роты, вы можете найти въ ней одинъ изъ удаленныхъ, уютныхъ «покоевъ», гдѣ вашимъ глазамъ представится совершенно оригинальная картина. Тамъ вы застанете человѣкъ десять, пятнадцать людей въ рубашкахъ, вправленныхъ въ сапоги, съ фартуками и иной разъ съ ремесленными ремешками на лбу. Здѣсь сильный запахъ кожи, молотокъ глухо постукиваетъ по колодкѣ, дратва съ легкимъ скрипомъ проходитъ въ толстую кожу. Работа идетъ споро, всѣ заняты и едва ли замѣтятъ появленіе начальства. Команда фельдфебеля, неотступно слѣдующаго за вами, повелительно вернетъ сапожниковъ къ воинскому чувству; они бросятъ свои иглы, дратвы и ко-

лодки, и вы на минуту увидите предъ собою нѣкоторое подобіе солдатъ во образѣ ремесленника. Быть можетъ, заинтересованные подробностями сапожнаго производства, вы начнете разспрашивать о немъ, постараетесь вникнуть въ расчеты товара и успѣха работы; фельдфебель вполне авторитетно начнетъ давать вамъ тѣ свѣдѣнія, какія сочтетъ нужными и понятными для васъ; вы почувствуете, что вы здѣсь ученикъ, а не учитель, что вы здѣсь лишній, что вы, просто-на-просто, мѣшаете незнакомой вамъ работѣ и поспѣшите удалиться изъ учрежденія, невольно пользуясь правомъ «экстерриториальности».

Можетъ статья, особенно незадолго до инспекторскаго смотра, въ той-же ротѣ вы набредете и на другую такую-же комнату, гдѣ подобнымъ же образомъ будутъ запряганы отъ вашего чисте строевого глаза такіе-же ремесленники-солдаты, но уже портняжнаго цеха. И здѣсь бы будете себя чувствовать въ той-же столь неловкой роли «знатнаго иностранца».

Если вы человѣкъ самолюбивый, если вы не привыкли и не желаете смотрѣть на службу изъ рукъ вашего подчиненнаго, а тѣмъ болѣе вашего фельдфебеля; если, наконецъ, вы цѣните прелести благодарности въ приказѣ по полку и всѣя практическія послѣдствія,—вы начнете вникать понемногу въ таинственную для васъ область покроя, укроя и всего прочаго, вы не-

вольны, безъ «предвзятого намѣренія и безъ заранѣе намѣченной цѣли» пожертвуете своимъ обычнымъ вниманіемъ, которое имѣли обыкновеніе удѣлять помѣщеніямъ роты, гдѣ «сколачиваютъ» человѣка-воина, въ пользу тѣхъ покоевъ, гдѣ его «расколачиваютъ».

Въ то время, какъ въ ротахъ идетъ описанный гомонъ и движеніе военной педагоги и хлопотня ротныхъ ремесленниковъ, на полковыхъ дворахъ, въ цейхгаузахъ, мастерскихъ, хлѣбопекарняхъ, швальняхъ, квасоварняхъ неустанно кипитъ работа на потребу «утробы человѣческой». Работа сложная, отвѣтственная, требующая большой изобрѣтательности, большой финансовой и практической изворотливости, большихъ способностей. Нелегко заботливому командиру полка найти работниковъ на ниву полкового хозяйства. И счастливъ строевой начальникъ, которому удалось среди своихъ офицеровъ отличить истинно-лучшихъ и истинно-надежныхъ для того, чтобы одному поручить квась, другому швальню, третьему казармы, четвертому солдатскую лавочку, пятому все хозяйство полка. А тутъ и еще забота—нужно и канцелярію поручить дѣльному, аккуратному и тактичному офицеру, мобилизацію — офицеру-мозаисту, хозяйственное дѣлопроизводство, полковой судъ,

офицерское собраніе, бібліотеку, церковь, казну, оружіе, школу солдатскихъ дѣтей—на все это сложное нестроевое дѣло нужно офицеровъ, да еще изъ лучшихъ! Легко сказать—угадать среди своихъ подчиненныхъ способности купца, финансиста, портного, сапожника, хозяина, механика, архитектора, юриста, администратора, гувернера! Сто кратъ счастливъ тотъ изъ командировъ, который удачно разрѣшитъ эту нелегкую задачу. Начальство, навѣщая полкъ, будетъ всегда въ духѣ, его глазъ будетъ пріятно ласкать хозяйственная отполированность полка, у его командира аттестация «выдающагося», «заботливаго», «опытнаго» не за горами.

Но горе тому, кто вздумалъ бы лучшихъ своихъ офицеровъ посадить на роты, на строй. Прежде всего были-бы недовольны сами офицеры:—они лишились-бы матеріальныхъ преимуществъ хозяйственныхъ чиновъ, началась-бы воркотня. А отъ начальства подобный командиръ рисковалъ бы получить такіе нагоняи за «небреженіе», что его мечты о словѣ «выдающийся» должны были-бы разлетѣться въ прахъ. Дай Богъ заслужить отзывъ «удовлетворительный», а онъ, какъ извѣстно, никого не удовлетворяетъ.

И вотъ стараются всѣ на хозяйственной почвѣ: командиры полковъ обращаются въ старшихъ каптенармусовъ, а полки—въ универсальные

магазины въ духѣ знаменитаго московскаго «Мюръ и Мерилиза».

«Родъ занятій опредѣляетъ родъ понятій и характеръ отношеній», любилъ повторять М. И. Драгомировъ. А какой-же родъ понятій и характеръ отношеній можетъ образоваться у офицера и начальника въ описанной хозяйственной лавочкѣ? Разумѣется, офицеръ, воспитанный въ такой коммерческой атмосферѣ,—*весь матерія, ему не до духа и даже не до «человѣка».*

Аттестация «хорошій хозяинъ» такъ высоко цѣнится въ нашей арміи, что безусловно беретъ верхъ надъ соображеніями,—пригоденъ данный офицеръ для войны и боя или не пригоденъ. Чтобы опредѣлить такую пригодность, нуженъ кровавый экзамень, а «хорошій хозяинъ» и въ мирное время такъ и лѣзетъ въ глаза.

Привычка—вторая натура. Помню на театрѣ войны сцены на совѣщаніяхъ начальствующихъ передъ какой-нибудь атакой или другимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ. Въ тѣсной фанзѣ, буквально биткомъ набитой, царствовала томящая скука и молчаніе, пока читались соображенія о распредѣленіи силъ, о направленіи главнаго удара, о времени атаки, объ огневой подготовкѣ; но муравейникъ сразу оживалъ, какъ только рѣчь заходила о хозяйственныхъ вопросахъ: слышались обоснованныя возраженія, давались дѣйствительные совѣты.

Ясно,—и въ военное время давала себя чувствовать хозяйственная закваска.

Можно утверждать, что *хозяйство—это школа нашего строевого офицера и командира.*

Мы уже видѣли, что *то-же хозяйство совершаетъ ту-же работу и надъ нижнимъ чиномъ.* Для поясненія нарисованной картинки ротной «учобы» и хозяйственной хлопотни, приведемъ здѣсь нѣсколько цифровыхъ данныхъ.

Въ одной изъ ротъ на войнѣ по *списку* было—284 чел., *въ расходъ*—108, на *лицо*—176. Другими словами: въ расходѣ болѣе $\frac{1}{3}$, причемъ убитыхъ, раненыхъ и больныхъ—73 (еще не исключенныхъ приказомъ), а 40 человекъ было *израсходвано на хозяйственныя надобности.* А вѣдь это составитъ 14⁰/о! Цифра прямо ужасающая! На армію въ 300.000 человекъ это составитъ 32,000 человекъ, т. е. корпусъ. Присоедините сюда еще настоящихъ штатныхъ нестроевыхъ (интендантскія, тыловыя, этапныя команды),—и вы убѣдитесь, что приведенная цифра численности людей, которые пропали для боя, удвоилась или утроилась т. е., другими словами, выросла до размѣровъ арміи.

Гдѣ же причина подобной роскоши въ расходованіи людей на тыловую службу?

Она кроется въ стародавней привычкѣ нашей арміи, приобрѣтенной опытомъ долгаго мирнаго времени. Дѣйствительно, если взглянуть на по-

добную же рапортчку роты, находящейся на мирномъ положеніи, мы увидимъ, что изъ ста съ небольшимъ нижнихъ чиновъ по списку, въ ней человекъ сорокъ новобранцевъ, человекъ 8—10 въ учебной командѣ и 4 охотника—эти учатся; остальные, кромѣ штатнаго числа унтеръ-офицеровъ, разобраны по рукамъ хозяйственной частью и для нестроевыхъ надобностей:—этимъ учиться или, вѣрнѣе, систематически учиться некогда. Тутъ будутъ и портные, и сапожники, и конюха, и обозные, и носильщики (санитары), и писаря, и кашевары, и ихъ помощники, и помощники каптенармусовъ, и деньщики, и мастеровые всѣхъ цеховъ, и даже огородники, садовники, лакеи (офицерскаго собранія), церковники, пѣвчіе, музыкантскіе ученики. Словомъ, всѣ профессіи людскія, не исключая даже артистической. Въ общемъ—и въ мирное время, какъ и въ военное, такихъ людей въ ротѣ наберется человекъ сорокъ.

Добавьте къ этому караульныхъ, дежурныхъ, дневальныхъ, разныхъ рабочихъ, ежедневно щедрою рукою расточаемыхъ въ распоряженіе хозяйственныхъ чиновъ и учрежденій полка,—и станетъ вполне понятнымъ, почему ежедневно въ ротѣ изъ разряда солдатъ, такъ называемыхъ, старослужащихъ бываетъ на лицо 1—2, много 5—10 человекъ (последнее—большая рѣдкость).

Извольте при такихъ условіяхъ проводить какую-нибудь воспитательную систему, когда рота для старослужащаго нижняго чина (а такихъ $\frac{3}{4}$) — большею частью только ночлежка!

Ясно, что лишь только нижній чинъ кончаетъ свои четыре мѣсяца обязательнаго курса, положеннаго для подготовки новобранца, и приказомъ по полку получаетъ званіе рядового, т. е. *достойнаго занять мѣсто въ рядахъ полка*, — онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становится все хуже и, въ концѣ концовъ, эти ряды онъ только портитъ. Помню хорошо характерный въ этомъ отношеніи случай. Командиръ пѣхотнаго полка изъ кавалеристовъ, проведеній большую часть службы внѣ строя, обходилъ роты. Въ одной изъ нихъ въ общемъ учебномъ покоѣ были построены другъ противъ друга часть старослужащихъ и новобранцы, уже кончавшіе свою 4-хъ-мѣсячную учобу. И тѣ, и другіе были заняты ружейными приѣмами. Нестроевой командиръ, руководствуясь только наружнымъ видомъ двухъ выстроенныхъ передъ нимъ взводовъ и степенью ловкости въ продѣлываніи ружейныхъ приѣмовъ, привѣтствовалъ новобранцевъ, какъ старыхъ, а старослужащихъ, какъ молодыхъ, да еще и выразилъ надежду, что мнимые новобранцы сравняются со своими мнимыми старшими товарищами-молодцами. Получалась картина!

Неудивительно недовольство запасными въ дѣйствовавшей арміи; неудивительно, что эти запасные являлись на театръ войны не только безъ *воспитанія* солдатскаго, но даже и безъ необходимой *выучки* — ружья, что называется, въ руки взять не умѣли. А ужъ про духъ и говорить нечего! Въ мирное время не заботились о духѣ, все было направлено въ сторону «*утробы*», ничего, кромѣ лишней утробы, такой запасный и не приносилъ на театръ войны.

Существующая сложная воспитательно-образовательная система не вяжется съ общимъ режимомъ въ войскахъ: и *времени* не хватаетъ, чтобы изъ сырого матеріала создать солдата, да и *силы* лучшія и *вниманіе* главное направлены вовсе не на воспитаніе. Вотъ почему всѣ наши воспитательныя теоріи такъ и остались теоріями. На практикѣ онѣ отразились ровно на столько, на сколько начальство любитъ разныя «штучки». Старательный командиръ передъ смотромъ всегда готовъ къ нимъ.

«*Утроба*» взяла все время, «*утроба*» отняла всѣ силы, «*утроба*» же — причина и всѣхъ увертокъ отъ истинной, честной подготовки солдата, офицера и начальника.

Этимъ еще не ограничивается работа «*утробы*». Чѣмъ заняты теперь строевые, войсковые штабы?

Львиная доля ихъ труда направлена теперь на потребу той же «утробы». Разнаго рода требовательныя вѣдомости, отчетные и контрольные листы, повѣрка смѣтъ, журналовъ хозяйственныхъ оборотовъ, обширная хозяйственная переписка берутъ и силы, и время. А цѣль какая? Контроль, — который, увы, по причинѣ все той же громоздкости и сложности не достигаетъ цѣли. Во-истину — «у семи нянекъ дитя безъ глазу».

А между тѣмъ результатомъ этого порядка вещей въ штабахъ является такая привычка къ письменной отчетности, что представленіе бумажной отчетности обязательно даже по отдѣламъ воинской подготовки, казалось бы, не поддающимся бумагѣ, какъ, на примѣръ «*глазотърное*» опредѣленіе разстояній».

Если мы обратимся къ постановкѣ у насъ разныхъ школъ, т. е. войсковыхъ школъ грамотности мы тоже не найдемъ ничего, кромѣ бумаги. Какъ извѣстно, обученіе грамотѣ въ нашихъ войскахъ начинается со второго года службы нижняго чина, т. е. того года, когда онъ изъ солдата, мало-по-малу, начинаетъ обращаться въ цеховаго. Развѣ ротная школа можетъ существовать при этомъ порядкѣ вещей? Вѣдь въ ротѣ на лицо бываетъ одинъ, два старослужащихъ, да и то ежедневно разныхъ. Разумѣется, грамота у насъ въ неизбѣжномъ загонѣ. А взгляните въ «Журналъ ротной школы», и вы увидите, что

дѣло процвѣтаетъ. Бумажная отчетность въ учебномъ дѣлѣ — это лицо сфинкса, маска, изъ-за которой ничего не размотришь. Неудивительно поэтому, что между качествомъ войскъ и бумажною отчетностью о постановкѣ въ нихъ учебного дѣла часто наблюдается обратная пропорціональность. Никто не станетъ возражать противъ того положенія, что легче повѣрять учебную подготовку войскъ по журналамъ и отчетнымъ листамъ, чѣмъ самолично; но, если желать избѣгнуть неприятныхъ сюрпризовъ, — лучше здѣсь рѣшительно отказаться отъ «бумаги», памятуя, что она есть ничто иное, какъ повязка, налагаемая подчиненнымъ на глаза своего начальника.

Привычка наша къ бумагѣ — вторая натура нашихъ штабовъ. Они такъ ушли въ составленія и представленія разнаго рода срочныхъ донесеній, отписокъ и переписокъ, что поневолѣ за недосугомъ должны забывать о живомъ дѣлѣ. У людей, долго изощрявшихся надъ канцелярской стилистикой, образуется совершенно особый взглядъ: на «бумагу» они начинаютъ смотрѣть, какъ на *цль*, а не средство. Образуется своего рода чисто-чиновничій спортъ такого способа составленія бумагъ, гдѣ комаръ носа не подточитъ, — своего рода кодификація въ пустынныхъ дѣлахъ. А вѣдь эта кодификація беретъ золотое время, — время, отъ котораго на войнѣ зависитъ все.

И въ этой-то удушливой, притупляющей канцелярской атмосферѣ воспитывается нашъ офицеръ Генеральнаго Штаба!

Кажется, сдѣлалось уже избитымъ мѣстомъ, что въ войскахъ все должно быть налажено сообразно требованіямъ военного времени. Отчего же наша канцелярія не хочетъ считаться съ этимъ закономъ? На театрѣ войны поневолѣ канцелярскую дѣятельность стремились упростить, отбрасывали излишнюю «перемонность» сношеній, писали карандашомъ, на листкахъ записныхъ книжекъ и полевыхъ блокнотовъ, вмѣсто исходящихъ журналовъ сохраняли копии, полученные посредствомъ проложенныхъ листковъ копировальной бумаги, титулованіемъ не стѣснялись, красотой стиля не занимались, писали (вѣрнѣе — старались писать) *быстро, кратко и ясно*. Но, благодаря отсутствію постоянной практики въ мирное время, подобный родъ канцелярскаго дѣлопроизводства, требующій большого навыка, приходилось «импровизировать», а это не могло не отозваться вредно на однообразіи, стройности, точности, скорости и вообще налаженности штабной работы. Притомъ, тяготѣніе въ сторону чиновничьихъ упражненій оставалось на войнѣ настолько сильнымъ, что и тамъ далеко нерѣдко выпадали дни, когда на долю дивизионнаго штаба, самаго перволинейнаго, расположеннаго не только въ сферѣ вліянія противника, но и

въ предѣлахъ его огня, число исходящихъ №№ бумагъ доходило до 70 *). Виною тому привычка высшаго штаба требовать отъ нисшаго разнаго рода справки, отчеты и свѣдѣнія часто по нѣсколько разъ въ недѣлю, и даже въ день по одному и тому же вопросу. Гораздо легче ихъ спросить снова, чѣмъ поискать ихъ вокругъ себя.

Хорошо помню, какъ часто требовали отъ насъ свѣдѣній о, такъ называемой, «штыковой» силѣ частей войскъ, т. е. фактическую боевую ихъ численность; требовали въ періодъ боевого затишья, когда ничего, кромѣ небольшихъ перестрѣлокъ и стычекъ, не происходило и когда въ каждой части твердо знали *среднюю цифру* своей недѣльной убыли въ людяхъ. Почему же высшіе штабы не знали этой средней цифры?

Помню египетскій трудъ начальства и штабовъ по составленію наградныхъ листовъ *отдельныхъ* на каждого награждаемаго съ графами по числу аттестующихъ инстанцій. Вообразите себѣ работу начальника дивизіи послѣ удачнаго дѣла, когда, при условіи поголовнаго награжденія всѣхъ офицеровъ, онъ долженъ *собственно-ручно* заполнить около 350 графъ. Немудрено, что одинъ изъ такихъ «работниковъ», утомлен-

*) Другими словами, при непрерывной работѣ въ теченіе 15 часовъ въ сутки, требовалось въ часъ времени исполнить болѣе 4 бумагъ. Канцелярскій фокусъ не изъ легкихъ.

ный рядомъ боевъ и безсонныхъ ночей, проведенныхъ на позиціяхъ, вмѣсто слова «соглашенъ», сталъ писать «секретарь». А что достигалось такою чиновничьею волокитой? Контроль? Справедливость?—Ничуть не бывало. Жалобы на то, что въ тылу «меченосцевъ» было больше, чѣмъ впереди, не прекращались*). Единственный результатъ этого порядка — замедленіе хода награжденія. А если это такъ, то не лучше-ли придумать что-нибудь попроще?

Созданіе подобныхъ процедуръ — лишь проявленіе чиновничьей изобрѣтательности, которая совершенно не нужна въ боевомъ дѣлѣ, дань «бумагѣ», изъ которой канцеляристъ хочетъ создать нѣчто въ родѣ «всевиद्याщаго ока» — задача бумагѣ непосильная.

Благодаря «бумагѣ» офицеръ Генеральнаго Штаба еще въ мирное время совершенно лишенъ возможности посвятить себя всецѣло своей специальности. Мобилизаціонная готовность, тактическая подготовка офицеровъ, инспектированіе войскъ, полевая поѣздки съ основательною къ нимъ предварительною подготовкою, поѣздки въ

*) Единственное средство противъ этого явленія — обязательное указаніе, за что, за какое дѣло и подвигъ жадается боевая награда. При этомъ условіи многіе канцелярскіе кандидаты на мечи стали бы въ тупикъ, откуда взять имъ дѣло и подвигъ.

пограничные районы, изученіе сосѣднихъ непріятельскихъ территорій, изученіе непріятельскихъ армій, научно-литературная дѣятельность и сообщенія, маневры, военная игра — вотъ плодотворная дѣятельность офицера Генеральнаго Штаба. Вмѣсто всего этого, у насъ процвѣтаютъ «входящія» и «исходящія», «отчетности» и «вѣдомости», напоминающія логариѳмическія таблицы.

Намъ кажется, неизбежную письменность штабовъ въ мирное время слѣдовало бы реформировать на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) вести ее по упрощенному типу, принятому на войнѣ, сдѣлавъ обязательнымъ уважительное отношеніе къ полевой запискѣ, какъ къ истинно-военному документу, 2) упразднить бумажный отчетъ въ живомъ дѣлѣ обученія войскъ, 3) немилосердно изгонять изъ письмоводства всѣ формы, не отличающіяся простотою и не удовлетворяющія условію быстроты, и 4) децентрализовать доверіе (а съ нимъ и отвѣтственность).

Тогда и на войнѣ «бумага» сократится. А зло, происходящее отъ нея въ военное время, такъ велико, что заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Начальникъ войсковаго штаба и адъютанты, вмѣсто того, чтобы проводить большую часть своего времени въ полѣ — мало-ли тамъ работы по размѣщенію войскъ, по надзору за укрѣпленіемъ позицій и ихъ занятіемъ, по производ-

ству развѣдокъ, по повѣркѣ сторожовки, по изученію путей, по организациі связи со своими сосѣдями, по подготовкѣ разнаго рода боевыхъ операцій—вмѣсто всего этого офицеры Генеральнаго Штаба корпятъ надъ составленіемъ сложныхъ отчетностей по личному составу войскъ и ихъ снабженій. Въ результатѣ — всѣ отчетности представляются исправно, а войска, даже въ весьма значительныхъ силахъ, совершаютъ большія и сложныя передвиженія по *словеснымъ* распоряженіямъ, передаваемымъ часто черезъ никому невѣдомыхъ корнетовъ. Прибавьте къ этому широко-практиковавшееся въ послѣдней кампаніи перемѣшиваніе частей,—и вы поймете, что совершается послѣ сутокъ такого марша: утромъ, оглядываясь по сторонамъ, войска видятъ какихъ-то незнакомыхъ и даже неожиданныхъ сосѣдей; не знаютъ, кому они теперь подчинены; ничего не вѣдаютъ о своемъ назначеніи и, разумѣется, —ничего о противникѣ *). Стоитъ только передъ такимъ воинствомъ, да еще отступающимъ, появиться нѣсколькимъ непріятельскимъ орудіямъ въ сопровожденіи парочки эскадроновъ да

*) Таковыми были ночные марши частей 1-го стрѣлковаго корпуса съ 16 на 17 и съ 18 на 19 февраля, во время сраженія подъ Мукденомъ. Необходимо вспомнить, что корпусъ былъ ближайшимъ къ обходнымъ арміямъ Оку и Ноги.

открыть огонь откуда-нибудь съ фланга — и паника готова.

Развѣ подъ Мукденомъ паника въ обозахъ явилась результатомъ энергичнаго натиска японцевъ? Она шла изъ нашей полевой канцеляріи, которая немилосердно надоѣдала войскамъ въ періоды боевого бездѣлья и направляющую руку которой войска неизбѣжно переставали чувствовать, лишь только боевой пульсъ начиналъ биться быстрее лимфатическаго канцелярскаго.

Ясно, что полевая канцелярія съ ея нынѣшними порядками придумана для мирнаго времени. А корень зла все въ томъ-же «хозяйствѣ»: «бумага» лишь производная его функція. Проводники «бумаги» и творцы разныхъ бумажныхъ «формъ» — все тѣ-же ревностные офицеры, которые пошли по хозяйственной, а потомъ, дѣлая дальнѣйшую карьеру, и по «бумажно-административной» стезѣ. «Хозяйство» —виною тому, что нашъ «человѣкъ» (все равно, будь то солдатъ, штабной, офицеръ, командиръ) воспитанъ не такъ, какъ желательно.

Что же дѣлать? Какъ горю помочь?

Если мы не хотимъ разоружаться даже безъ роспуска арміи, выходъ только одинъ — *самымъ рѣшительнымъ и скорымъ способомъ вынести хозяйство изъ войскъ, послѣднихъ обратить въ по-*

требителей, а поставщиками на нихъ сдѣлать интендантство *).

Возраженія противъ этой мѣры давно извѣстны: первое—интендантская честность, второе — деньги, третье—откуда взять все то, что теперь заводится по, такъ называемому, способу «безъ расхода для казны», т. е. на хозяйственныя экономическія суммы полковъ.

Интендантская честность. Теперь, послѣ опыта послѣдней войны, какъ кажется, это выраженіе получаетъ уже не всегда смыслъ ироніи. Слѣдовательно, весь вопросъ въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи на томъ-же пути и въ мѣрахъ поддержанія и развитія народившагося молодого интендантскаго поколѣнія; а основаніе этихъ мѣръ — образовательный цензъ, улучшеніе матеріальнаго и служебнаго положенія и контроль. Распространяться о первой и второй мѣрѣ не приходится; что-же касается контроля, то на немъ не мѣшаетъ остановиться. При предлагаемомъ способѣ интендантскаго хозяйства, лучшими контролерами будутъ сами-же войска-потребители; придется только использовать полезную сторону ихъ потребительскаго каприза. Второй родъ контроля — привлеченіе къ нему еще въ

*) Когда эта книга была уже въ печати, прошелъ слухъ о томъ, что мы близки къ осуществленію высказаннаго пожеланія. Будемъ надѣяться на возможно полное проведеніе хозяйственной реформы.

мирное время чиновъ государственнаго контроля; прибѣгая ко всевозможнымъ видамъ повѣрки дѣятельности интендантства, къ контролю предварительному, фактическому и бумажному, чиновники департамента военной и морской отчетности могли бы образовать въ своей средѣ готовый кадръ будущихъ полевыхъ контролеровъ, которымъ, послѣ цѣлаго ряда маневренной практики, дѣло повѣрки и на войнѣ было бы не въ диковинку.

Единственнымъ возраженіемъ противъ предлагаемой мѣры—служить междувѣдомственная антипатія. Она, чего добраго, принудитъ отказаться отъ вполне цѣлесообразной мѣры. Въ такомъ случаѣ придется обратиться къ учрежденію *независимой* войсковой интендантской инспекціи, по образцу существующихъ такихъ-же инспекцій для пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и инженеровъ.

Деньги. Откуда взять денегъ на устройство и оборудованіе большихъ интендантскихъ мастерскихъ? Думается, что единое оптовое хозяйство для всей арміи должно обходиться дешевле дробнаго, полковаго, особенно если ручной трудъ замѣнится машиной, что опять-таки вѣроятно послѣ объединенія хозяйства.

Наличные экономическіе капиталы въ частяхъ войскъ (которые вѣрнѣе было бы назвать *мертвыми*), особенно послѣ войны, достигаютъ весьма и

весьма почтенныхъ размѣровъ, далеко превышавшихъ установленную закономъ норму—16 тыс. (для пѣхотнаго полка). Если эти мертвые капиталы, совершенно или почти совершенно пропадающіе для государства, передать въ интендантство, послѣднее въ самый короткій промежутокъ времени можетъ открыть и пустить въ ходъ цѣлую сѣть новыхъ мастерскихъ и даже фабрикъ и заводовъ.

Для нагляднаго поясненія сказаннаго приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ, основанныхъ, притомъ, на самыхъ скромныхъ предположеніяхъ. При расчетѣ только на обязательныя экономическія деньги въ частяхъ войскъ (т. е. по 16 тыс. на пѣхотный полкъ), одна пѣхота можетъ по первому же приказу внести *единовременно 6¹/₂ милліоновъ рублей*. Прибавивъ къ этому такіе же капиталы кавалеріи*), артиллеріи и другихъ войскъ и учрежденій, мы увеличимъ *единовременное ассигнованіе интендантству на первоначальное оборудованіе его новыхъ мастерскихъ до 15—20 милліоновъ рублей!* На дальнѣйшее поддержаніе и расширеніе этихъ мастерскихъ пойдутъ суммы, которыя нынѣ тратятъ

*) Конница значительно богаче пѣхоты. Намъ извѣстно, что во многихъ кавалерійскихъ полкахъ на театрѣ войны экономическіе капиталы выросли до 150—200 тысячъ рублей на полкъ.

ежегодно въ розницу войсковыя части на свое хозяйство.

Откуда взять предметы солдатскаго обихода, заводимые теперь способомъ, такъ называемымъ, «безъ расхода для казны», т. е. на экономическіе капиталы, частную, такъ сказать, собственность войскъ? Такимъ способомъ заготавливаются, какъ извѣстно, вещи весьма и весьма необходимыя, какъ-то: одѣяла, полушубки, часть носильнаго бѣлья, наушники, валенки, рабочія теплыя куртки, посуда и разная утварь солдатскаго быта и даже строятся дома и церкви. При новомъ порядкѣ хозяйства такого способа заведенія вещей разумѣется быть не должно; все должно быть отпускаемо интендантствомъ. Отъ этого войска только выиграютъ, такъ какъ упразднятся не только хлопоты, но и разнообразіе снабженія солдата.

Всюду и вездѣ теперь *фабрика*, и только у насъ еще обработка вещей солдатскаго обихода и снаряженія носитъ печать *самодѣльщины*. Стоитъ только взглянуть на нашъ русскій поясной ремень, подсумокъ, вещевой мѣшокъ и сравнить ихъ съ соотвѣтствующими предметами снаряженія германскаго, французскаго, японскаго солдата, чтобы придти къ заключенію, что наши вещи отстали по крайней мѣрѣ лѣтъ на сто. Было время, когда пути сообщенія были у насъ плохи, когда полки квартировали разбросан-

ные нерѣдко по-ротно: — тогда рота естественно обращалась въ небольшого, а полкъ даже и въ крупнаго помѣщика. Теперь, когда всѣ эти неудобства устранены, пора и нашему допотопному кустарному хозяйству, эволюционировать, а военному вѣдомству усвоить себѣ форму раздѣленія труда: нельзя одинаково хорошо и солдата воспитывать, и мундиры шить, и сапоги тачать, и капусту сажать.

Только при передачѣ всего дѣла снабженія арміи интендантству послѣднее еще въ мирное время получить практику своихъ обязанностей военнаго времени (снабжать войска всѣмъ рѣшительно), а *войска, освобожденныя отъ ихъ хозяйства, всѣ свои силы и все свое время посвящать выработкѣ «человѣка».*

III.

Качество и количество.

Генераль Блюме въ своемъ курсѣ «Стратегіи», дѣлая обзоръ элементовъ военнаго могущества государства, приходитъ къ заключенію, что оно представляетъ собою равнодѣйствующую всѣхъ физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ страны. Въ частности — расовыя особенности народа, производительность, культура, торговля, деньги, свойства территоріи, пути сообщенія, свойства границъ, характеръ правительства — все это отражается на военномъ могуществѣ и его внѣшнемъ воплощеніи, — вооруженныхъ силахъ страны.

«У каждаго государства сами эти факторы различны, слѣдовательно тѣмъ болѣе поразительнымъ представляется явленіе, наблюдаемое съ недавнихъ поръ, что военный строй великихъ европейскихъ державъ въ главныхъ чертахъ принялъ однообразный видъ, чего до сихъ поръ не было.

Гдѣ-же тому причина? Приобрѣли-ли всѣ народы одинаковыя свойства и достигли одинаковаго развитія? Сдѣлались-ли одинаковыми условія существованія всѣхъ государствъ? Или, можетъ быть, мы ошибаемся, когда полагаемъ, что различіе въ положеніи должно привести къ различію въ военномъ строѣ? Это покажетъ будущее. Оно покажетъ, думаемъ мы, что и государство, чтобъ имѣть возможность успѣшно ввести въ дѣло милліоны военно-обязанныхъ, должно имѣть серьезную поддержку въ отличной организаціи, въ серьезныхъ достоинствахъ всего народа, а въ особенности въ достоинствахъ высшихъ и среднихъ классовъ», заканчиваетъ генераль Блюме.

Достоинства народа и его высшихъ и среднихъ классовъ для даннаго времени величина постоянная. Слѣдовательно, для устроителя вооруженной силы государства вся трудность задачи и заключается именно въ наилучшемъ и разумномъ взаимномъ расположеніи силъ и использованіи природныхъ достоинствъ народа, т. е. все дѣло «въ отличной организаціи».

Какова-же исторія современной европейской военной организаціи, ставшей универсальной?

Типичныя особенности нынѣшнихъ армій, краткость службы, цѣлая лѣстница резервовъ и сложная система мобилизаціи, какъ извѣстно,

родились въ Пруссіи. Разгромленная подъ Іеною, Пруссія должна была принять унижительное условіе не держать арміи болѣе 20 тысячъ человѣкъ. Въ обходъ этого-то обязательства Шарнгорстъ и придумалъ мѣры, которыя дали возможность во время войны за освобожденіе Германіи мобилизовать 100-тысячную прусскую армію.

Рожденная на свѣтъ политической необходимостью, нынѣшняя военная система въ послѣдствіи поддерживалась чисто-финансовыми соображеніями. Казалось такъ заманчиво при сравнительно небольшихъ расходахъ на армію, состоящую на дѣйствительной службѣ, имѣть возможность, въ случаѣ необходимости, поставить подъ ружье чуть не весь народъ.

Но, разрѣшая труднѣйшую политико-экономическую задачу (наличность огромной арміи при наименьшихъ расходахъ), нынѣшняя военная система служитъ только одному чисто-военному требованію, условію количества, массы.

Однако, условіе это такъ заманчиво, выгоды его такъ очевидны, что сами военные сдѣлались партизанами новой громоздкой системы, не смотря даже на то, что она подрывала другое такое-же основное военное требованіе—условіе качества. Не нужно было особой проницательности, чтобы видѣть, что сокращенные сроки службы уменьшали время на подготовку сол-

дата, а слѣдовательно и уменьшали вѣроятность получения хорошаго воина; что введеніе сложной системы резервовъ запутывало военную организацію, дѣлало ее хрупкой. Но, обольщая себя надеждою подавить будущаго противника массою, защитники новой системы утѣшали себя тѣмъ, что зародышъ вреда, вносимый ею, не столь ужасенъ, что, во всякомъ случаѣ, съ нимъ бороться можно путемъ разумной организаціи арміи, резервовъ и мобилизаціи, и указывали даже на преимущество новой системы въ томъ, что она опиралась на солдата — гражданина, идущаго подъ знамена по чувству долга передъ отечествомъ, а не по принужденію, какъ было во времена постоянныхъ армій.

Такая неопредѣленная данная, какъ качество, не поддается простому ариѳметическому расчету, а между тѣмъ ариѳметика всеѣмъ краснорѣчіемъ своихъ цифръ убѣдительно свидѣтельствуетъ въ пользу количества. Само время было союзникомъ реформы въ интересахъ числа: качество отступало такъ постепенно, а количество такъ незамѣтно отвоевывало себѣ первенство, что современники нововведеній утрачивали способность оцѣнить ихъ рискъ. Понадобилась сотня лѣтъ, чтобы отъ постоянныхъ армій перейти къ положенію, которое нѣмцы окрестили мѣткимъ «Das Volk im Waffен». За это столѣтіе всемогущая «привычка» совершала свою на-

вязчивую работу. А тутъ еще и опытъ подвернулся: война 1870—71 гг., казалось, краснорѣчиво подтвердила цѣлесообразность новой системы.

Голоса противниковъ ея, уже и безъ того слабѣвшіе, окончательно замолкли. Всѣ государства, уже безъ всякой опаски, бросились сокращать сроки службы, ослаблять ⁰/₁₀ отношеніе дѣйствующей арміи къ резервамъ, невольно ухудшать офицерскій составъ, усложнять систему мобилизаціи. Занятые благороднымъ соревнованіемъ на этомъ поприщѣ, военные министры всеѣхъ парламентскихъ странъ встрѣчались на своемъ пути уже только одно препятствіе, и эта преграда была отнюдь не голоса защитниковъ *качества* арміи, а лишь только упрямство парламентовъ въ денежномъ отношеніи. Въ непарламентскихъ государствахъ и этой преграды не было.

А что говорили предостерегающіе голоса?

Маршалъ Сульть, воспитавшійся въ Наполеоновскія времена и, слѣдовательно, въ эпоху постоянныхъ армій, въ бытность свою военнымъ министромъ, въ докладѣ о реорганизаціи арміи, представленномъ имъ парламенту, полагалъ, что кратчайшій срокъ для изготвленія настоящаго, заправскаго солдата—8 лѣтъ. Этотъ проектъ былъ поданъ въ самомъ началѣ резервистской горячки, но уже и тогда, уступая духу

времени, срокъ службы въ проектѣ Сульта сократили съ 8 на 7 лѣтъ. Авторитетность Сульта и неизмѣняемость человѣческой природы—достаточное ручательство за то, что и нынѣ для того, чтобы *воспитать заправскаго (профессиональнаго) солдата*, а не только *воина-милиціонера*, нужно по меньшей мѣрѣ 7—8 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, норма Сульта сдѣлалась общепринятымъ критеріемъ въ вопросѣ о срокѣ дѣйствительной службы.

По примѣру Франціи, которая перешла къ 7-лѣтнему сроку, и всѣ остальные державы ввели его у себя.

Впослѣдствіи, увлеченныя соревнованіемъ въ развитіи числительной силы своихъ армій, Франція и Германія, а за ними и другія, уже окончательно забыли о всякой осторожности въ сокращеніи сроковъ дѣйствительной службы. Лишь бы накопить побольше резервистовъ и подавить противника массою! Дойдя до трехлѣтняго срока, обѣ державы какъ-бы остановились въ раздумьи. Но статистика съ своими цифрами натолкнула ихъ на шагъ, отъ котораго ихъ удерживало простое благоразуміе. Выяснилось, что послѣ введенія трехлѣтняго срока службы Франція дошла до предѣла наличнаго запаса молодыхъ людей призывнаго возраста, способныхъ носить оружіе, т. е. достигла въ развитіи числительности своей арміи до точки. Этого было доста-

точно. Нѣмцы, которые не дошли еще до предѣла, тотчасъ-же рѣшили использовать это свое преимущество—и ввели у себя двухлѣтній срокъ. Французы, не задумываясь, послѣдовали ихъ примѣру, а чтобы «объять необъятное», стали проявлять феноменальную снисходительность къ молодежи, физически-покорченной и во всякой другой арміи попадающей въ неспособные, уничтожили всякія льготы, освобождающія отъ службы, но уже не могли уничтожить ежегоднаго недобора новобранцевъ.

Кромѣ Англіи, упорно отвергающей новую военную систему, и Россіи, сохранившей у себя 4-лѣтній срокъ службы, остальные державы, безъ дальнихъ разсужденій, слѣпо слѣдовали примѣру двухъ зачинщицъ, Германіи и Франціи.

Всѣ напасти, явившіяся въ армію съ сокращенными сроками службы и съ увеличеніемъ вооруженныхъ силъ государствъ почти до предѣловъ возможности, подходятъ подъ двѣ рубрики: а) *ухудшеніе личнаго состава* и б) *неустойчивость военной системы*.

Мы, русскіе, стараемся качества нашей арміи поднять и поддержать путемъ *воспитанія нижняго чина*, т. е., другими словами, надѣемся въ рядахъ самихъ войскъ *пересоздать сырой матеріаль*. Ни одна армія не выдвинула такихъ военно-педагогическихъ авторитетовъ (Драгоми-

ровъ), ни въ одной арміи нѣтъ такой стройной военно-воспитательной теоріи, построенной на началахъ гуманности и соображенной со свойствами человѣческаго духа, какъ у насъ, но зато ни въ одной арміи нѣтъ и такого увлеченія воспитательными теоріями, какъ у насъ; ни въ одной арміи не возлагается такъ много, часто преувеличенныхъ, надеждъ на воспитаніе солдата, какъ въ нашей арміи. Дѣйствительно, воспитаніемъ можно помочь развѣ горю ухудшенія личнаго состава; но какъ достичь устойчивости всей военной системы? Это дѣло уже чисто организаціонное. Да и само воспитаніе нуждается въ организаціи. Самая лучшая воспитательная система безъ хорошихъ воспитателей—что она можетъ дать? Лучше образцовый педагогъ и посредственная система, чѣмъ негодный наставникъ и образцовая система.

Нѣмцы, среди которыхъ и родилась новая система устройства арміи, такъ на это дѣло и смотрятъ. Первую и главную свою заботу они посвящаютъ разумной *организаціи* арміи изъ *наличнаго* матеріала, который даетъ военному работнику сама жизнь.

Каковы же уставы организаціи германской арміи?

Имѣя въ виду крайнюю переменчивость личнаго состава нынѣшнихъ армій и происходящую

отсюда неустойчивость всей ихъ организаціи, нѣмцы задались цѣлью—создать въ своей арміи надежное ядро, вокругъ котораго молодые, переменные элементы могли-бы сплотиться, какъ вокругъ своего центра. Это ядро — офицеры и унтеръ-офицеры. Вотъ что по этому поводу говоритъ генераль Блюме: «Кадры должны заключать въ своемъ составѣ *достаточное* количество хорошихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Если контингентъ обучающихъ и воспитывающихъ или *малъ*, или сами они находятся *не на высотѣ* своего призванія,—*обученіе войскъ не будетъ отвѣчать требованіямъ войны, а достигнутые результаты не будутъ соответствовать затраченному времени и затраченнымъ средствамъ...* Лица эти... прежде всего *представители того военнаго духа*, отъ котораго такъ много зависитъ на войнѣ: они *столпы дисциплины* и *предводители вооруженнаго народа* въ минуту опасности.

Если во все времена качество войскъ всего болѣе зависѣло отъ способностей начальника, то тѣмъ болѣе это справедливо теперь, когда дѣло идетъ объ арміяхъ, набираемыхъ по общей воинской повинности и составляемыхъ изъ людей, пробывшихъ сравнительно недолго подъ знаменами.

Въ современныхъ арміяхъ офицеры и унтеръ-офицеры въ сущности и суть настоящіе солдаты.....

Если люди, уходя, не уносятъ съ собою уваженія къ начальникамъ и руководителямъ, если даже вся нація не имѣетъ глубокаго уваженія къ своимъ офицерамъ, то это показываетъ, что *наиважнѣйшіе элементы дисциплины не существуютъ* и что армія не имѣетъ столь нужной въ военное время *надежности*.

Хорошій унтеръ-офицерскій кадръ можно имѣть только тогда, когда есть кому его воспитать. А потому «*корпусъ офицеровъ красуольный камень всего военнаго строя*».

Набрасывая черты, обязательныя для хорошаго корпуса офицеровъ, генераль Блюме особенно подчеркиваетъ его гражданскія доблести. Дѣйствительно, трудно соединить въ одномъ и томъ же человѣкѣ высокое развитіе чувства долга, личнаго достоинства и чести съ недостаткомъ мужества въ бою. Слѣдовательно, въ мирное время, когда опасность искушаетъ только одно гражданское мужество, оно одно можетъ быть вѣрнѣйшимъ показателемъ и военнаго.

По мнѣнію германскаго писателя, «корпусъ офицеровъ, стоящій на высотѣ прекрасной миссіи, выпадающей на его долю, соединяющій *знаніе съ дѣятельностью, настойчивость съ рыцарскимъ духомъ*, ставящимъ долгъ выше жизни и ея радостей: — такой корпусъ офицеровъ представляетъ изъ себя *самую вѣрную гарантію качества арміи* и того довѣрія, которое она должна внушать.

Существуетъ въ арміи такой корпусъ офицеровъ — она процвѣтетъ, *нѣтъ ея — напрасны всѣ жертвы, приносимыя государствомъ для войскъ*».

И эти требованія ставятся въ Германіи *минимумомъ* условій, необходимыхъ офицерскому корпусу!

Высокій уровень народнаго образованія въ Германіи даетъ возможность имѣть тамъ надежный корпусъ унтеръ-офицеровъ; набранный въ большомъ полуинтеллигентномъ слоѣ народа, этотъ корпусъ, въ силу своего развитія, пониманія чувства своего достоинства, привычекъ жизни, интересовъ и манеры себя держать, сильно разнится отъ обыкновенной солдатской массы и поэтому пользуется въ ея глазахъ почти такимъ же авторитетомъ, какъ и офицерскій корпусъ.

Построивши у себя два такихъ прочныхъ «устоя», какъ корпуса офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, нѣмцы считаютъ свою армію обезпеченной отъ случайностей.

Каковы эти «устои» у насъ?

Въ отношеніи офицерскаго вопроса дѣло у насъ стоитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Германіи. Не говоря уже объ авторитетѣ офицера въ обществѣ и въ народѣ, отсутствіе котораго, по мнѣнію германскаго писателя, должно считаться показателемъ того, «что *наиважнѣйшіе элементы*

дисциплины не существуют и что армія не имѣетъ столь нужной въ военное время надежности», у насъ даже въ войскахъ мало заботятся о созданіи и охраненіи этого авторитета и связаннаго съ нимъ уваженія солдата къ офицеру. Крупнѣйшіе военно-педагогическіе наши дѣятели (Драгомировъ), какъ въ литературѣ, такъ и на практикѣ, и въ официальныхъ, и въ неофициальныхъ случаяхъ, въ силу стародавней привычки, очевидно вызванной отнюдь не избыткомъ уваженія къ нашему скромному офицеру, иначе его не именуютъ, какъ иронически-почтительнымъ — «гос-по-динъ офи-церъ»!

Гдѣ ужъ тутъ по германскому идеалу требовать уваженія къ себѣ всей націи, когда мы сами, въ лицѣ своихъ же военныхъ авторитетовъ, отказываемъ себѣ въ немъ!

Ироніей можно отдѣлаться отъ дѣла, но не сдѣлать дѣла, не помочь бѣдѣ, разъ она существуетъ, а скорѣе доканать и то хорошее, что еще имѣется. Что осмѣяно—то погублено!

У насъ гораздо болѣе полковъ, знамена которыхъ гнутся подъ тяжестью старыхъ боевыхъ лавровъ, чѣмъ такихъ, гдѣ корпусъ офицеровъ отличается сплоченностью и необходимымъ единствомъ и служитъ носителемъ полковыхъ традицій. Въ силу принятаго у насъ способа производства въ чины и порядка назначеній, переводы офицеровъ изъ одной части въ другую примѣняются

въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что рассчитывать на появленіе и поддержаніе среди офицеровъ «полковаго чувства» совершенно нельзя. Счастливое исключеніе въ этомъ отношеніи (гвардія и нѣкоторыя армейскія части) со своими традиціями тонуть, какъ капля въ морѣ безъ традицій.

Намъ кажется, устраненіе кочевковъ офицеровъ изъ части въ часть послужитъ первою мѣрою для поднятія «полковаго патриотизма» среди нашего офицерства, а съ нимъ вмѣстѣ и духа корпоративнаго достоинства всего корпуса офицеровъ. Хорошій полкъ съ прочными преданіями и обычаями, на который офицеры не смотрятъ, какъ на проходной корридоръ,—лучшая школа достойно мыслящаго и чувствующаго офицерства. Въ такомъ полку дурные элементы, игрою случая въ него попадающіе, не посмѣютъ поднять своего голоса. Такой полкъ, какъ здоровый желудокъ относительно пищи, моментально выброситъ изъ своихъ нѣдръ всякую отраву.

Громадное значеніе полковой семьи въ отношеніи воспитанія корпуса офицеровъ уже давно и, притомъ, вполне официально признано въ Германіи, для чего и все служебное движеніе офицеровъ придумано такъ, чтобы, по возможности, не разрушать сложившихся ячеекъ, каковыми являются общества офицеровъ полковъ. Поэтому

эти ячейки у нѣмцевъ не случайный конгломератъ людей, а правильные организмы, дѣйствительно «краугольные камни» всего войсковаго устройства.

Нѣчто подобное у насъ оффиціально допущено только для гвардіи. Да и то на эту мѣру смотрятъ, какъ на какую-то льготу, а не основной законъ правильной организаціи офицерскихъ обществъ въ полкахъ.

Второю столь же настоятельною мѣрою является уравненіе офицерскаго образовательнаго ценза, но, разумѣется, не цѣною его пониженія. О послѣднемъ обстоятельстве приходится упомянуть потому, что, какъ это ни странно, у насъ даже въ печати проводились взгляды о предпочтеніи офицера изъ вольноопредѣляющихся съ цензомъ юнкерскаго училища офицеру, выпущенному изъ военнаго училища. За послѣдніе годы уже много сдѣлано для поднятія образованія офицеровъ, много, но далеко еще не достаточно. *Помятуя о томъ, что въ нынѣшнихъ перемѣнныхъ арміяхъ только одни офицеры не мѣняются, что лишь они — истинные солдаты, посетители духа арміи, основа устойчивости ея организаціи и что безъ нихъ нѣтъ арміи, — должно не жалѣть денегъ на образованіе этого якоря вооруженной силы государства, разъ желателно, чтобы расходы, ассимованные на нее, не пропали даромъ.*

Выше уже было упомянуто о томъ, что въ пользу количества громко свидѣтельствуетъ ариѳметика со своими цифрами. Намъ кажется единственнымъ тормазомъ въ увлеченіи количествомъ могутъ служить нормы правильной организаціи офицерскаго корпуса. При желаніи имѣть надежную армію, эти нормы не терпятъ никакихъ послабленій, почему во главѣ каждаго проекта о расширеніи вооруженныхъ силъ должна быть глава объ офицерскомъ вопросѣ. Разъ этотъ вопросъ разрѣшается въ проектѣ неудовлетворительно — должно быть отвергнуто и дальнѣйшее развертываніе арміи.

Въ заключеніе объ офицерскомъ вопросѣ нельзя не отмѣтить неблагопріятной особенности нашей арміи. Эта особенность — расквартированіе полковъ по такъ называемымъ «штабамъ», т. е. казармамъ, отстроеннымъ «во чистомъ полѣ», вдали отъ городовъ, чуть ли не на тѣхъ позиціяхъ, гдѣ придется развернуться при первыхъ выстрѣлахъ грядущей войны. Точно это ускоритъ мобилизацію?! Вѣдь еще вопросъ, что лучше: неготовая часть близъ границы съ вѣроятностью быть застигнутой врасплохъ или вполнѣ готовая, но удаленная отъ нея.

А между тѣмъ расквартированіе по «медвѣжьимъ угламъ» губительно отзывается на офицерскомъ составѣ: одни бѣгутъ, а другіе, оставаясь, опускаются нравственно и умственно.

Теперь отъ всѣхъ волею принято искать спасенія въ демократизаціи дѣятелей. Для нашей арміи этотъ путь уже не новъ (со времени Милютина): въ самыхъ блестящихъ нашихъ полкахъ среди офицерства всегда можно найти хотя-бы каплю плебейской крови. И однако въ данномъ случаѣ столь модное средство не спасаетъ, офицерскій составъ во многомъ хромаетъ.

Въ чемъ-же дѣло?—А дѣло въ томъ, что всѣ перечисленные недочеты военного быта создаютъ положеніе, въ силу котораго въ офицеры идутъ далеко не лучшіе представители всеобщей молодежи, зачастую неудачники всѣхъ другихъ карьеръ, дающихъ больше правъ и благъ и меньше обязанностей. А послѣднія у офицера таковы, что не тяготится ими можно или, будучи одержимымъ военною страстью, или-же, какъ это несомнѣнно для огромнаго большинства, только при высоко почетномъ положеніи военного сословія, уважаемаго извнѣ и строгаго и корректнаго внутри.

Таково положеніе офицерскаго вопроса у насъ*).

*) Собственно, разъ офицерство единственно надежный кадръ арміи, то идеаль организациі въ томъ, чтобы еще въ мирное время офицерскій составъ содержался по штату военного.

Иначе кадръ, разбавляемый вдвое запасными офицерами, уже теряетъ свои свойства, какъ кадръ, въ самое важное время, въ періодъ мобилизаціи, т. е. во время сколачиванія частей.

Другого «устоя» арміи — корпуса унтеръ-офицеровъ — у насъ въ сущности нѣтъ.

Принадлежность нашего унтеръ-офицера, какъ въ социальномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи къ той же сѣрой солдатской массѣ не даетъ ему необходимаго авторитета. Наши унтеръ-офицеры представляютъ собою только іерархическую ступень, необходимую для управленія въ строю и, пожалуй, для внутренняго порядка, но совершенно непригодны, какъ высшіе воспитательные органы, или, тѣмъ паче, какъ «устой» воинскаго духа.

Попытка создать такую инстанцію подражательнымъ путемъ введенія у насъ сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ (даже имѣя въ виду мѣропріятія самаго послѣдняго времени) *) должна быть признана безусловно неудачной. Среди нижнихъ чиновъ, какъ это еще недавно отмѣтилъ генераль Драгомировъ, они получили презрительную кличку «продажной шкуры», своей выразительностью превосходящую даже «господина офицера».

Нашъ сверхсрочный, какъ и показываетъ присвоенная ему кличка, и остается на службѣ, и

*) Недавно приказомъ по военному вѣдомству введены нѣкоторые мѣры по улучшенію матеріальнаго положенія нашихъ сверхсрочныхъ. Являясь лишь полумѣрой въ этомъ отношеніи, это нововведеніе носитъ характеръ полумѣры и въ отношеніи подъема значенія нашего института сверхсрочныхъ.

пришить къ ней по чисто-хозяйственнымъ причинамъ. И здѣсь благополучное войсковое хозяйство наложило свою могучую растлѣвающую руку! Наболѣе сноровистые и оборотистые изъ нашихъ сверхсрочнослужащихъ стараются пристроиться къ разнымъ отдѣламъ полковаго хозяйства: — кто къ цейхгаузу, кто къ дровамъ и керосину, кто къ фуражу. И далеко не рѣдкость среди нихъ люди съ такими финансовыми способностями, что на склонѣ дней своихъ они, оставаясь все въ томъ же нижнемъ званіи, могутъ утѣшать себя мыслью, что не зарыли своего таланта въ землю: у одного, смотришь, домикъ выросъ «фасадомъ прямо въ переулокъ», у другого — сынъ офицеръ русской кавалеріи, вскормленный на казенномъ фуражѣ.

Наболѣе-же непритязательные изъ сверхсрочныхъ довольствуются болѣе скромнымъ полемъ ротнаго (или, еще лучше, эскадроннаго) хозяйства, которое тоже не обижаетъ урожаемъ ровно настолько, чтобы шевронистъ съ семействомъ могъ безбѣдно скоротать свой вѣкъ.

Существуетъ ли вѣроятность на образование у насъ лучшаго корпуса сверхсрочныхъ съ изгнаніемъ тлетворнаго хозяйства изъ войскъ? Ничего подобнаго германскому корпусу, за неимѣніемъ достаточныхъ интеллигентныхъ силъ, разумѣется, мы создать не можемъ. Всѣ элементы населенія, которые могли-бы пригодиться для

этого, не останутся въ войскахъ, а пойдутъ на желѣзныя дороги, въ полицію, на частную службу, стараясь довести свой заработокъ до ста и болѣе рублей въ мѣсяць. Слѣдовательно, намъ выходи только одинъ:—безъ пользы не тратить денегъ на сверхсрочныхъ, совершенно отъ нихъ отказаться и въ дѣлѣ воспитанія солдата положиться исключительно на офицерскую работу, а въ вопросѣ поддержанія воинскаго духа арміи надѣяться только на корпусъ офицеровъ.

Тѣмъ болѣе важно не жалѣть на него заботъ и денегъ. *Офицеръ даетъ солдата, офицеръ же даетъ и генерала, т. е. офицеръ дѣлаетъ армію.*

Качество нынѣшней громоздкой арміи зависитъ не только отъ: 1) *качества людскаго ея состава*, но и отъ 2) *качества призывнаго ея механизма*, т. е. той машины, которая ставитъ подъ ружье весь вооруженный народъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ и во всѣхъ прочихъ, мы слѣпо подражаемъ нѣмцамъ. Каковы-же основы мобилизаціонныхъ расчетовъ въ Германіи?

Система пополненія частей войскъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, принята исключительно *территориальная*, т. е. каждый полкъ комплектуется изъ одной и той же мѣстности и каждый человекъ, попавшій на службу, знаетъ уже одинъ только полкъ,—тотъ, въ который

онъ былъ принятъ первоначально. Поэтому при мобилизаціи, когда запасные возвращаются въ свои части, видятъ знакомыя знамена, знакомыя казармы, даже часть знакомаго начальства, они болѣе склонны къ воспріятію «духа части», столь необходимаго въ бою.

Дѣломъ *учета* запасныхъ cadaго полкового района въ Германіи вѣдаетъ всегда то-же военное начальство, которое командуетъ и строевою частью, пополняющеюся изъ этого района. До крайности упрощая механизмъ призыва, такая система—причина того, что въ Германіи не нужна лишняя инстанція, посредствующая между военной и гражданской властью (какъ наши уѣздные воинскіе начальники и мѣстныя бригады). Въ результатѣ—громадный выигрышь времени, да и дѣло никогда не въ накладѣ, когда оно поручено власти, наиболѣе заинтересованной въ его успѣхѣ.

Роль гражданской администраціи при учетѣ и призывѣ низведена почти *къ нулю*, такъ какъ «на мѣстахъ» учетъ въ Германіи ведется особыми фельдфебелями, а не волостными писарями, какъ у насъ. Извѣстно, что эти послѣдніе, представляя ниспій органъ едва-ли не всѣхъ вѣдомствъ *), свою далеко неблестящую добросовѣстность переносятъ и на дѣло учета запасныхъ.

*) Своего рода совѣтъ министровъ, только внизу!

Имѣя въ виду такую данную, какъ *отвычка* отъ службы запасныхъ старшихъ сроковъ службы, въ Германіи уже давно всѣ резервисты и ландверисты подраздѣлены на три разряда (резервисты 22—27 лѣтъ, ландверисты I призыва 27—32 лѣтъ, ландверисты II призыва 32—39 л.). Соотвѣтственно этому дѣленію они предназначаются для пополненія при мобилизаціи ими полевыхъ и резервныхъ частей, или ландверныхъ частей I очереди, или ландверныхъ частей II очереди, причемъ послѣдній разрядъ никуда, кромѣ этаповъ и другихъ второстепенныхъ цѣлей, не предназначается.

У насъ *территориальная система* существуетъ, но совсѣмъ не для тѣхъ цѣлей, какъ въ Германіи. Тамъ, какъ мы видѣли, люди данной округи, прилегающей или весьма близкой къ мѣсту квартированія полка, служатъ иличисляются въ запасѣ именно этого полка. Значитъ, цѣль этой мѣры чрезвычайно *практичная*—«сокращеніе разстояній» при призывѣ.

У насъ цѣль территориальной системы чисто *идеальная*,—желаніе составить части войскъ изъ «земляковъ», людей одной губерніи *), почти всегда очень удаленной отъ квартиръ полка. Полагаютъ, что «землячество», развитое въ на-

*) Разбавленныхъ лишь немного людьми другой губерніи, такъ называемаго *дополнительнаго* участка комплектованія даннаго полка.

шемъ народѣ, должно дать лишнюю спайку и воинской части.

Составляя большой вопросительный знакъ, насколько такая система рѣшаетъ поставленную ей *идеальную* задачу, можно все-же отмѣтить, что попутно она достигаетъ и *практической* цѣли, такъ какъ каждый полкъ получаетъ своихъ людей не со всей Россіи, а *тахітум* изъ двухъ мѣстъ—своей основной губерніи и дополнительнаго участка. Но, благодаря удаленію призывныхъ участковъ отъ квартиръ полковъ, почти всегда на сотни, нерѣдко на тысячи и даже десятки тысячъ верстъ, наша система призыва страдаетъ существеннымъ и, къ сожалѣнію, для Россіи неустранимымъ порокомъ дальнихъ *перевозокъ*, а вслѣдствіе взаимнаго перекрестнаго расположенія участковъ пополненія и стоянокъ комплектуемыхъ ими полковъ, а также вслѣдствіе случайностей направленій и недостаточнаго числа желѣзнодорожныхъ магистралей, эта система страдаетъ и другимъ, быть можетъ, еще горшимъ недостаткомъ *перекрестныхъ перевозокъ*, которыя могутъ удасться только при точности желѣзнодорожной работы, равной точности часового механизма, и которыя при мобилизаціи для большой Европейской войны могутъ оказаться роковыми при отсутствіи этой хрупкой точности. Не будемъ забывать, что первой причиною неудачи мобилизаціи французской арміи

передъ войной 1870—71 года были именно перекрестныя перевозки.

Дѣломъ учета и призыва вѣдаютъ у насъ не строевыя инстанціи, наиболѣе заинтересованныя въ наилучшемъ исходѣ призыва и мобилизаціи, а особые органы—уѣздные воинскіе начальники и мѣстныя бригады. И причина этого при существующей системѣ неустранима:—она въ неотвѣтственности Матушки-Россіи. Людей нужно брать со всей площади государства, а войска приходится держать по границамъ *).

Роль гражданской администраціи, не только не заинтересованной, но даже почти не отвѣтственной за исправность мобилизаціи арміи у насъ, безъ крайности, чрезвѣрно велика.

Мелкая единица, вѣдающая учетомъ, волость и ея писарь, ненадежный въ дѣлахъ, за которыя отвѣчаетъ, совершенно негоденъ для военнаго вѣдомства, передъ которымъ онъ совсѣмъ неотвѣтственъ;—почему введеніе органа на подобіе вѣдающихъ учетомъ германскихъ фельдфебелей до крайности необходимо и у насъ.

Подраздѣленія запасныхъ на разряды у насъ не существуетъ, т. е. отвычку старыхъ людей да еще обремененныхъ семьею, мы не принимаемъ въ расчетъ. Въ результатѣ — печальные

*) Хотя, подумавши, все устроить можно,—только, разумѣется, нужно отказаться отъ столь излюбленнаго обезьянства.

выводы этой войны о «запасномъ», который и былъ скомпрометированъ именно бородачемъ-старикомъ, а затѣмъ и рядъ импровизированныхъ, а потому спѣшно и нестройно проведенныхъ мѣръ по устраненію «бородачей» отъ службы на театрѣ войны.

А казалось-бы, что мѣшаетъ введенію у насъ еще въ мирное время подраздѣленія запасныхъ на разряды для назначенія ихъ въ военное время въ части соответствующихъ очередей?

Суммируя все сказанное о мѣрахъ поддержанія качества нынѣшней громадной арміи, мы въ отношеніи *качества людского состава*, пренебрегая организационными мѣрами, всѣ свои надежды возложили на воспитаніе солдата, а въ *отношеніи качества призывного механизма* стараемся германскую систему, придуманную для маленькой по территоріи страны, примѣнить, да и то не по духу, а только по формѣ, къ совершенно неподходящимъ условіямъ большого государства.

Большой грѣхъ германской организаци — это двухлѣтній срокъ службы. Генералъ Блюме, касаясь вопроса о силѣ кадровъ, подчеркиваетъ важность такого порядка вещей, «когда рекруты вступаютъ въ кадры, содержащія известное число *знающихъ солдатъ*»). Только въ такихъ кадрахъ

*) Рѣчь идетъ о рядовыхъ.

они находятъ нужное имъ руководство, только въ нихъ съ перваго момента вступленія на военное поприще они имѣютъ передъ глазами примѣры строгой дисциплины и порядка»...

«Безъ сомнѣнія, имѣя хорошихъ инструкторовъ, можно въ сравнительно короткій промежутокъ времени обучить рекрутъ умѣнію владѣть оружіемъ и исполненію обязанностей повседневной военной жизни, и въ такомъ видѣ они съ честью могутъ стать въ ряды хорошихъ войскъ: но *они не будутъ представителями военного духа, а напротивъ — сами будутъ нуждаться въ поддержкѣ его*».

Неужели въ Германіи надѣются, что ихъ люди, поступившіе на службу въ предшествовавшемъ году, могутъ считаться «представителями военного духа» и въ состояніи развить его въ своихъ младшихъ товарищахъ, вступившихъ въ ряды войскъ въ текущемъ году?

А ужъ про силу кадровъ и говорить нечего. Какая это сила, когда въ каждый данный моментъ, кромѣ времени со дня окончанія подготовки новобранцевъ, германскую армію нужно считать въ половинномъ противъ штата размѣрѣ.

Кромѣ того, введя у себя двухлѣтній срокъ службы, Германія какъ-бы заранѣе отказалась отъ проведенія какой-либо высокой *воспитательной* системы среди рядовой массы своего воин-

ства, поневолѣ ограничиваясь только довольно спѣшнымъ ихъ *обученіемъ*, вѣрнѣе, *муштрою*. Но, вполне сознавая недостаточность упражненія одного *ума* и *физики* (задача *обученія*) и отлично помня о чрезвычайной важности *духа*, *чувства*, *сердца* (объекты *воспитанія*), германская военная организація приложила тѣмъ большія усилія для наилучшаго ихъ развитія среди «устоевъ» арміи, — офицеровъ и унтеръ-офицеровъ — очевидно въ надеждѣ, что «военный духъ» этихъ его проводниковъ, умноженный «духомъ самого народа», вливающаяся въ войско въ видѣ новобранцевъ и запасныхъ въ военное время, дадутъ достаточно прочный моральный обликъ всей вооруженной громадѣ, гдѣ, приэтомъ, всѣ наличные людскіе элементы не свалены въ общую «Плюшкинскую кучу», а подобраны по правиламъ строжайшей организаціи.

Будущее покажетъ, правильны-ли расчеты нѣмцевъ. Однако и теперь уже можно заподозрить нѣкоторую опасность полагаться на природный духъ народа. Онъ тогда только совершитъ свою полезную для арміи работу, когда война ведется изъ-за цѣлей, близко понятныхъ народной массѣ, что случится, большею частью, при оборонѣ, или когда эта масса путемъ разумной внутренней политики внимательнаго правительства систематически подготовлена къ пониманію энергичныхъ агрессивныхъ дѣйствій

государственной власти въ области внѣшней политики. Нѣчто подобное мы могли наблюдать передъ Японской войной, когда профессора и члены парламента на митингахъ напшиговывали японцевъ идеей ненависти къ Россіи.

Опасность расхожденія взглядовъ власти и народа на одну и ту-же войну, влекущая за собою нарушеніе духовнаго равновѣсія арміи, увеличивается теперь необычайнымъ распространеніемъ разныхъ социаль-демократическихъ и анархистскихъ доктринъ (особенно въ Германіи), въ корнѣ подрывающихъ основныя, вѣками сложившіяся понятія *о долѣ*.

Вслѣдствіе этого, разумная, осторожная *военная организація* должна дать возможность *арміи самой ковать свой духъ*, что одинаково невозможно, какъ *при отсутствіи надежныхъ его проводниковъ (мы)*, такъ и *при чрезмѣрно короткомъ срокѣ дѣйствительной службы (нѣмцы)*.

4-лѣтній срокъ службы давалъ бы нашей арміи огромное преимущество, если бы мы добровольно не отказались отъ него *de-facto*, испортивъ службу хозяйствомъ, вольными работами и связанной съ ними распушенностью и сокративъ фактически службу до 4 мѣсяцевъ*).

*) Теперь идутъ рѣчи о трехлѣтнемъ срокѣ службы. Осторожнѣе было-бы ввести его сначала въ видѣ временной мѣры.

Изъ всего изложеннаго не трудно убѣдиться, что мы, вмѣстѣ со всѣми государствами отдавая дань германскимъ образцамъ и слѣпо имъ подражая по формѣ, не заимствовали ихъ сущности; доводя свою армию до колоссальныхъ размѣровъ, мы не приняли тѣхъ мѣръ германской *организации*, которыя должны были обезпечить ея *качество* (офицеры, унтеръ-офицеры, простота мобилизации), не цѣнимъ тѣхъ данныхъ своей организации, которыя составляютъ нашъ плюсъ (4-лѣтній срокъ службы) и возлагаемъ надежды на гадательныя выгоды (землячество).

Можно сказать, что въ только что минувшую войну намъ первымъ изъ всѣхъ европейскихъ государствъ пришлось испытать на практикѣ новую военную систему.

Дѣйствительно, и въ войну 1870—71 гг. и въ Турецкую кампанію 1877—78 гг. арміи были составлены изъ солдатъ, служившихъ подъ знаменами 7—8 лѣтъ, а запасные, призванные въ ряды при мобилизации, отбыли въ свое время даже 10-лѣтніе сроки службы. Запасные въ Турецкую войну не только не расшатывали рядовъ, но были лучшей ихъ спайкой. Отбывшіе въ свое время долгую службу въ войскахъ, находившіеся въ запасѣ весьма недолго, они быстро входили въ колею привычной военной жизни, а постепенный возрастъ и жизненный опытъ дѣлали ихъ

даже авторитетными среди безусой солдатской массы дѣйствительной службы.

Не смотря на то, что между составомъ кадровъ времени Турецкой войны и нашей эпохи нѣтъ никакого сходства, именно благополучный опытъ Турецкой войны привелъ насъ къ печальному пренебреженію основными правилами военной организации. Заботясь только о *количествѣ*, мы совершенно забывали о *качествѣ*.

Въ благополучіи опыта 1877—78 гг. нужно искать и происхожденіе взгляда на кадры, какъ на резину, которую можно растягивать до безконечности. Если-бы не было этихъ взглядовъ, развѣ можно было-бы увидѣть отправленіе на театръ войны цѣлыхъ корпусовъ, составленныхъ изъ запасныхъ и случайныхъ офицеровъ?

Въ то время, когда, въ заботахъ о *числѣ*, нѣмцы не закрываютъ глазъ и передъ опасностью *крушенія качества* и, для предотвращенія этого, выдвигаютъ такіе могучіе факторы, какъ упомянутые уже нами ихъ «устои», мы наивно полагаемся, кажется, только на одну всесвѣтно-признанную природную доброкачественность нашего солдата, придумываемъ для него усовершенствованныя воспитательныя системы.. и не даемъ для нихъ времени и средствъ.

«*Масса не всегда вымываетъ оттого, что ядро, ее образующее, потеряетъ въ качествѣ*», говоритъ генераль Блюме; по его мнѣнію, «нѣко-

торья государства Европы (допуская, что принятые сроки дѣйствительной службы не превосходятъ требованій необходимости) не могутъ увеличить числительности своихъ вооруженныхъ силъ, не поступаясь въ то-же время ихъ качествомъ, въ виду того, что иначе имъ пришлось-бы увеличить траты на ихъ содержаніе въ мирное время.

Если только государства не расположены дѣлать этихъ затратъ, они принуждены тѣмъ самымъ отказаться, какъ только задумываютъ выиграть въ числительности, отъ извѣстныхъ качествъ войскъ».

Теперь всѣ европейскія государства въ отношеніи числа дошли до предѣла и даже перешли его. Среди нихъ существуетъ, если можно такъ выразиться, *вооруженное равновѣсіе*. Для нарушенія его въ свою пользу путь только одинъ — улучшение *качества* арміи. И государство, которое первымъ смѣло на это рѣшится, получитъ несомнѣнный перевѣсъ. А путь для улучшения *качества* тоже только одинъ, — тотъ, къ которому мы обнаружили такъ мало вниманія до войны и такъ много пренебреженія во время ея: этотъ путь — *организация*. При правильной организаціи и всѣ отправления арміи нормальны, и *воспитаніе*, на которое мы такъ много возлагаемъ надежды, принесетъ свои плоды.

IV.

Воспитаніе.

Теперешняя программа обученія и воспитанія солдата родилась у насъ вмѣстѣ съ общей воинской повинностью и сокращенными сроками службы, т. е. лѣтъ тридцать тому назадъ.

Въ то время и нашъ офицеръ, и нашъ солдатъ были совсѣмъ другіе. У обоихъ были сильны преданія *крѣпостничества*: офицеръ, — выросшій въ понятіяхъ дарового крѣпостного труда, перенесъ и на службу склонность полагаться во всемъ на работу унтеръ-офицера, своего «прикащика» въ арміи; солдатъ-крестьянинъ, видѣвшій въ офицерѣ прежде всего привычный авторитетъ барина, не нуждался ни въ какихъ другихъ стимулахъ для поддержанія дисциплины.

Всесословность, проникшая въ сѣрые солдатскіе ряды, и появленіе новаго поколѣнія, не видѣвшаго крѣпостничества, нуждались въ другихъ спайкахъ: барства было уже недостаточно.

Отъ офицера потребовалась самоличная работа, вниканіе въ трудъ подготовки солдата, тѣмъ болѣе что «унтеръ-офицеръ» выродился въ одну изъ болячекъ нашей арміи, и, такимъ образомъ, «прикащика» не стало.

Новая воспитательная система по справедливости можетъ быть названа по имени одного изъ своихъ наиболѣе горячихъ, дѣятельныхъ, авторитетныхъ и крайнихъ поборниковъ—«Драгомировскою». Какъ въ дореформенное время нашей арміи офицеръ былъ баринъ, унтеръ-офицеръ—работникъ, а солдатъ—предметъ муштры: такъ новая система стремится изъ офицера создать работника и отвѣтчика, изъ солдата—сознательнаго воина-гражданина съ высоко-развитымъ чувствомъ собственного достоинства и долга, а на унтеръ-офицера фактически махнула рукой.

Опредѣленіе военной дисциплины, составляющей, разумѣется, основную спайку арміи, и при старой, и при новой системѣ было одно и то-же. И прежде, и теперь всѣ военные твердо помнили, что дисциплина состоитъ «въ строгомъ и точномъ соблюденіи всѣхъ правилъ, предписанныхъ военными законами, и въ непрекословномъ исполненіи приказаній начальства». Сознали, какъ прежде, такъ и теперь, что путей для достиженія этой цѣли два: *строгость* (къ самому себѣ и къ подчиненному) и *забота* о меньшей братіи

матеріальная и моральная (по завѣту Петра Великаго офицеръ къ солдату долженъ быть, какъ «отецъ къ дѣтямъ»). Но въ то время, какъ старая система на практикѣ отдавала рѣшительное предпочтеніе *строгости*, новая всѣ свои надежды возложила на *заботу* о человѣкѣ, на развитіе умственнаго и нравственнаго «я» нижняго чина; это «я», правильно поставленное, должно было создать дисциплину, сердцевину которой образуетъ «долгъ», въ то время, какъ старая школа не прочь была долгъ замѣнить словомъ «страхъ».

Энергичный, дѣятельный и властный поборникъ новой воспитательной системы, генераль Драгомировъ возвысилъ свой голосъ вмѣстѣ съ *оффиціальнымъ* паденіемъ старой системы, основанной на долгихъ срокахъ дѣйствительной службы, на бездѣльи офицеровъ, на «страхѣ», на унтеръ-офицерской, по преимуществу, «кулачной» педагогикѣ, на отсутствіи сознательно-относящагося къ своимъ обязанностямъ рядового. Хорошо понимая, что *оффиціальное* провозглашеніе новаго порядка службы на первыхъ порахъ можетъ измѣнить только *внѣшнія* формы военного быта; что вкоренившаяся въ продолжительномъ прошломъ *рутина* жизни никогда не сдастся безъ боя, М. И. Драгомировъ усиліями всей своей жизни, всего дарованія и, наконецъ, когда пришла пора, то и власти—началь смертную борьбу съ язвами стараго военного уклада. Въ то время,

когда наша военная организація работала только въ одномъ направленіи, стремясь увеличить *количество*, заботилась о *матеріи*, М. И. Драгомировъ одинъ ушелъ въ заботу о *душѣ*. Средствомъ для достиженія этой цѣли онъ избралъ *воспитаніе* нижняго чина, справедливо полагая, что изъ правильно развитыхъ ячеекъ уже нетрудно сколотить и здоровый организмъ (армію).

Основанный исключительно на офицерской работѣ, отнимающій всякое значеніе отъ нашего унтеръ-офицера въ томъ видѣ, какъ онъ у насъ теперь существуетъ (неразвитый, малонадежный въ хозяйственномъ и непригодный въ воспитательномъ отношеніи), Драгомировскій воспитательный методъ долженъ былъ привести къ торжеству *дисциплины долга, а не страха* путемъ такой постановки военной педагогики и *бытовыхъ условій* рядового солдата, чтобы онъ въ теченіе всей своей службы могъ подвергаться *только однимъ полезнымъ для будущаго война воздѣйствіямъ и вліяніямъ*. М. И. Драгомировъ училъ: солдатъ не долженъ знать чувства страха, а если это чувство ему знакомо по природѣ, то долженъ забыть о немъ во имя долга; и для этого онъ ставилъ первѣйшимъ условіемъ, чтобы солдатъ прежде всего безпричинно не боялся своего начальника, не трепеталъ-бы передъ нимъ, когда *долгъ* исполненъ и *совѣсть* спокойна. Первымъ условіемъ надежнаго исполненія долга нижнимъ

чиномъ, Драгомировъ ставилъ *сознательное* отношеніе къ дѣлу, нравственное спокойствіе, умственную ясность. Приучая война къ *моральной* (гражданской) доблести, М. И. Драгомировъ не забывалъ и *физической*. Его сквозныя атаки, заимствованныя у «вѣчнодостоинна и присноблаженна памяти» великаго старца А. В. Суворова, его извѣстное предложеніе еще на маневрахъ мирнаго времени на 1000 выданныхъ на руки патроновъ класть одинъ боевой и цѣлый рядъ другихъ учебныхъ снарядовъ свидѣтельствовали о стремленіяхъ маститаго генерала создать рядъ полезныхъ въ этомъ отношеніи *воздѣйствій*. Что касается обученія, то генераль Драгомировъ ставилъ цѣлью *учить исключительно тому, что можетъ пригодиться на войнѣ*, и беспощадно изгонялъ изъ программъ обученія всякія мирныя плацпарадные ухищренія. Онъ настойчиво твердилъ, что время деньги и что на войнѣ обыкновенно дѣлаютъ не то, что было бы лучшимъ въ данномъ случаѣ, а рефлекторно приводятъ въ исполненіе то, что умѣютъ, чему учили въ мирное время.

Удалось-ли ему достигнуть намѣченной цѣли? Смогъ-ли онъ удалить всѣ вредныя воздѣйствія нашего военного быта и оставить только одни полезныя для солдата?

Въ предшествовавшихъ очеркахъ мы уже нарисовали нѣсколько картинокъ изъ солдатскаго обихода и отмѣтили язву, развѣдающую организмъ нашей арміи: хозяйство, бумага. Къ этому добавить придется немного. Не смотря на то, что наша армія (единственная изъ всѣхъ великихъ) получаетъ «человѣка» наименѣе подготовленнаго, безграмотнаго или малограмотнаго и въ громадной своей массѣ совершенно неразвитаго, именно у насъ, благодаря особенностямъ нашего военного быта (хозяйство) принять *кратчайшій* въ Европѣ срокъ службы. Какъ извѣстно, у нѣмцевъ онъ двухлѣтній, у французовъ—двухлѣтній, а у насъ—4-мѣсячный. Отрывая крестьянина отъ сохи на четыре года, мы такъ устроили свою военную систему, что пользуемся изъ нихъ лишь четырьмя мѣсяцами для формировки будущаго защитника родины. Здоровая военновоспитанная система, способствующая умственному и нравственному развитію субъекта, вырабатывающая чувство долга, закаляющая физически, съ краткими сроками службы, не можетъ принести родинѣ ничего, кромѣ пользы, даже и въ мирное время; хорошій солдатъ и хорошій гражданинъ два понятія неразрывныя, другъ друга дополняющія, другъ друга воспитывающія. Наоборотъ—военная система, обращающая полки въ какія-то колоссальныя рабочія команды, фабрикуетъ людей со всѣми пороками фабрично-

ремесленной среды и безъ единаго изъ ихъ достоинствъ, вытекающихъ изъ условій упорнаго свободнаго труда и конкуренціи; неудивительно, что такая система ничего, кромѣ вреда, не приноситъ даже и въ военное время.

Но вредныя воздѣйствія нашего полковаго быта, построеннаго на хозяйствѣ, еще не исчерпываютъ всей суммы дурныхъ вліяній, которымъ подвергается нашъ солдатъ послѣ своего призыва на службу. Попробуемъ прослѣдить тотъ путь, каторымъ проходитъ нашъ сѣрый воинъ, чтобы затѣмъ снова вернуться въ среду мирныхъ гражданъ. Попытаемся сообразить, что за міровоззрѣніе приноситъ съ собою такой воинъ-гражданинъ въ толщу населенія, какія воспоминанія могутъ остаться у него о его службѣ въ рядахъ воинства, слѣдовательно, какія связи прикрѣпляютъ его къ арміи, насколько эти связи прочны и надежны и насколько велика вѣроятность, что онъ не ослабнуетъ ко времени призыва такого воина изъ запаса подъ знамена въ случаѣ тяжкихъ кровавыхъ испытаній родины.

Простившись со своими родными, съ родною деревнею, всплакнувъ и похныкавъ, нашъ будущій воинъ, снаряженный часто на послѣдніе гроши, въ исправномъ, часто принаряженномъ по средствамъ одѣяніи отправляется въ городъ, въ мѣстопробываніе уѣзднаго воинскаго начальника. На пути туда, провожаемый зача-

стую женою, родителями, въ обществѣ своихъ односельчанъ и земляковъ, также призванныхъ на службу, молодой парень полонъ еще своихъ семейныхъ и домашнихъ воспоминаній и привязанностей, 20-лѣтній ребенокъ переживаетъ вѣчно-памятныя, неизгладимыя душевныя потрясенія, въ родѣ тѣхъ, какія испытываютъ дѣти высшихъ классовъ при первой тягостной разлукѣ съ отчимъ домомъ передъ отправленіемъ въ закрытое учебное заведеніе. Душевная тоска, пригнетенное настроеніе, непривычная нашему простолюдину нервность, вялость, даже мечтательность — вотъ нравственное состояніе такого молодца, когда онъ прибываетъ на сборный пунктъ при управленіи мѣстнаго уѣзднаго воинскаго начальника. Душа его вся сосредоточена на одномъ — на домѣ, на семьѣ; всѣ мысли его остались позади, умственная его упругость понижена; и только одно тѣло, автоматически двигаясь, находится въ распоряженіи новой среды. А какая это среда? На сборномъ пунктѣ офицеры отсутствуютъ совершенно. Дѣлопроизводителя (къ тому-же часто чиновника) и офицера, иногда прикомандировываемаго къ управленію, считать нельзя. Личное появленіе ихъ на пунктѣ, среди массы ихъ обязанностей, только рѣдкая случайность. Но даже если бы это было и не такъ, — одинъ въ полѣ не воинъ. На сборномъ пунктѣ, особенно въ большихъ, бойкихъ

центрахъ и во время усиленнаго набора, что всегда случается во время войны, набирается такая масса новобранцевъ, что справиться съ внутреннимъ порядкомъ одному офицеру нѣтъ никакой возможности. При такихъ условіяхъ всѣ заботы о порядкѣ сводятся къ устраненію разныхъ внѣшнихъ, видимыхъ формъ безпорядка, за которыя можетъ, что называется, влетѣть отъ начальства. Главнымъ рычагомъ порядка при этомъ являются кадровые унтеръ-офицеры и нижніе чины, состоящіе при управленіи воинскаго начальника — и сами отнюдь не образецъ порядка, надежности и проч.; къ тому-же ихъ бываетъ всегда немного, человекъ 10—15 въ самыхъ людныхъ городахъ. Эти унтера, искусившіеся по части новобранческихъ сундучковъ, кульковъ и кошельковъ, ловкою рукою снимаютъ первыя пѣнки съ солдатскаго достоянія, они-же первые даютъ начальнически-товарищескія указанія по части опытовъ алкоголизма: богатенькій новобранецъ, на правахъ мѣновой торговли, взаменъ угощенія ловкаго «дяденьки»*), получаетъ незаконныя поблажки и привилегіи; новобранецъ, неловкій, робкій, бѣдный, изъ рукъ тѣхъ-же унтеровъ получаетъ первыя горькія указанія на житейскую непрактичность этихъ

*) Общее прозвище новобранческаго начальства изъ нижнихъ чиновъ.

качествъ. На сборномъ пунктѣ, при помощи этихъ руководителей, происходитъ первый шокъ душевнаго внутренняго, большею частью неиспорченнаго міра деревенскаго парня съ отрицательной порочной стороною нашего военнаго быта. *Кадровый унтеръ-офицеръ на сборномъ пунктѣ — это первое нравственное воздѣйствіе нашей военной системы на новобранца.*

Если принять въ расчетъ, что, благодаря нашимъ роднымъ разстояніямъ, новобранецъ, прежде чѣмъ попасть въ назначенную ему часть, проводитъ въ такихъ сборныхъ пунктахъ-кюакахъ, перекочевывая съ одного на другой, по мѣсяцу и по два, а также если не упускать изъ виду, что *первыя впечатлѣнія — самыя сильныя впечатлѣнія*, то нельзя не задуматься глубоко и серьезно о значеніи, неизбежнаго при нашей военной системѣ, *перваго нравственнаго воздѣйствія*, не имѣющаго ничего общаго со здоровою, нормальною военною жизнью.

Въ теченіе службы нижняго чина въ полку подобныя-же вредныя *воздѣйствія среды, быта и занятій* не только не прекращаются, а даже усиливаются. Мы уже нарисовали бѣглыми штрихами картины нашей казарменной жизни, гдѣ главнымъ двигателемъ служить хозяйство съ его «утробными» интересами. Эти утробные инте-

ресы рѣшительно и властно разрушаютъ ту прекрасную по основной идеѣ (но отнюдь не по выполненію) воспитательную систему, горячимъ сторонникомъ которой былъ М. И. Драгомировъ. «Утроба» въ борьбѣ съ воспитательными идеалами оставалась всегда побѣдителемъ.

Можно было-бы удивиться, если-бы случилось нѣчто обратное. Въ то время, когда педагогическая теорія съ трудомъ отвоевываетъ себѣ даже необходимое *время*,—это самое время, въ силу бытовыхъ условій нашей арміи, всецѣло въ распоряженіи «утробы»; она имъ владѣетъ, такъ сказать, «не взирая» на принимаемыя мѣры противодѣйствія, тогда какъ воспитаніе и его теорія не можетъ отвоевать его, «не взирая» даже на доброе желаніе иной разъ могучей власти (Драгомировъ). То-же и въ отношеніи *силъ*. Воспитатель стремится отобрать лучшихъ офицеровъ въ строй, а властная жизнь тянетъ ихъ изъ строя на хозяйство, на бумагу.

Какъ-бы для вящаго торжества «утробы», наша жизнь вводитъ такія уродскія, въ дисциплинарномъ отношеніи, учрежденія, какъ «вольныя работы», т. е. наемный трудъ солдата для потребностей частныхъ лицъ и сельскаго хозяйства. *Воспитательное воздѣйствіе* этого явленія, имѣющаго отнюдь не случайное значеніе, а повторяющагося *ежегодно*, въ теченіе *всей* службы солдата, не можетъ не разсматриваться, какъ

вреднѣйшій моральный факторъ, который кладетъ на понятія нижняго чина вѣскій отпечатокъ.

Для оправданія каждаго нововведенія обыкновенно придумывается рядъ убѣдительныхъ доводовъ въ его пользу, причемъ убѣждать стараются не только качествомъ доказательствъ, но и ихъ количествомъ. Списокъ подобныхъ доводовъ почти всегда можно подраздѣлить на двѣ группы: на дѣйствительные (иногда явные, а иногда и скрытые) и на притянутые насильно, искусственные; логическіе и казуистическіе; реальныя и фантастическіе. То-же случилось и съ вольными работами. Введенныя отцами-командирами хозяйственнаго типа для использованія дарового солдатскаго труда съ цѣлью заведенія вещей солдатскаго обихода, на которыя нѣтъ отпуска отъ казны, и — нечего скрывать — для вящаго отличія своихъ хозяйственныхъ способностей, вольныя работы не избѣгли казуистическихъ подпорокъ. Сообразили, что и свѣжій деревенскій воздухъ солдату нуженъ, и что практика въ полевыхъ работахъ ему прямо-таки необходима, и что сельское хозяйство въ Россіи нуждается въ поддержкѣ... Но когда «о многомъ печешься», обыкновенно главное упускаешь. Такъ случилось и съ вольными работами. Главныя ихъ свойства — ослабленіе дисциплины, распушенность и безпризорность людей, вкорененіе взгляда

на армію, какъ на наемную рабочую силу, сокращеніе и безъ того недостаточнаго учебнаго времени—все это было забыто *).

При современныхъ короткихъ срокахъ службы подъ знаменами, вмѣсто того, чтобы сократить до *minimum*'а все вредное, вліяющее неблагоприятно на подготовку будущаго защитника родины, мы, военные, отвѣтственные за эту подготовку, искусственно и безъ всякой въ тому крайности вводимъ такія установленія, которыя самымъ губительнымъ образомъ отражаются на *духъ* и всемъ міровоззрѣніи солдата. Вмѣсто того, чтобы окрѣпить на службѣ въ тѣхъ воинскихъ свойствахъ, которыя неизбѣжно ослабляются во время долгаго пребыванія нынѣшняго солдата въ запасѣ, нашъ воинъ во время своего пребыванія

*) Русская пословица говорить: «за двумя зайцами погонишься—ни одного не поймашь». Какъ въ «вольныхъ работахъ», такъ и создавая «военныя поселенія», мы именно гонялись за двумя зайцами, съ тою только разницею, что при вольныхъ работахъ мы войска пересаживаемъ на сельское хозяйство и надѣемся въ то-же время, что они не утратятъ своихъ воинскихъ качествъ, а при военныхъ поселеніяхъ, наоборотъ, мирныхъ жителей старались обратить въ воиновъ, не разрушая въ то-же время ихъ семейнаго очага. Въ обоихъ случаяхъ получались ни солдаты и ни граждане. Сходство «вольныхъ работъ» съ «военными поселеніями» сказалось еще недавно и весьма рѣзко. Одинъ изъ поклонниковъ первыхъ, увлеченный въ крайность, дошелъ именно до проекта *поселить* войска и занять ихъ хозяйствомъ.

подъ знаменами, въ силу существующихъ *бытовыхъ* особенностей нашей арміи, *упражняетъ* именно вредныя для арміи и войны стороны ума и духа. Воздѣйствія сборныхъ пунктовъ, пересыльных органовъ, мастеровыхъ командъ въ полку, вольныхъ работъ *) вводятъ тѣ духовные коррективы, которые на практикѣ способны свести къ нулю самыя совершенныя теории военной педагогики.

Одно изъ двухъ: или армія служитъ для подготовки война—и тогда изъ нея должно быть выброшено все, что мѣшаетъ этой работѣ; или армія — нѣчто среднее между сельской школой, образцовой фермой и ремесленной мастерской, но тогда уже нельзя и требовать отъ нея *солдата* въ точномъ значеніи этого слова, придется помириться на *милиционеръ*.

Слабо обученный и совершенно почти невоспитанный, нашъ солдатъ уходитъ въ запасъ. Во время состоянія въ немъ онъ время отъ времени призывается въ учебные сборы. Попадая въ случайную, незнакомую, при этомъ всегда

*) Во время печатанія этой книжки вышелъ приказъ объ отмѣнѣ вольныхъ работъ. Можно порадоваться за будущее, но въ прошедшемъ онѣ сдѣлали свою губительную для «духа» только что сражавшейся арміи работу и поэтому о нихъ умолчать нельзя.

сводную, импровизированную для даннаго учебнаго сбора часть, запасный, разумѣется, и здѣсь не имѣетъ случая проникнуться тѣми духовными началами, которыя такъ слабо развивались въ немъ на дѣйствительной службѣ. Во время учебнаго сбора обыкновенно все дѣло сводится не къ *воспитанію*, а только къ спѣшному освѣженію *обученія* (знакомство съ оружіемъ, нерѣдко измѣнившимся, съ новыми уставами и порядками).

Когда, какъ это было еще недавно, грозный голосъ войны снова призываетъ такого война подъ знамена, онъ для арміи духовный чужакъ, но уже не двадцатилѣтній несозрѣвшій чужакъ, а зрѣлый и привыкшій къ самостоятельному мышленію и критикѣ. Мобилизація для него начинается тѣмъ-же шатаніемъ по сборнымъ пунктамъ и пересыльнымъ учрежденіямъ, какое онъ испытывалъ и въ бытность свою новобранцемъ, но только ихъ неприглядная чисто-этапная обстановка встрѣчаетъ со стороны запаснаго болѣе критическую оцѣнку, а тоскливое душевное настроеніе носитъ болѣе реальный, существенный характеръ (семья, жена, дѣти, нужда). Запасные, попадающіе въ полкъ прямо или послѣ короткаго мытарства по сборнымъ пунктамъ, довольно быстро ассимилируются, въ особенности если полки имѣютъ сильныя кадры мирнаго времени; бодрая нравственная обстановка такого полка невольно приободряетъ и новичковъ. Запасные-же, прину-

жденные въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ кочевать съ одного сборнаго пункта на другой, изъ одной нештатной команды въ другую, обыкновенно быстро деморализуются. Въ то время, когда первая группа запасныхъ на первыхъ-же порахъ нерѣдко проникается *чувствомъ счастья* принадлежности къ своей части,—запасные-кочевники въ разныхъ сбродныхъ командахъ находятъ только одну духовную, общую имъ всѣмъ, спайку—*чувство общаго несчастья*.

Такой духовный фундаментъ будущихъ бойцовъ, культивируемый, какъ это было въ только что минувшую войну, когда нештатныя команды укомплектованія двигались на десятки тысячъ верстъ, въ продолженіи мѣсяцевъ, велъ только къ тому, что запасные на пути слѣдованія дѣлались грозой мирныхъ обывателей, а въ первомъ же бою обманывали надежды, которыя на нихъ возлагались. Утомленные физически, разбитые нравственно, не встрѣчая поддержки своему пошатнувшемуся духу въ видѣ твердыхъ устоевъ хорошаго полка, они, заполнивъ ряды части, порѣдѣвшіе въ только-что минувшихъ иногда славныхъ бояхъ, нерѣдко въ первомъ-же сраженіи обращали ея знамена вспять.

И было-бы удивительно, если-бы это случилось наоборотъ. Люди, не получившіе опоры своему духу ни во время призыва, ни на дѣйствительной службѣ, ни во время пребыванія въ за-

пасѣ, ни при мобилизаціи, могли бы обнаружить моральную крѣпость въ бою только чудомъ. А надѣяться на такое чудо, не взирая на рядъ только-что приведенныхъ *вредныхъ духовныхъ данныхъ*, можно только во время войнъ, вызванныхъ народнымъ движеніемъ, *когда приподнятое настроеніе самаго народа дѣлается духомъ арміи*.

Гдѣ кроется причина того, что, до горькаго опыта нынѣшней войны, никто не замѣчалъ, какъ исподволь духъ нашего солдата и запаснаго подтачивался?

При постепенномъ сокращеніи сроковъ службы осторожные военные изъ числа власть имущихъ на первыхъ смотрахъ приближались къ подчиненнымъ имъ строевымъ частямъ съ нѣкоторымъ внутреннимъ предубѣжденіемъ. Тѣмъ большую радость они испытывали, когда убѣждались, что смотръ сходилъ не хуже обыкновеннаго. Начинались даже разговоры, не сократить-ли службу и еще.

У насъ, богатую пищу для такихъ разговоровъ давали учебные сборы ополченцевъ, введенные лѣтъ десять тому назадъ. Послѣ 4—6 недѣль учобы эти ополченцы обыкновенно недурно стрѣляютъ, бойко продѣлываютъ тактическое ученіе и красивымъ строемъ красныхъ рубахъ проходятъ церемоніальнымъ маршемъ мимо вос-

хищенныхъ, отказывающихся вѣрить очей инспектирующаго начальства. И обыкновенно, чѣмъ больше такое начальство «сомнѣвалось» — тѣмъ круче, послѣ такого смотра, оно переходило въ лагерь сократителей дѣйствительной службы подъ знаменами. Въ этомъ смыслѣ учебные сборы дѣлали свою нехорошую службу. Послѣ ихъ введенія слышались такія рѣчи: — «Помилуйте! зачѣмъ намъ четыре года мучить солдата, когда въ четыре недѣли простой мужикъ дѣлается не хуже солдата? Службу необходимо сократить: выиграетъ и гуманность, и запасъ, который разрастется до несмѣтной цифры въ кратчайшее время».

Забывали только одно маленькое обстоятельство: *обучить* дѣйствительно можно и въ кратчайшій срокъ, но *воспитать* — нельзя; *умъ, тѣло* направить можно, но *чувство, сердце, взгляды* воспитать нельзя; т. е. *поверхность* получить можно, но *сущности* не получишь. Выходило, что это было не *воспитаніе*, а *дресировка*; а въ четыре недѣли въ рукахъ искуснаго мастера не только-что чело-вѣка, а и любую скотинку выдресировать можно.

4-недѣльнаго ополченца сравнивали съ нашимъ современныхъ солдатомъ — и оставались довольны! Мѣрка-то для сравненія была слишкомъ снизводительная: вѣдь солдатъ нашъ тоже 4-мѣсячный. Не велика разница между 4-мя недѣлями и 4 мѣсяцами въ дѣлѣ воспитанія. Припомнимъ

мнѣніе авторитета, на котораго уже ссылались. Маршалъ Сультъ полагалъ, что для воспитанія идеальнаго воина нужно не менѣе 8 лѣтъ. Разумѣется, при современныхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ нельзя говорить о подобной продолжительности службы, но если мы хотимъ получить армию дѣйствительно прочную по качеству, мы, измѣнивъ порядокъ службы и внутренняго быта войска, должны отказаться отъ всякой мысли о сокращеніи нынѣшняго срока пребыванія подъ знаменами.

Припоминается, невольно, отзывъ одного авторитетнаго, осторожнаго на выводъ генерала, впоследствии занявшаго видный постъ въ дѣйствующей арміи, а тогда только-что вернувшася съ Высочайшихъ смотровъ вновь-развертывавшихся и предназначавшихся къ походу частей 5 Сибирскаго корпуса, составленныхъ почти сплошь изъ запасныхъ. На обычное — «Ну, что?» — этотъ генералъ отвѣчалъ, какъ-бы недоумѣвая: — «На видъ совсѣмъ хорошо, подождемъ до дѣла». И дождались... печальной памяти Янтайскаго дѣла генерала Орлова. Въ чемъ-же дѣло? А дѣло въ томъ, что на смотру эти запасные показали свое *обученіе* — вѣрнѣе *дресировку*, а на войнѣ, въ бою обнаружили свою невыдержку, результатъ *воспитанія*, — вѣрнѣе *невоспитанности*.

А между тѣмъ ни въ одной арміи, по крайней мѣрѣ въ теоріи, не возлагается столько надеждъ

на воспитаніе. Эта наша особенность уже давно обратила на себя вниманіе иностранцевъ. Одинъ изъ нихъ, писавшій подъ псевдонимомъ Art Rœe (Lieutenant Mahon), послѣ внимательнаго изученія войскъ Кіевскаго округа, во время управленія имъ М. И. Драгомировымъ, въ своей книгѣ «Mon regiment russe», написанной умнымъ афоризмическимъ языкомъ, блестящимъ короткими, содержательными и мѣткими опредѣленіями, великолѣпно очертилъ разницу работы французскаго и русскаго офицера. По его словамъ, въ то время какъ трудъ перваго — сколотить во-едино индивидуально высоко развитую массу, обезличить ее, работа втораго — безличную массу развить индивидуально. Другими словами:—французскій офицеръ можетъ, пожалуй, ограничиться даже и *дресировкой* человѣка, привыкшаго разсуждать (быть можетъ даже сократить полетъ этихъ разсужденій), русскій — долженъ *воспитать* деревенскую голову, не привыкшую ворочать мозгами, и правильно поставить душу, сердце, взгляды будущаго воина; да еще и исполнить эту работу въ *четыре мѣсяца*, т. е. произвести *педагогическое чудо*.

На землѣ чудесъ не бываетъ. Вотъ почему мы и видимъ, что въ округахъ и частяхъ войскъ, гдѣ, вслѣдствіе начальническихъ требованій, увлекались именно воспитаніемъ солдата и стремились болѣе или менѣе прекрасные педагоги-

ческіе идеалы проводить въ жизнь, не обращая никакого вниманія на житейскую дѣйствительность (часто недостойную этихъ почтенныхъ теорій), солдатъ ничуть не отличался отъ солдата другихъ округовъ и другихъ воинскихъ частей, гдѣ такого исключительнаго вниманія педагогическимъ теоріямъ не было. Бывали, впрочемъ, голоса, находившіе это отличіе въ... худшую сторону: вмѣсто инициативы—фокусы, вмѣсто сообразительности — плутоватость и вмѣсто дисциплины — компромисъ между солдатомъ и офицеромъ. И можно-ли винить такіе округа и воинскія части въ этихъ уловкахъ? Разумѣется, нѣтъ. Начальство требуетъ, а о томъ, были-ли *время, силы и возможность* приготовить солдата по данной высокой программѣ, — не спрашиваетъ. На смотрахъ и старались отдѣлаться *внѣшностью*, часто, очень часто обманчивой.

Отецъ и творецъ нашей воспитательной системы, Суворовъ, хорошо понималъ, что не 4 мѣсяца нужно для того, чтобы выдрить въ солдата должную точку зрѣнія на міръ Божій и на свое ремесло. «Наука побѣждать» — этотъ его катехизисъ — читался *ежедневно* передъ строемъ не безусыхъ солдатъ, которые пришли въ армию вчера и уйдутъ завтра, а передъ посѣдѣлыми въ бояхъ ветеранами. Великій Старикъ по достоинству цѣнилъ педагогическое значеніе *пріема повторенія*. Посредствомъ его онъ добивался то-

го, чтобы, по образному Драгомировскому выраженію, солдатскія истины «заночевали» въ сердцахъ воина.

Можемъ-ли мы со своимъ 4-мѣсячнымъ солдатомъ, отвлекаемымъ и развращаемымъ хозяйствомъ и бытомъ войскъ, надѣяться на что-нибудь подобное? Разумѣется, нѣтъ.

Въ нашемъ увлеченіи воспитаніемъ мы отдаемъ лишь дань русскому свойству всѣмъ существомъ и пыломъ уходитъ въ идеи и теоріи и грѣшитъ противъ практики и дѣйствительности.

Что-же внесла наша новѣйшая военно-воспитательная система?

Въ своихъ заботахъ пересоздать дисциплину, основать ее на «долгѣ», она немилосердно гнала старую дисциплину «страха», «строгости». Второе ей удалось, первое-же и не могло удасться, такъ какъ новая система очень мало пеклась о пересозданіи внутренняго *быта* войскъ, который путемъ вреднымъ «*воздѣйствій*» среды и жизненныхъ условій упорно разрушалъ всѣ теоретическіе расчеты.

Наша воспитательная система, какъ это было видно выше, основана исключительно на работѣ *офицера*. А что было сдѣлано для подъема значенія этой основы? Она нещадно бичевала недостатки нашего офицера, бичевала до степени полного пренебреженія къ его личному достоин-

ству; желая больнѣе ударить, она придумала непредусмотрѣнный дисциплинарнымъ уставомъ и невяжущійся съ условіями необходимости поддержания авторитета офицера, новый видъ дисциплинарнаго взысканія, пропечатаніе въ газетахъ весьма рѣзкихъ по содержанию и оскорбительныхъ по выраженіямъ приказовъ о разныхъ проступкахъ офицера. Она упорно забывала, что газета читается теперь и нижнимъ чиномъ, и, прибѣгая къ такимъ мѣрамъ, она очевидно плохо оцѣнивала всю серьезность ихъ значенія, такъ какъ офицеры, публично осмѣянные, продолжали оставаться на службѣ къ соблазну своихъ-же подчиненныхъ.

Бичуя такъ офицерство, новая система не сдѣлала ничего для подъема этого краеугольнаго камня арміи, такъ какъ, повторяемъ, *иронія* и *насмѣшка* — не реформа.

Осмѣявши воспитателя, новая система воспитаніе солдата все-таки всецѣло возложила на него-же. Можно-ли было рассчитывать на успѣхъ? Кто поручить свое дѣтище гувернеру, хотя-бы и снабженному чудною инструкціей, но къ которому нѣтъ довѣрія?

Офицеръ, лишенный необходимаго апломба и авторитета, брался за работу, требовавшую этихъ качествъ въ высшей степени.

Нижній чинъ, приученный разсуждать, не замедлилъ приложить свой критерій къ своему на-

чальнику; осмѣянный начальникъ въ глазахъ солдата терялъ свое *обаяніе*, а прямое послѣдствіе подобнаго порядка вещей—*паденіе дисциплины*.

Нижняго чина новая система должна была приучить самостоятельно и *вполнѣ правильно* разбираться въ своихъ *правахъ и обязанностяхъ*, а въ послѣднихъ толково отдѣлять *важное* отъ *неважнаго*. Все это въ суммѣ должно было дать *долгъ*, правильно понятый; а на понятіи о *долгѣ* основана *дисциплина*.

Можно сказать, вся дѣятельность М. И. Драгомирова въ сферѣ воспитанія солдата была направлена къ тому, чтобы приучить его правильно разбираться во всѣхъ этихъ понятіяхъ *правъ и обязанностей, важнаго и неважнаго*. И, быть можетъ, этого и удалось-бы достигнуть, если-бы сама *жизнь* со своими *бытовыми болячками* не разрушала работы воспитателя. Въ результатѣ на практикѣ солдатъ разбирался въ трудныхъ для него вопросахъ моральнаго характера вкривь и вкось. А долгъ, понятый такъ, давалъ опять-таки *ненадежную дисциплину*.

А что можетъ замѣнить дисциплину въ арміи? Не разъ уже цитированный нами, германскій генераль Блюме говоритъ: «Раздавались голоса, которые старались убѣдить, что дисциплина можетъ быть замѣнена *воодушевленіемъ*, вызваннымъ цѣлью войнъ; но такое утвержденіе основано на

незнаніи сущности войны. Воодушевленіе облегчаетъ многое на войнѣ и, въ извѣстныхъ случаяхъ, является важнымъ *подспорьемъ*, но оно взыскательно, и когда война представляется въ своей грустной реальности и, вмѣсто того, чтобы питать это воодушевленіе постоянными видимыми успѣхами, *обращается къ чувству долга* и самоотверженію каждаго, оно быстро ослабѣваетъ, и надежды, построенныя на немъ, *разлетаются въ прахъ*». Привычка генерала Блюме хладнокровно оцѣнивать психологію событій и здѣсь помогла ему придти къ тому ясному и рѣзкому выводу, отъ котораго боязливыхъ психологовъ удерживаетъ обыкновенно *лицемѣрная щепетильность*.

Намъ, русскимъ, видѣвшимъ неприкрашенную сторону плохо-сколоченной арміи, нужно-ли добавлять что-нибудь къ зловѣщимъ словамъ нѣмецкаго генерала?

Да, наконецъ, развѣ еще въ мирное время мы не могли наблюдать разницу въ свойствахъ различныхъ частей нашей арміи въ зависимости отъ степени того увлеченія, съ которымъ въ нихъ проводились воспитательныя теоріи? Вліяніе Драгомирова въ арміи несомнѣнно было велико вездѣ, но не вездѣ одинаково. Тамъ, гдѣ взлелѣянная имъ теорія проводилась наиболѣе прямолинейно, не обращая вниманія на бытовыя условія, она давала и наиболѣе нежелательные

результаты; тамъ-же, гдѣ она умѣрялась тѣмъ вниманіемъ, которое удѣляли быту и гдѣ офицерскій корпусъ въ силу естественныхъ условій стоянокъ и службы былъ выше, и Драгомировская система приносила лучшіе плоды.

Драгомировская воспитательная система, какъ и всякій идеалъ, безусловно недостижима во всей своей чистотѣ, но вѣроятность этого достиженія возрастаетъ по мѣрѣ совершенствованія, призванныхъ для ея осуществленія, орудій (офицеры) и обстановки (бытовыя условія войскъ).

На эти-то двѣ данныя и должно быть обращено все вниманіе военнаго организатора, чтобы расчистить дорогу воспитателю.

V.

„Пуля—дура, штыкъ—молодецъ“.

На ряду съ растлѣвающимъ духъ хозяйствомъ и «бумагой» въ нашей арміи крѣпко держится духъ Суворова. Почему Суворовъ живетъ среди насъ? Почему ни отдаленность эпохи, ни усилія аракчеевщины, безраздѣльно царившей у насъ сто лѣтъ, не умертвили Суворова? Да потому, что Суворовъ былъ «русскій» и для «русскихъ». Аракчеевщина съ ея механическою муштрою была нѣмецкая, а Суворовщина съ ея «Наукою побѣждать» была чисто русскою. Для аракчеевщины человекъ былъ безличный, автоматъ, а успѣхъ военнаго дѣла зиждился всецѣло на «матеріи», для суворовщины «человекъ» — все, а «матерія» немного болѣе нуля.

Суворовъ умеръ и не оставилъ послѣ себя ни письменныхъ приказовъ, ни мемуаровъ, ни дѣльных воспоминаній современниковъ, а между тѣмъ, начиная со второй половины прошлаго

столѣтія краснымъ словомъ, а потомъ и властною рукою М. И. Драгомирова суворовскія истины начали распространяться и примѣняться на дѣлѣ. Не оставивши послѣ себя систематизированныхъ трактатовъ, Суворовъ завѣщалъ намъ цѣлый рядъ необыкновенно живучихъ преданій и изрѣченій. Эти мѣткія словечки работали для внѣдренія суворовскихъ истинъ не только въ современныхъ, но и въ отдаленныхъ потомкахъ, каковыми являемся мы.

Но какъ суворовскимъ афоризмамъ везетъ, такъ не всегда везетъ ихъ пониманію. Въ этомъ отношеніи имъ такъ не посчастливилось, что часто одинъ и тотъ же афоризмъ, казалось бы, вполне ясный и категоричный, служитъ яблокомъ раздора между двумя партіями враждующихъ военныхъ мыслителей. Такая судьба выпала и на долю знаменитаго *«пуля—дура, штыкъ—молодецъ»*.

Одни, увлеченные силою и результатами современного огня, совершенно отрицаютъ штыкъ, а съ нимъ и суворовскій афоризмъ; они говорятъ: сила нынѣшняго огня такая, что штыку теперь дѣлать нечего.

Другіе-же, наоборотъ, утверждаютъ, что, какова-бы сила огня и совершенство техники ни были, главное все-же *«человѣкъ»*, *важно не оружіе, а человекъ*, призванный дѣйствовать оружіемъ и противъ оружія; на суворовскую *«пулю»*

и на суворовскій *«штыкъ»* они смотрятъ лишь какъ на символы: *«пуля»* для нихъ представительница ума, осторожности, чувства самосохраненія, нерѣшительности; *«штыкъ»* знаменіе отваги, духа, рѣшительности; пуля—матерія, штыкъ—мораль; такъ какъ, говорятъ они, натура человѣческая неизмѣнна,—неизмѣнны и законы войны, базирующіеся на *«человѣкъ»*, а такъ какъ безъ рѣшительности ничего рѣшить нельзя, то представитель этого качества *«штыкъ»*, а съ ними и суворовскій афоризмъ вѣчны.

М. И. Драгомировъ окрестилъ первыхъ именемъ *«огнепоклонниковъ»*, или *«огнелюбовъ»*, а вторыхъ *«штыколюбамъ»*, или *«штыкопоклонниками»*.

Въ непрестанныхъ пререканіяхъ этихъ двухъ лагерей оба они стараются быть безпристрастными. Поэтому, читая ихъ печатныя, часто страстныя рѣчи, рѣдко не приходится встрѣчаться съ лицемѣрными (притворно-вѣжливыми) *saluts obliques* въ сторону противнаго символа. *«Огнелюбъ»* въ своихъ дебатахъ никогда не преминетъ отвѣсить ничего не говорящей поклонъ штыку, разсуждая примѣрно такъ: *«хотя нынѣшній огонь и всемогущъ, но все-же могутъ быть случаи, когда и штыку поработать придется»*.

«Штыколюбъ», описывая всѣ преимущества излюбленнаго своего оружія, никогда не забудутъ исповѣдать и свое мнѣніе о необходимости

огня. Лицемеріе никогда не разъяснить тумана вокругъ основного вопроса современнаго боя: штыкъ или пуля, и если то и другое, то когда то, а когда другое. Разсужденія—«съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой нельзя не признаться»—никогда еще ничего не выясняли, особенно въ такомъ практическомъ дѣлѣ, какъ боевое.

Неясность пониманія вопросовъ «пули» и «штыка» вела всегда къ ложнымъ выводамъ; ложные выводы теоріи приводили къ ложной постановкѣ дѣла подготовки войскъ для боя, а ложная подготовка солдата приводила къ кровавой расплатѣ для армій и политической неудачѣ для государствъ. Припомнимъ, какъ жестоко расплатились за излишнее увлеченіе штыкомъ австрійцы въ 1866 г., французы—въ 1870 г., а англичане въ 1900—1903 гг. и, наоборотъ, за недостатокъ уваженія къ нему—буры въ 1900—1903 гг.

Опасенъ не самый фактъ увлеченія, а опасно неизбежное пренебреженіе къ тѣмъ отдѣламъ подготовки войскъ и къ тѣмъ сторонамъ военнаго дѣла, которыя противорѣчатъ этому увлеченію. Военное дѣло—простое дѣло: оно не терпитъ никакого словеснаго туману, хотя-бы и прикрашеннаго и озареннаго свѣтомъ таланта. Вотъ почему содѣлываніе изъ «штыка» и «пули» ка-

кихъ-то отвлеченныхъ символовъ не только не полезно, но для дѣла прямо губительно. Драгомировскіе выводы, построенные на этихъ отвлеченностяхъ, блещутъ такими красотами діалектики, что, не взирая на узко спеціальный характеръ темы, съ интересомъ могутъ читаться даже неспеціалистами—и однако эти-же отвлеченности послужили главною причиною того, что въ только-что минувшую войну мы, не брезгая ни огнемъ, ни штыкомъ, употребляли то и другое безъ должной толковитости и разумной расцетливости.

Неуваженіе наше къ современному огню началось еще въ мирное время. М. И. Драгомировъ, исходя все изъ того-же излюбленнаго тезиса, что на войнѣ главное человѣкъ и духъ, а матерія и техника лишь нѣчто второстепенное, фактически это второстепенное низводилъ къ нулю. Онъ систематически противился введенію всякаго техническаго усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія. Стоитъ только припомнить его ожесточенныя статьи противъ магазинныхъ ружей сначала и противъ пулеметовъ потомъ. Когда зашла рѣчь о скорострѣльныхъ ружьяхъ, Драгомировъ говорилъ: не въ скорости стрѣльбы дѣло, а въ мѣткости; «мѣткость лежитъ не въ оружіи, а въ человѣкѣ»*), а потому займемся человѣкомъ, а не оружіемъ: точно, чтобы выдвинуть

*) «14 лѣтъ» М. И. Драгомировъ, стр. 277.

человѣка, нужно его противопоставлять оружію. Чтобы не быть голословными, приведемъ подлинныя слова Драгомирова. Въ 1887 г. нашъ военный авторитетъ писалъ буквально слѣдующее*): «...Полагаю, что съ Божью помощью (безъ нея ничесо-же) съ берданкой не то что можно стоять противъ любой магазинки, а она перестрѣляетъ любую магазинку... Тѣмъ не менѣе вся Западная Европа приняла магазинки; неужели-же это можно объяснить однимъ только подражаніемъ. *Глубоко убѣжденъ, что дѣло тутъ именно въ подражаніи и не весьма осмысленномъ (!)***), которое вызвано страстью, а не сознаниемъ дѣйствительнаго преимущества магазинокъ передъ оружіемъ нынѣ принятымъ».

Хорошо, что въ свое время у насъ не послушались этихъ заключеній, иначе въ Японскую войну мы были-бы такъ-же неготовы въ отношеніи ручнаго оружія, какъ оказались въ отношеніи пулеметовъ.

О послѣднихъ М. И. Драгомировъ судилъ такъ: «Если-бы одного и того-же человѣка нужно было убивать по нѣсколько разъ, то это было-бы чудесное оружіе, такъ какъ при 600 выстрѣлахъ въ минуту ихъ приходится по 10-ти на одну секунду. На бѣду для поклонниковъ столь

*) «14 лѣтъ». М. И. Драгомировъ, стр. 179.

**) Курсивъ нашъ. *Дет.*

быстраго выпуска пуля, человѣка довольно подстрѣлить одинъ разъ, и разстрѣливать его затѣмъ, въ догонку, пока онъ будетъ падать, надобности, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ» *).

Приводя эту выписку, мы хотѣли наглядно охарактеризовать особенности логическихъ (скорѣе діалектическихъ) приемовъ, которыми не брезгаютъ «огнепоклонники» и «штыколобы». Приемы болѣе остроумные, чѣмъ разумные.

А вѣдь путемъ такихъ посылокъ М. И. Драгомировъ и приходитъ къ категорическому выводу, что пулеметы нелѣпость въ полевой войнѣ.

Практическій результатъ такихъ теорій и сказался въ только-что минувшую Японскую войну.

Въ долгій мирный періодъ, предшествовавшій кампаніи, съ легкой руки М. И. Драгомирова мы лелѣяли заботу о «человѣкѣ», и, какъ это часто случается при теоретическихъ, доктринерскихъ увлеченіяхъ (теорія и особенно талантливая — всегда крайность), мы не столько совершенствовали эту заботу о «человѣкѣ» и «духѣ», сколько затирали «матерію».

Въ результатѣ достигали часто оптического обмана путемъ эффекта, хорошо знакомаго всякому даже посредственному художнику-мазилкѣ: если хочешь выдвинуть какую-нибудь подробность картины, затемни фонъ и все окружаю-

*) Тоже. Стр. 249.

щее. И вотъ мы немилосердно темнили все окружающее «человѣка»: технику, матерію, вещественное. Драгомировъ твердилъ неустанно: не въ техникѣ—главное, а въ духѣ и, желая быть послѣдовательнымъ и неумолимымъ въ своей теоріи, перешагивалъ предѣлы благоразумія; окрестивъ именемъ «нелѣпости» пулеметы и скорострѣльное оружіе, онъ на практикѣ подготовилъ нашу неготовность во время войны не только по этой части, но и вообще *по части техники ведения огневого боя.*

Въ своей недавней полемикѣ съ Верещагинымъ, обвинявшемъ въ этомъ Драгомирова, маститый генераль, между прочимъ, говорилъ: «Такъ какъ пулеметы въ концѣ концовъ будутъ въ обѣихъ арміяхъ, и такъ какъ равныя за равныя исключаются, то они существенныхъ перемѣнъ ни въ расположеніи, ни въ дѣйствіяхъ не дадутъ и дать не могутъ». А Верещагинъ въ своей статьѣ и не говорилъ ни о какихъ «существенныхъ» перемѣнахъ въ расположеніи и въ дѣйствіяхъ, а только страстнымъ глаголомъ горькаго опыта указывалъ на существенное опущеніе не имѣть пулеметовъ въ то время, когда противникъ «въ концѣ концовъ» имъ воспользовался, а мы даже и послѣ печальнаго «конца концовъ» въ лицѣ своихъ корифеевъ продолжали съ доктринерскимъ упорствомъ охранять карточный домикъ своей излюбленной теоріи отъ грубаго толчка опыта.

Какъ извѣстно, новѣйшій способъ атаки основанъ на постепенномъ осторожномъ приближеніи пѣхоты къ непріятельской позиціи. Каждая пѣхотная часть и каждый отдѣльный пѣхотинецъ стараются, примѣняясь къ мѣстности, т. е. пользуясь каждою ея складкою, каждымъ закрытіемъ, пробраться къ атакуемой позиціи, какъ можно незамѣтно, какъ можно безвредно для себя.

Чѣмъ вызванъ такой способъ атаки?—Разумѣется современнымъ огнемъ.

А чему служитъ такой способъ производства современной атаки?—Разумѣется,—чувству самосохраненія.

Такъ что, добровольно отказываясь отъ преимуществъ современнаго вооруженія во имя «духовныхъ» началъ, которыя, де, одни царствуютъ на полѣ брани, мы въ то-же время *слишкомъ внимательно и по достоинству оцениваемъ это оружіе въ рукахъ противника*, стараемся побѣдить его подпалзываніемъ и прятаніемъ и этимъ работаемъ какъ разъ вопреки тому «духу», ради котораго начали было оригинальничать. Словомъ, мы на дѣлѣ никакъ не можемъ примирить «духъ» и «матерію», «штыкъ» и «пулю», а слѣдовательно и найти мѣсто суворовскому: «пуля—дура, штыкъ—молодецъ».

Или, быть можетъ, этотъ афоризмъ потерялъ всякій смыслъ? Вѣдь великіе люди высказываютъ не только однѣ вѣковѣчныя истины,—

иной разъ обмолвятся и недолговѣчнымъ словомъ. Быть можетъ, правы «огнепоклонники», провозгласившіе популярную суворовскую фразу, какъ анахронизмъ?

Помню одну атаку во время послѣдней войны. Дѣло было 20 января. Части 5 стрѣлковой бригады (врем.-команд. полк. Юденичъ) должны были взять укрѣпленную, занятую японцами деревню Чжантаньхенань (верстахъ въ 4 къ западу отъ Сандепу). Двигаться во время атаки приходилось по мѣстности ровной и открытой, какъ столъ, а разстояніе было около 1¹/₂ верстъ. Послѣ энергичной артиллерійской подготовки 82 орудій и подъ прикрытіемъ ихъ огня баталіоны дружно двинулись къ Чжантаньхенаню, щедро сыпавшему и изъ ружей, и изъ пулеметовъ подъ акомпанементъ жестокой шрапнели. Стрѣлки продѣлали эту атаку не по правиламъ мирной выучки: шли безъ выстрѣла, перебѣжекъ не было, остановка участка цѣпи на правомъ крайнемъ флангѣ случилась только какъ исключеніе, позицію захватили «духомъ», «съ налету», безъ передышки, безъ подталкиванія цѣпи, безъ подпалзыванія и прятокъ, безъ вливанія резервовъ и прочихъ ухищреній уставной рецептуры. Эта атака шести баталіоновъ обошлась въ 500—600 человекъ потерь, понесенныхъ въ какихъ-нибудь ¹/₄ часа времени. Скажутъ, много. Едва-ли эти потери были-бы менѣе, если-бы наши цѣпи, изоцряясь въ уловкахъ самосохраненія, начали бы подпол-

зать къ непріятельской позиціи и въ теченіе цѣлаго дня обильно поливались проливнымъ дождемъ чугуна и свинца *).

Съ точки зрѣнія теоретиковъ описанная атака была ведена не по правиламъ, а съ точки зрѣнія суворовскаго афоризма—это была идеальная атака.

Атакующіе безъ пули въ стволѣ стремились поскорѣе сойтись на остріе штыка.

А какъ-же ружейный огонь? Неужели его могущественной силы, такъ и не использовали атакующіе? — Этимъ занялись части, *не предназначенныя для движенія*, т. е. тѣ-же пулеметы: они расположились на флангѣ боевого порядка такъ, чтобы атакующіе не закрыли ихъ огня, и отсюда обороняющихся поливали, какъ изъ лейки, а атакующаго подбодряли своимъ сухимъ трескомъ, близко напоминающимъ звукъ машины автомобиля.

*) Сходная по обстановкѣ, по силамъ и др. условіямъ атака, окончившаяся неудачей — была атака Телиша 12 октября въ 1877 г. Она ведена была по правиламъ постепенности и, не взирая на отсутствіе пулеметовъ у противника, на худшее его вооруженіе и болѣе низкія качества турокъ, какъ воиновъ, Телишъ стоялъ намъ 912 человекъ.

Въ разборъ причинъ неудачи этого дѣла, гдѣ потерпѣвшая часть, лейбъ-егеря, были лишь жертвою управленія и бездѣтельности своей артиллеріи, здѣсь входитъ не мѣсто, но потери этого боя, при сравненіи ихъ съ потерями боя 20 января 1905 г., являются весьма поучительными.

Смѣемъ утверждать, что *войска при атакѣ, идѣ все зависитъ отъ порыва, не должны останавливаться для чего-бы то ни было, ни для огня, ни для передышки, т. е. должны твердо помнить суворовское: «пуля—дура, штыкъ—молодецъ»* (разумѣется, если говорить объ идеальной атакѣ).

Но такъ какъ сила современнаго огня губительна, а закалка нынѣшняго бойца сомнительна, уставъ долженъ дать рядъ рецептовъ на случай, когда порывъ сдастъ, атака застынетъ, атакующіе залягутъ, обороняющіеся ободрятся, удвоятъ и утроятъ пулеметаніе, а наступающіе начнутъ подбодрять себя большею частью безцѣльной шальной трескотней; тогда только должны явиться на сцену вливаніе частей резерва въ боевую часть, перебѣжки цѣпи, новыя вливанія, новыя остановки и подталкиванія, пока наконецъ атака не ворвется на непріятельскую позицію и не зальетъ ея. Слѣдовательно, всѣ правила, рекомендуемая нынѣшнимъ уставомъ для производства такъ называемой постепенной (единственно у насъ принятой официально) атаки, есть ничто иное, какъ рядъ *спасительныхъ* средствъ на случай *неудачи штурма*.

«Порывъ не терпитъ перерыва», должно быть постоянно внушаемо атакующимъ; «пуля—дура, штыкъ—молодецъ»,—долженъ помнить каждый при атакѣ.

Ни одна современная армія въ своихъ уставахъ не приняла такой атаки «съ-налета», да еще какъ нѣчто нормальное; вездѣ постепенная атака—нормальная атака, которой учатся войска, и атака съ-налета—лишь исключеніе, которому, понятно, не обучаются.

А между тѣмъ въ новѣйшей русской военной литературѣ проповѣдь подобной атаки «съ-налета», какъ нормальной, совсѣмъ не новость.

Вотъ что писалъ Драгомировъ въ 1891 г.*): ...«Въ пѣхотѣ... при сближеніи на дистанцію атаки, тѣ, которые бросаются въ атаку, не имѣютъ надобности прибѣгать къ стрѣльбѣ, ибо ею занимаются разсыпанныя части. Что я говорю—не имѣютъ надобности? *Они не смѣютъ приближаться къ ней, ибо кто, идя въ атаку, остановится для стрѣльбы, тотъ не дойдетъ до противника.* Вѣковой опытъ подтверждаетъ это явленіе, объяснимое тѣмъ, что *останавливаются не для стрѣльбы, а стрѣляютъ потому, что остановились*, ибо не хватило духу сойтись на штыкъ. Тутъ и начинается шальная трескотня, которою потерявшіеся занимаются, ища въ опьянѣніи ею, хотя слабое, отвлеченіе отъ гнетущаго чувства страха. А за трескотнею, если не подопретъ свѣжая часть, у такихъ остановившихся слѣдуетъ обыкновенно поворотъ назадъ»**).

*) «14 лѣтъ», стр. 265. Статья — «Холодное оружіе».

***) Курсивъ вездѣ нашъ. Авт.

Значить, «пуля — дура, штыкъ — молодець».

Положимъ, Драгомировъ въ приведенномъ отрывкѣ говоритъ о непрерывной атакѣ безъ выстрѣла тѣхъ временъ, когда подобное движеніе предпринималось съ дистанціи въ 300 шаговъ отъ противника; но такъ какъ законы «Порыва», «Движенія» остаются обязательными и нынѣ, если только мы не хотимъ отказаться отъ преимуществъ атаки, то слова Драгомирова сохраняютъ весь свой смыслъ и теперь. Разница только въ разстояніи: прежде бросались въ атаку (безъ выстрѣла) съ 300 шаговъ, а теперь, какъ это мы видѣли на приведенномъ примѣрѣ атаки Чжантаньхенаня, можетъ понадобится таковая и съ 2 версты.

Другой нашъ военно-литературный авторитетъ, Г. А. Лееръ, говоритъ о непрерывности атаки не менѣе рѣшительно. Вотъ его слова*): «Что-же касается самой атаки-штурма, то разъ какъ успѣхъ ея подготовленъ, она теперь, какъ и прежде, должна быть ведена безостановочно, смачу (*«порывъ не терпитъ перерыва»*), если не вплоть до противника, то до послѣдней возможности, до рѣшающихъ для огня дистанцій, 400—200 шаговъ и minimum до 900 шаг.».

Такъ Г. А. Лееръ рисуетъ идеаль атаки. Далѣе онъ продолжаетъ:

*) «Методъ военныхъ наукъ».

«Если-же съ этой дистанціи войска нѣсколько замнутя, то, само собою разумѣется, что все остальное пространство до непріятеля придется уже пройти *перебѣжками*... Перебѣжки съ временными остановками частей войскъ будутъ при этомъ явленіемъ вполне законнымъ, но какъ *неизбѣжное зло*, какъ уступка требованіямъ известной обстановки; *учить-же имъ*, т. е. прибѣгать систематически къ остановкамъ, тамъ, гдѣ успѣхъ, главнымъ образомъ, зависитъ отъ безостановочнаго движенія, — *не слѣдуетъ*»*).

Изъ этихъ словъ видно, что Г. А. Лееръ даже категоричнѣе М. И. Драгомирова. По его мнѣнію осторожной атакѣ войска даже и учить не слѣдуетъ.

Почему-же, разъ недавняя теорія и новѣйшій опытъ—оба приходятъ къ одному и тому-же выводу, вполне подтверждающему суворовское «пуля — дура, штыкъ — молодець», почему-же уставъ не идетъ навстрѣчу этому выводу? Намъ кажется, причина въ томъ, что теоріи никто не хочетъ вѣрить, а въ опытѣ никто не хочетъ толкомъ разобраться.

А неразбериха въ прошломъ ведетъ къ колебаніямъ въ современной постановкѣ *дѣла подготовки войскъ для боя*.

*) Лееръ, «Методъ военныхъ наукъ», стр.34—35. 1894 г.

Замѣчательно, что и «штыколюбы» и «огнепоклонники» считаютъ опытъ Японской войны именно на сторонѣ своей доктрины. «Штыколюбы» съ Драгомировымъ во главѣ торжествующе указывали на многочисленные случаи штыковыхъ схватокъ—и въ этомъ видѣли лучшее доказательство того, что, не взирая на совершенство современнаго огневаго пораженія, рѣшеніе боя зависитъ отъ штыка.

«Огнепоклонники» указывали на относительную безрезультатность штыковыхъ атакъ.—Что толку, говорятъ они, что штыковой ударъ былъ, да ничего не рѣшилъ?» И дѣйствительно, такихъ безрезультатныхъ, хотя и молодецкихъ атакъ было очень много; стоитъ только припомнить атаку 6 стрѣлковаго полка дер. Суману (Безымянной), 14 января, 1905 г. Въ чемъ-же причина безрезультатности большинства бывшихъ во время послѣдней войны штыковыхъ схватокъ? Да въ томъ, что предпринимались онѣ безъ всякой опредѣленной, дѣйствительно, настоятельно-необходимой цѣли и въ томъ, что велись онѣ безъ связи съ сосѣдними боевыми участками и безъ поддержки огнемъ артиллеріи, т. е. большинство нашихъ боевыхъ атакъ послѣдней войны были образцами не употребленія, а злоупотребленія штыкомъ. А почему мы имъ злоупотребляли? Да потому, что, не умѣя его правильно употреблять, не умѣли отказаться

отъ этого исконно-русскаго оружія: насъ тянуло къ штыку.

Героизмомъ можно воспользоваться съ благою цѣлью, а также и безъ всякой пользы. Къ сожалѣнію, въ Японскую войну послѣднихъ случаевъ было несравненно больше, чѣмъ первыхъ. Можно даже сказать, что безъ пользы проявленный и употребленный героизмъ безличной войсковой массы составлялъ особое типическое отличіе послѣдней войны.

Однако самые факты бывшихъ штыковыхъ атакъ удостовѣряютъ ихъ физическую возможность, несмотря на ужасъ современнаго огня, а случаи злоупотребленія имъ—отнюдь не доказательство ихъ ненужности.

Положимъ, физическая возможность штыковыхъ атакъ и отсутствіе доводовъ въ пользу ихъ ненужности еще не доказательство ихъ необходимости. Однако нетрудно убѣдиться и въ этомъ.

Дѣйствительно, представимъ себѣ такое идеальное сраженіе, гдѣ оба противника рѣшились не прибѣгать къ такому, какъ многіе думаютъ, устарѣлому, несовременному средству, какъ штыкъ; обѣ стороны ждутъ рѣшенія боя исключительно отъ огня; оба противника громятъ другъ друга снарядами всякаго сорта. Что изъ этого получится? Всѣ участники войны знаютъ, что положительно нѣтъ такого снаряда, противъ кото-

раго нѣтъ вполнѣ обезпечивающаго закрытія, а что касается снарядовъ, употребляемыхъ въ полевой войнѣ, то эти закрытія противъ нихъ не такъ трудно найти: любая глиняная стѣнка $1\frac{1}{2}$ арш. толщины прикроетъ отъ ружейной пули и шрапнели, а стѣна большей толщины или ровикъ съ валикомъ обезпечатъ и отъ пораженія полевой гранаты.

Значить, закрывшись и зарывшись, оба противника, слишкомъ полагающіеся на рѣшающее дѣйствіе огня, должны вооружиться «терпѣніемъ, терпѣніемъ и терпѣніемъ» для того..., чтобы такъ ничего и не дожидаться, потому что дѣло въ свою пользу рѣшится не тотъ, у кого окажется больше этого пресловутаго качества, а тотъ, у кого оно лопнетъ, т. е. тотъ, кто рѣшится перейти въ атаку и проявитъ рѣшимость сойтись на остріе штыка.

Такъ это и было въ Японскую войну.

Значить, «штыкъ» живетъ, не смотря на совершенство современной «пули». Весь вопросъ въ разграниченіи поля ихъ дѣятельности:—когда штыкъ, а когда огонь?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нарисуемъ схему современнаго боя. Какъ извѣстно, въ немъ, какъ и во всякомъ бою, можно наблюдать два періода: 1) подготовительный и 2) рѣшительный. Въ первый періодъ атакующій стремится подготовить

ударъ сильнымъ *отемъ*, потрясти оборону нравственно и физически; во второй періодъ—онъ бросается для окончательнаго пораженія противника, стремясь скорѣе сблизиться на длину *холоднаго, клинковаго оружія*.

Въ прежнія времена, напримѣръ, хотя-бы въ Суворовскую эпоху, подготовительнаго періода почти не было. И неудивительно: огнестрѣльное оружіе было плохо, пуля тогда была безотносительная дура.

Нынѣ метательное оружіе столь грозно, что подготовительный періодъ длится днями, часто, какъ это и было въ Мукденскомъ бою, даже по нѣсколько дней.

Самая сущность огнестрѣльнаго оружія требуетъ полнаго спокойствія, почему подготовительный періодъ исключаетъ всякое движеніе для частей, занятыхъ стрѣльбою.

Наоборотъ, рѣшительный періодъ боя—весь *движеніе, порывъ*; почему онъ совершенно исключаетъ огнестрѣльное оружіе для тѣхъ, кто двигается въ атаку, принимаетъ непосредственное участіе въ нанесеніи удара.

Вотъ почему необходимо, чтобы еще во время мирныхъ упражненій войска воспитывались въ духѣ этого правила. Японская армія такъ и готовилась. Припомнимъ, какъ еще во время коалиціоннаго похода на Пекинъ въ 1900 г. японцы возбуждали насмѣшливое вниманіе сво-

ихъ европейскихъ боевыхъ товарищей атаками безъ всякихъ мѣръ предосторожности, общепринятыхъ во всѣхъ великихъ арміяхъ, какъ дань силѣ современнаго огня. Японскія цѣпи наступали безъ примѣненія къ мѣстности, безъ перебѣжекъ, безъ прятанья, стремясь только поскорѣе достигъ цѣли атаки. Тогда европейцы подобный образъ дѣйствій японцевъ объясняли бравадой, желаніемъ порисоваться передъ иностранцами, стремленіемъ новичковъ цивилизациі не ударить лицомъ въ грязь передъ ея ветеранами.

Теперь пришло время взглянуть на подобное отличіе образа дѣйствій японцевъ съ другой точки зрѣнія. Не было-ли это результатомъ особой, преднамѣренной выучки войскъ? Думается, что да.

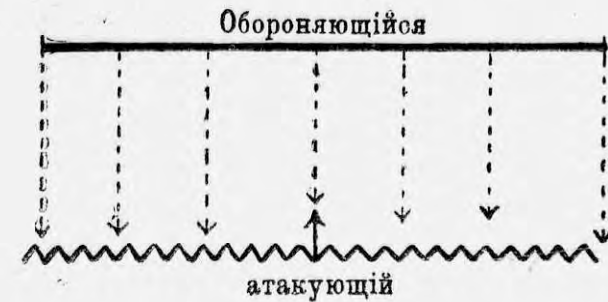
Можно-ли бояться подобнаго воспитанія войскъ? Думается, что нѣтъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, посмотримъ на двѣ нижеслѣдующія схемы:

Схема № 1.

Схема № 2.

Какъ можно убѣдиться изъ первой схемы, перебѣгающая часть атакующаго поочередно *сосредоточиваетъ* на себѣ *весь огонь* обороны, тогда какъ, если наступленіе ведется одновременно всѣмъ фронтомъ (схема № 2),—огонь обороняющагося *разстивается* по всему фронту атакующаго, т. е. слабѣетъ.

Слѣдовательно, опасность потерь при подобной атакѣ должна быть а priori даже менѣе, чѣмъ при атакѣ постепенной, съ перебѣжками, лишь бы хватило «духу» совершить ее быстро.

Въ сохраненіи этого «духа» все дѣло. Не утратятъ его части войскъ во время движенія въ атаку, — она удался; утратятъ — атака не удался. Важно при штурмѣ, чтобы люди, даже видя опасность, *не помнили о ней, не отдавали себя въ ней яснаго отчета, чтобы она не встала передъ ихъ очами во всемъ своемъ ужасѣ.*

Всякій, кто участвовалъ въ энергичной атакѣ, по собственному опыту долженъ знать, что это нежелательное ясное сознаніе опасности слабѣетъ въ людяхъ прямо пропорціонально быстротѣ движенія впередъ.

А наша обязательная постепенная атака съ ея перебѣжками и прятаніемъ людей (именуемымъ официальными уставами — примѣненіемъ къ мѣстности) работаетъ въ руку именно пробужденію нежелательнаго сознанія опасности и мирволитъ чувству самосохраненія, т. е., другими словами, способствуютъ неудачѣ атаки. Суворовъ вводилъ у себя въ войскахъ только тѣ учебные приемы, которые упражняли лишь полезныя духовныя настроенія воина и могли поддержать «духъ» массы въ бою.

Зачѣмъ-же мы учимъ тому, что этотъ духъ подрываетъ? Не умно-ли поступали японцы, приучая свои атакующія части не ложиться, не прятаться, не одурманивать себя безтолковой трескотней? Могутъ возразить: А какъ-же, если атака замнется? Какъ подтолкнуть войска вливаніемъ резервовъ, когда эти войска не приучены къ подобному подталкиванію еще въ мирное время?»

На это можно отвѣтить вопросомъ-же. Развѣ войска можно обучить всевозможнымъ случайностямъ боя? Напримѣръ: отступленію большихъ массъ послѣ разбитія ихъ не учатъ, потому что находятъ это невыгоднымъ, но тактика

(для начальниковъ) даетъ рядъ рецептовъ, какъ регулировать отступленіе, какъ сдѣлать его упорнѣе. Паникѣ учить никому даже и въ голову придти не можетъ, а однако въ настоящемъ бою можно съ нею встрѣтиться и даже импровизировать рядъ мѣръ для ея прекращенія. «Вообще», какъ писалъ Г. А. Лееръ, «войска слѣдуетъ обучать въ мирное время всему тому, что требуется боемъ, но не въ томъ видѣ, какъ это дѣлается въ бою, а какъ это требуется идеаломъ веденія боя*).

На основаніи всего сказаннаго, современная атака должна вестись по слѣдующей схемѣ:

а) Подготовительный періодъ боя долженъ быть жестокъ и систематиченъ въ смыслѣ огня; части, принимающія участіе въ подготовкѣ атаки, должны помнить, что онѣ *открываютъ двери* штурму и что, по нынѣшнимъ временамъ, безъ энергичной, планомѣрной подготовки огнемъ атака состояться не можетъ.

2) Въ рѣшительный періодъ боя части войскъ должны быть раздѣлены на три группы: а) группа, поддерживающая, прикрывающая атаку огнемъ, б) группа штурмовая и в) резервъ.

Группа поддерживающая, *огневая*, включить въ себя, естественно, всю артиллерию, пулеметы и

*) «Методъ военныхъ наукъ», стр. 33.

нѣкоторыя части, которыя, въ таковъ случаѣ образуютъ (по номенклатурѣ нашего устава) «ружейныя батареи» *). Эта группа должна занять положеніе удобное для успѣшнаго дѣйствія огнемъ, т. е. прежде всего спокойное, удобное для обзора, обстрѣла, корректированія стрѣльбы и для продолжительнаго дѣйствія (лучше всего на флангѣ атаки или въ интервалахъ, хотя теперь и стрѣльба черезъ головы—не исключеніе, а правило). Необходимо, чтобы огневая группа отнимала, по возможности, *поменьше людей*, включала *побольше машинъ* (пушки, пулеметы) и не сбивалась на столь нами излюбленную въ Японскую войну вялую огневую демонстрацію. Какъ подготовка къ атакѣ открываетъ брешь для штурма, такъ *огневая, поддерживающая группа прокладываетъ путь для атаки. Безъ огневого прикрытія атака теперь немислима.*

Штурмовая группа, цѣль которой возможно скорѣй сойтись на длину штыка, окончивши маневръ, въ рѣшительный періодъ боя должна двигаться въ атаку безъ остановокъ и безъ вы-

*) «Ружейныя батареи», рекомендованныя нашимъ уставомъ, въ практикѣ мирнаго времени не находили своего примѣненія, такъ какъ никто не понималъ ихъ назначенія и потому не находилъ случаевъ для ихъ дѣятельности. Рекомендуемое раздѣленіе войскъ по назначеніямъ при атакѣ, само собою приведетъ къ одному, наиболѣе типичному случаю примѣненія «ружейныхъ батарей».

стрѣла. Ея девизомъ должно быть—«пуля дура—штыкъ молодець» *).

А резервъ въ рукахъ начальника исправить заминку, если такая случится. Предлагаемая схема боя вновь возвращаетъ къ образцамъ, оставленнымъ намъ великими мастерами военного дѣла—Наполеономъ и Суворовымъ (который свое ходкое изрѣченіе и далъ именно для *рѣшительнаго* періода боя).

*) Не надо забывать, что приводимый типъ атаки—только *схема*, которая, однако (при надежныхъ, хорошо организованныхъ и воспитанныхъ войскахъ, при *грозной* артиллерійской подготовкѣ и *огневомъ прикрытіи* атаки) можетъ удасться и во всей своей идеальной полнотѣ. Но эта схема не только не исключаетъ, а лишь лучше объясняетъ и всѣ прочіе виды и частные случаи атаки.

Напримѣръ: излюбленный японцами (заимствованный-германскій)—съ фронта энергичный огонь и даже демонстративное наступленіе (группа огневая), а съ фланга главная сила ищетъ, по возможности незамѣтнаго подступа для штурма, т. е. штыковой атаки (наша штыковая группа).

Или: атака, столь горячо рекомендуемая теперь, съ постепеннымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней подерываніемъ къ непріятелю, возведеніе промежуточныхъ окоповъ на захваченныхъ въ теченіи дня участкахъ мѣстности,—словомъ, атака *«тихою сапою»*, *«кротовая»* атака тоже нисколько не противорѣчитъ предлагаемой схемѣ; вѣдь послѣдній участокъ, отдѣляющій атакующаго отъ обороняющагося (будь то даже 300 шаговъ), все равно придется пройти безъ выстрѣла, чтобы ударить въ штыки, или, вѣрнѣе говоря, чтобы окончательно сломить духъ противника (буде онъ упорствовалъ до столь короткихъ дистанцій).

Намъ кажется, приведенная схема современнаго боя отвѣчаетъ на всѣ вопросы, возбуждаемые Суворовскимъ «пуля—дура, штыкъ—молодецъ». Жить-ли этому правилу или не жить? И если жить, то гдѣ ему мѣсто? И когда пуля, а когда и штыкъ?

Опредѣленные отвѣты теоріи на эти вопросы дадутъ на практикѣ твердыя основы употребленія штыка и избавятъ нашу армію отъ столь часто наблюдавшагося у насъ «штыкоблудія», злоупотребленія штыкомъ, оружіемъ столь излюбленнымъ русскимъ человѣкомъ.

VI.

Активность и пассивность.

Можно было думать, что, вознеся «штыкъ» (путемъ безразсуднаго приниженія «огня»), мы также вознесли у себя и идею «наступленія», принципъ *активности*.

Практика Японской войны обнаружила какъ разъ обратное: *не имѣя никакого понятія о тактикѣ новѣйшаго огня, мы тѣмъ не меньше воспитали свою армію на идеяхъ крайней пассивности въ дѣйствіяхъ, довели приверженность войскъ къ оборонѣ, къ отсиживанью на позиціяхъ до предѣла, исключая всякую инициативу и самостоятельность начальствующихъ, умерщвляющихъ всякій порывъ (изъ-за неувѣренности въ его поддержкѣ) и упраздняющихъ смѣлость и рискъ рѣшеній и исполненія.*

Мы приучены только «отбиваться до крайности», но отнюдь не «бить отъ сердца, до конца».

Какъ это ни странно, всѣ арміи, воспитавшіяся, подобно нашей, на «штыкоблудіи», въ концѣ-концовъ, лишь только дѣло доходило до войны и до боя, беспомощно начинали пятиться назадъ и цѣпляться за позиціи. Такъ было съ австрійской арміей въ 1866 г. и съ французской въ 1870—71 гг.

Ни въ этихъ двухъ арміяхъ тогда, ни въ нашей теперь (разумѣется, передъ лицомъ противника, который не теряетъ времени) совершенно невозможенъ Марсъ-ла-Туръ (1870), завязавшійся по инициативѣ одного корпусного командира, продолжавшійся при дружной поддержкѣ другихъ, свернувшихъ на выстрѣлы, и закончившійся тѣмъ, что армія Базена, прикованная къ Мецу (послѣ потери сраженія у Сень-Прива), безславно сдалась на капитуляцію. Частный починъ привелъ къ капитуляціи армію противника.

Такой бой можетъ разыгратъ только при высокомъ развитіи почина среди команднаго элемента, а починъ долженъ быть основанъ на знаніи военнаго дѣла верхами арміи, на широкой ихъ практикѣ, еще въ мирное время, на умѣнныи взять на себя отвѣтственность, на способности къ риску рѣшеній, который, въ сущности и есть храбрость генераловъ. Генераль долженъ быть гораздо храбрѣе назадъ (въ сторону начальства), чѣмъ впередъ (въ сторону личной опасности).

Большинство суворовскихъ боевъ, прославившихъ его имя, были образцами частнаго почина, доведеннаго нерѣдко до степени антидисциплинарности.

Передъ Козлуджей, навѣрное зная о превосходствѣ турокъ въ этомъ пунктѣ, онъ завѣдомо избѣгаетъ соединенія съ Каменскимъ (старшимъ въ чинѣ) и бьетъ турокъ одинъ*).

Передъ Фокшанами (18 іюля 1789 г.) Суворовъ, по просьбѣ принца Кобургскаго (18.000), форсированнымъ маршемъ спѣшить къ нему на поддержку съ отрядомъ изъ 7.000 человекъ, въ 36 часовъ по неимовѣрно-плохому пути дѣлаетъ 80 верстъ, неожиданно для австрійцевъ присоединяется къ нимъ и даетъ утомленнымъ войскамъ дневку. Принцъ Кобургскій дѣлаетъ нѣсколько попытокъ для переговоровъ, Суворовъ отклоняетъ свиданіе. А вечеромъ посылаетъ Кобургскому свой рѣшительный (и потому рискованный) планъ атаки превосходныхъ силъ корпуса Османъ-паши (30 тыс.).

Этотъ планъ заслуживаетъ того, чтобы привести его дословно: «Войска достаточно отдохнули, и мы завтра, въ 3 часа утра, выступимъ двумя колоннами: австрійцы — въ правой, рускіе въ лѣвой; пойдемъ прямо на непріятеля, не

*) Какъ старшій Каменскій донесъ объ этой побѣдѣ, за что и получалъ Георгія 3 ст., а Суворовъ не получилъ ничего.

задерживаясь долго разыскиваніемъ въ кустахъ по сторонамъ для того, чтобы успѣть во время подойти къ р. Путиѣ, рано перейти черезъ нее и атаковать непріятеля. Говорятъ, что невѣрныхъ *только 50.000* *), а другіе, и того менѣе; — жаль, что они не всѣ вмѣстѣ, — разомъ бы ихъ разбили. Но какъ этого нѣтъ, то начнемъ съ этихъ; съ Божьею помощію, разгонимъ ихъ».

Необходимо подчеркнуть, что Кобургскій былъ старше Суворова по службѣ.

Послѣ фокшанскаго разгрома турокъ, при свиданіи съ Кобургомъ, Суворовъ такъ извинялъ свое уклоненіе отъ предварительнаго передъ боемъ совѣщанія: «Мы провели бы цѣлый день въ дипломатическихъ и тактическихъ преніяхъ, въ которыхъ я былъ бы побѣжденъ, но непріятель рѣшилъ бы нашъ споръ и побилъ бы тактиковъ».

Въ томъ же году осенью, передъ Рымникомъ, Суворову не посчастливилось избѣжать (при подобныхъ же обстоятельствахъ) совѣщанія съ Кобургомъ. Когда послѣдній, устрашенный большею разницею силъ (австрійцевъ—18.000 и русскихъ 7.000 противъ 90—115.000 турокъ), не сдавался на рѣшительный планъ, Суворовъ ка-

*) Намѣренное преувеличеніе силъ противника — ни въ этомъ, дескать, дѣло.

тегорически заявилъ ему о непреклонности своего намѣренія, хотя бы въ атаку пришлось идти съ горстью русскихъ. Кобургъ сдался—и въ результатѣ новый разгромъ.

Суворовъ не только не боялся отвѣтственности, но не избѣгалъ ея даже и тогда, когда имѣлъ полную къ тому возможность.

Во время первой войны съ польскими конфедератами (1768—1772 г.) Суворовъ командовалъ войсками Люблинскаго района. Когда ему удалось уже водворить спокойствіе въ своемъ участкѣ, въ Литвѣ обнаружилась новая сила. Литовскій гетманъ, графъ Огинскій, имѣя свои войска, присоединился съ ними къ Барской конфедерации, которая, послѣ ряда неудачъ, теряла надежду на успѣхъ дѣла. Русскіе отряды, расположенные въ Литвѣ, лишь наблюдали Огинскаго издали и нечего рѣшительнаго не предпринимали. *Суворовъ, по отдаленности своего района, могъ бы не беспокоиться съ бѣльшимъ, чѣмъ весь прочіе, основаніемъ.* И однако онъ одинъ рѣшается бить Огинскаго. «*Спасемъ сначала нашихъ*», говорилъ онъ, — «*а потомъ пусть казнь падетъ на мою голову*» *). И затѣмъ, послѣ форсированнаго марша (Коцкъ - Бѣла - Слонимъ = 200 вер. въ 4 сутокъ) съ отрядомъ въ 822 человекъ (¹/₆ отсталыхъ) въ непроглядную ночь

*) Смить, ч. I, стр. 53.

12 сентября 1771 г. разбилъ 3.000 Огинскаго наголову.

Только разъ Суворову его порывъ прошелъ безнаказанно. Когда, изъ-за медлительности Потемкина, наши войска томились въ бездѣятельности подъ Очаковымъ, несли огромныя потери отъ болѣзней и не видѣли конца края осады, Суворовъ рѣшился вызвать общій штурмъ крѣпости и для этого бросился въ атаку со своими войсками; въ началѣ дѣло пошло на ладъ: русскіе ворвались внутрь ретраншамета, но успѣха развить не могли безъ поддержки; къ тому же и Суворовъ былъ раненъ въ шею. Когда онъ обратился къ Потемкину, послѣдній отказалъ въ подкрѣпленіи и даже отрѣшилъ пылкаго вождя отъ командованія.

Къ счастью, это былъ единственный случай, когда Суворовъ изъ-за неуспѣха боеваго дѣла поплатился служебною непріятностью за свою инициативу. Кобылка, Сталовичи, Фокшаны, Рымникъ, наконецъ такъ хорошо извѣстная и прославленная Прага — сраженія, за которыя Суворовъ не былъ преданъ суду только потому, что «побѣдителей не судятъ». Передъ каждымъ своимъ дѣломъ Суворовъ имѣлъ право сказать: «Спасемъ сначала нашихъ, а потомъ пусть казнь падетъ на нашу голову».

Qui ne risque, ne gagne. Рядовой боецъ рискуетъ жизнью, полководецъ — планами.

Въ послѣднюю войну мы только тѣмъ и занимались, что считали силы противника, и такъ привыкли къ этому, что свѣдѣнія о малѣйшемъ превосходствѣ служили законнымъ поводомъ къ бездѣятельности или же къ отступленію.

Виновата въ этомъ, разумѣется, не рядовая масса арміи, а верхи ея, воспитавшіеся въ робкой чиновничьей школѣ, отучившей отъ смѣлаго непосредственнаго порыва и почина. Для сопоставленія печальной современности съ отраднымъ прошедшимъ, бесполезно припомнить слѣдующее наставленіе Суворова одному изъ старшихъ генераловъ, пассивностью котораго онъ былъ недоволенъ: «...Рекомендую вашему превосходительству полную рѣшимость, — вы генералъ; я издали, и вамъ ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было, вы локальный. Блюдайте быстроту, импульсію» *).

Такихъ-то генераловъ, способныхъ быть «локальными», у насъ теперь и не стало. Причина этого, разумѣется, въ условіяхъ мирнаго времени. Во первыхъ — молодость. У Наполеона даже въ послѣднихъ его кампаніяхъ генералы въ среднемъ были въ возрастѣ не старше 50 лѣтъ. Въ 1812 году Даву было 42 года. Нею 43 года, Мюрату — 40 лѣтъ, Бессьеру — 45 лѣтъ, Макдо-

*) А. Петрушевскій, т. II, стр. 145.

нальду—47 лѣтъ, Ланну въ 1809 году (годъ его смерти подъ Ваграмомъ)—38 лѣтъ.

То же и у насъ: Кульневу было 40 лѣтъ, начальникамъ дивизій — 26-й пѣхотн. Бахметеву 30 лѣтъ, 8-й пѣхотн.—Эссену 30 лѣтъ, Милорадовичу — 38 л., Капцевичу (нач. 7 пѣх. див.)—40—42 г., Десперадовичу — 36 л., Ланжерону — 47 л., Тучкову 3—37 л., Воинову (кавал. див.)—40 л., Орловъ-Денисовъ былъ еще «молодой человѣкъ» и даже Барклай-де-Толи — «человѣкъ 55 лѣтъ отъ роду» по взгляду эпохи почитался, какъ «немного дряхлый» *).

А теперь про 50-лѣтняго генерала говорятъ: «молодой генералъ». И даже стѣсняются давать такому генералу большія назначенія. «Онъ молодъ», повторяли про генерала Куропаткина, когда его назначали военнымъ министромъ; а ему было тогда 49 лѣтъ. На войнѣ, куда онъ поѣхалъ, въ возрастѣ 55 лѣтъ, Куропаткинъ оказался старъ: старъ по отсутствію *смѣлости* исполненія иногда недурно задуманныхъ ходовъ. Онъ былъ не только нерѣшителенъ самъ, но и гасителемъ всякаго порыва и почина въ арміи.

Чтобы отгнѣнить нерѣшительность, царствовавшую на театрѣ послѣдней войны, стоитъ про-

*) П. Симанскій. Статьи «Военнаго Сборника» №№ 1, 2 и 3. 1906 г.

вести параллель управленія въ двухъ бояхъ, подъ Ляояномъ и на Треббѣи въ 1779 г.

Положеніе передъ боемъ. Суворовъ въ Александри былъ подъ угрозою съ двухъ сторонъ: Моро отъ Генуи — съ юга, Макдональдъ съ востока отъ Пiacенцы (схема № 1, см. на слѣд. стран.).

Куропаткину противникъ угрожалъ только съ одной стороны (схема № 2).

Силы сторонъ: у Суворова было 22.000, у Макдональда 38.500 и у Моро—16.000 всего у противника 54.500 *), т. е. болѣе, чѣмъ *двойное* превосходство, а въ сильнѣйшей изъ группъ французской арміи—*полуторное*.

У Куропаткина подъ Ляояномъ 150.000, у Оямы — 135.000 **); принимая въ расчетъ, что на нашей сторонѣ былъ прекрасно оборудованный Ляоянскій укрѣпленный лагерь, можно считать наше превосходство подавляющимъ.

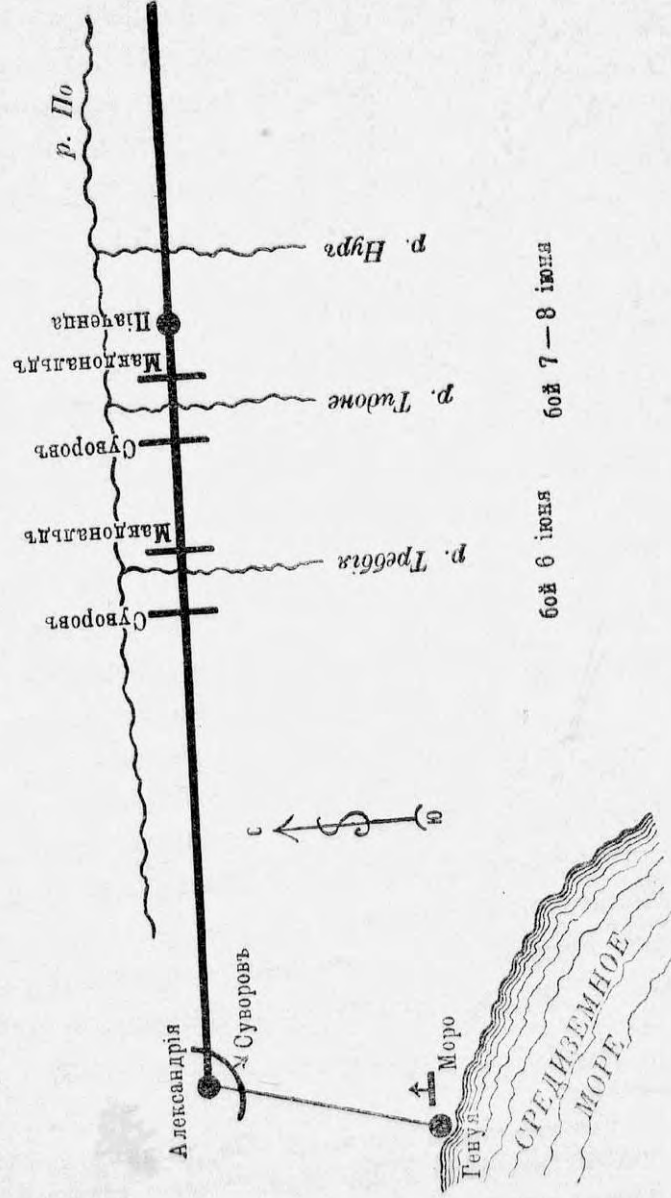
При этомъ и Суворовъ и Куропаткинъ — оба были за тридевять земель отъ своихъ русскихъ источниковъ пополненія.

Планы сторонъ. У Суворова — предупредить соединеніе двухъ группъ противника въ одну

*) Милютинъ.

***) По иностраннымъ даннымъ. По нашимъ свѣдѣніямъ—200.000; но, даже и при этомъ условіи все же, благодаря Ляояну, наши силы сравнивались съ японскими.

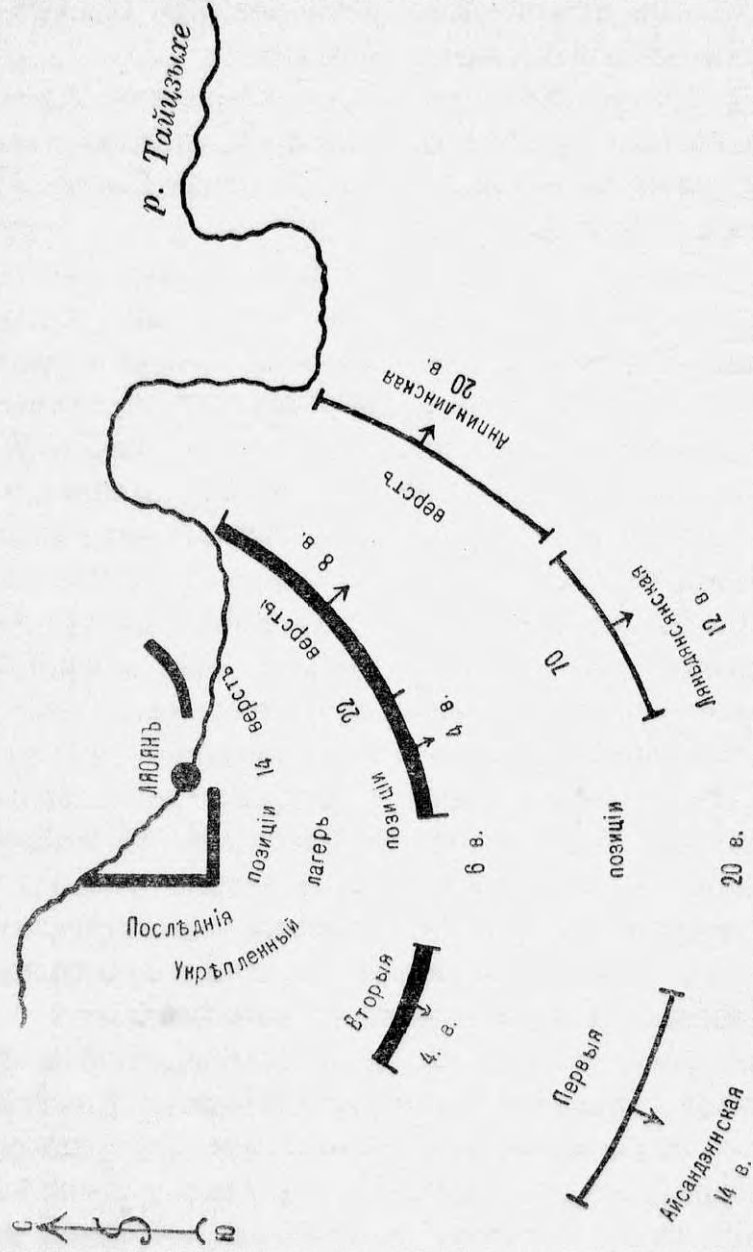
Схема № 1.

бой 6 июня

бой 7—8 июля

Схема № 2.

и разбить ихъ порознь (дѣйствія по внутреннимъ операционнымъ линиямъ).

У Куропаткина, — пользуясь пассивною силою Ляоянскаго укрѣпленнаго лагеря, активно маневрируя на обоихъ берегахъ рѣки Тайцзыхе, разбить Ояму.

Рискъ. Оба плана вполне рациональные, но, разумѣется, *рискъ* Суворовскаго плана, равно какъ и *опасность* всего положенія русской арміи въ Италіи въ 1799 г. (поставленной въ клещи, съ арміей Макдональда на пути сообщеній) неизмѣримо выше *риска* плана Куропаткина и *опасности* его положенія въ Маньчжуріи. Въ то время, когда для Суворова въ іюнѣ 1799 г. положеніе было опаснымъ уже *до боя*, для Куропаткина въ августѣ 1905 г. она возникла только *послѣ* неудачно веденнаго боя.

Но какая разница *въ исполненіи!*

Въ палящую жару Суворовъ дѣлаетъ на встрѣчу Макдональду 80 верстъ въ 36 часовъ, на р. Тидоне своими 19.000 (масса отсталыхъ) выручаетъ слабый отрядъ Отта, неотступно слѣдуетъ за отступившимъ на свои подходившіе резервы Макдональдомъ и вступаетъ съ нимъ въ ожесточенный бой на р. Треббиа. Къ концу *второго дня* боя на этой рѣкѣ, Суворову *не удалось достигъ никакого рѣшительнаго* результата: правый берегъ оставался въ рукахъ противника. Но, когда вечеромъ у Суворова собрались на-

чальники, онъ поздравилъ ихъ съ *третьею* побѣдою!!! *) «Завтра дадимъ еще четвертый урокъ Макдональду», говорилъ Суворовъ. Но, подъ вліяніемъ нашей нравственной упругости, французы потеряли моральную устойчивость и быстро отступили, теряя по дорогѣ такъ много плѣнныхъ (16—17 тысячъ), что цѣлые полки въ полномъ составѣ складывали оружіе (на р. Нурѣ знаменитая во французской арміи 17 линейная полубригада, бывший Овернскій полкъ).

Нельзя сказать, чтобы французская армія «была разбита», но она «разбилась».

Характерно, что въ продолженіе всего трехдневнаго боя, отъ начала и до конца *весьма сомнительнаго*, Суворовъ ни на минуту не теряетъ увѣренности въ окончательномъ успѣхѣ и не утрачиваетъ душевнаго равновѣсія подъ вліяніемъ извѣстій о критическомъ положеніи на томъ или другомъ пунктѣ сраженія, частности боя его совершенно не угнетаютъ (по крайней мѣрѣ такъ казалось окружающимъ). А извѣстія зачастую были таковы, что могли бы нарушить чье угодно спокойствіе: были на лицо и упадокъ духа у ближайшихъ помощниковъ (Розенбергъ и даже Багратіонъ), и паника (у Розенберга), и невозможность поддерживать доста-

*) Первая—Тидоне 6-го іюня, вторая и третья—Треббиа—7 и 8 іюня.

точно сильный огонь (ружья отказывали), и резерва не было совершенно; но Суворовъ оставался непреклоненъ.

— «Попробуйте сдвинуть этотъ камень»,—отвѣтилъ Суворовъ Розенбергу, настаивавшему на отступленіи, — «не можете?.. ну, такъ и русскіе не могутъ отступать!..».

Куропаткинъ подѣ Ляояномъ съ самаго начала боя увлекается третьестепенными и второстепенными частностями сраженія,—и этимъ въ корнѣ портитъ основной, вполне правильный планъ боя.

Вопреки первоначальному своему намѣренію, Куропаткинъ затягиваетъ бои на первыхъ, авангардныхъ позиціяхъ (Айсяндзянской, Ляндянсянской и Анпинлинской), долженствовавшихъ первоначально служить лишь для цѣлей развѣдки. Три дня (11, 12 и 13 авг.) войска бьются на позиціяхъ въ 70 верстъ длиною, три дня сосредоточиваются на новыя—длиною въ 22 версты, дерутся на нихъ еще три дня (17, 18 и 19) и, когда дѣло дошло до главнаго боя съ обходной арміей Куроки, оказалось, что большая часть арміи измотана десятидневнымъ боемъ и маршами, что большинство корпусовъ находится на лѣвомъ берегу р. Тайцзыхе, что для сосредоточенія на правый берегъ противъ Куроки

они должны совершить дальній и утомительный маршъ, что артиллерійскіе запасы разстрѣляны *) и что силы войскъ подорваны. А главное—подорванъ духъ самого Куропаткина. Уже въ срединѣ Ляоянскаго сраженія, получивъ извѣстіе о потерѣ 8 орудій корпусомъ генерала бар. Штакельберга (пушки завязли въ грязи), командующій арміей написалъ длиннѣйшую нервную полевую записку, основной мотивъ которой: «я угнетенъ, я разстроены».

Можно себѣ представить состояніе духа Куропаткина къ концу боя, когда онъ получилъ свѣдѣнія, что ноги не ходятъ, пушки не стрѣляютъ, войска измотаны, а дивизія ген. Орлова хлебнула паники!

А теперь выясняется, что японцы были утомлены еще больше нашего (вѣдь и они не сидѣли на мѣстѣ десять сутокъ, двигались и сражались), что патроновъ у нихъ было еще меньше и что на правомъ берегу р. Тайцзыхе противъ каждаго нашего корпуса у нихъ было не болѣе одной дивизіи. Но активность, свойственная японской арміи, была такъ велика, что эти дивизіи, не боясь чрезмѣрной растяжки, двигались на

*) Осталось 20.000 орудійныхъ патроновъ, а въ предшествовавшіе дни боя одинъ 3 корпусъ выпустилъ 108.000.

сѣверъ, съ цѣлью выиграть нашъ флангъ и тылъ *).

Совершенно такъ же, какъ французы на Тидоне, мы отступили изъ-подъ Ляояна не потому, что «были разбиты», а только потому, что «разбились» нравственно въ лицѣ своихъ вождей.

Гдѣ-же причина нашей пассивности? Неужели, какъ это пытаются выставить нѣкоторые изъ изслѣдователей, она въ неустрашимыхъ, какъ стихія, свойствахъ Маньчжурской арміи, въ тяжеловѣсности ея солдата? Вѣдь существуетъ даже мнѣніе, что отъ нашей современной арміи нельзя требовать болѣе $2\frac{1}{2}$ —3 верстъ въ часъ марша и что она къ маневрированію не способна**). Если это и справедливо до нѣкоторой степени, то виноватъ въ этомъ, разумѣется, не нашъ неизбалованный рядовой воинъ и такой-же офицеръ, а безсистемная организація арміи (поставившая въ ряды дѣйствовавшихъ войскъ стараго запаснаго) и нервное высшее командованіе, бесполезными маршами и контръ-маршами утомлявшее войска въ теченіе подготовительнаго періода до такой степени, что для маневри-

*) Японская гвардейская дивизія, зарвавшаяся далеко на сѣверъ за Янтайскія высоты, еще занятая нами, должна была даже вернуться назадъ.

***) Австрійскій военный агентъ гр. Шептицкій.

рованія въ рѣшительный періодъ боя у нихъ буквально не оставалось силъ.

Такъ было подъ Ляояномъ, такъ было и подъ Мукденомъ.

Припомнимъ, что резервъ у Наполеона *отдыхалъ* до самаго рѣшительнаго момента боя. Когда-же, наконецъ, этотъ моментъ наступалъ, Наполеонъ садился верхомъ и громовое «vive l'empereur» несло въ передовыя, уже истомленные боевыя линіи,—тамъ знали, что сейчасъ свѣжій резервъ начнетъ наносить свои смертоносныя удары.

Наша армія, какъ и всякая другая, неспособна безтолковой организаціи и таковому-же маневрированію дать успѣхъ.

Поэтому не въ природныхъ свойствахъ нашей арміи слѣдуетъ искать причины ея пассивности, а въ органическихъ особенностяхъ нашего высшаго командованія. Ген. Куропаткинъ только типичный его представитель. Привыкшіе лишь «отбиваться», а «не бить», они считали обыкновенно свое дѣло сдѣланнымъ, когда могли донести о болѣе или менѣе успѣшно отбитыхъ атакахъ противника. Такъ именно поступилъ генераль Линевичъ во время Мукденскаго боя. Отразивши рядъ энергичныхъ демонстративныхъ штурмовъ японцевъ (такъ успѣшно отвлекшихъ вниманіе ген. Куропаткина отъ пункта главной атаки), ген. Линевичъ этимъ и довольствовался.

А между тѣмъ въ тотъ періодъ боя, когда Ояма главныя свои силы рѣшительно бросилъ на нашъ правый флангъ и 2 маньчжурская армія успѣшно обороняла свои позиціи, переходъ въ энергичное наступленіе частей 1-ой Маньчжурской арміи, почти совершенно въ это время бездѣйствовавшей, былъ-бы вполне умѣстнымъ. Такое наступленіе, веденное настойчиво и быстро, могло-бы перевернуть судьбу Мукденскаго сраженія. Въ-сто этого, ген. Линевицъ предпочелъ бездѣйствовать, крайне пассивно встрѣтилъ ничтожный, не представлявшій стратегической опасности Кіузанскій прорывъ *), и, наконецъ «съ музы-

*) Былъ предпринятъ съ ничтожными силами и въ пунктѣ слишкомъ отдаленномъ отъ Мукдена (20 в.) и отъ Мандаринской дороги (14 в.). Чтобы отгнать ничтожество опасности отъ Кіузанскаго прорыва, стоитъ только сопоставить его съ прорывами, которые могли-бы угрожать 2 арміи, если-бы такъ-же пассивно отнеслись тамъ къ двумъ фактамъ боевой неустойки, обнаруженной 20 февраля 121 пѣх. Пензенскимъ полкомъ, оборонявшимъ промежутокъ деревень Янсытунь-Фуготунь и 22 февраля частями 25 пѣх. дивизіи, оборонявшими дер. Юхуантунь. Эти пункты лежали всего въ 5 вер. отъ Мукдена и выводили прямо въ кратчайшемъ и опаснѣйшемъ направленіи на пути сообщенія всѣхъ нашихъ армій.

Это не помѣшало Кіузанскому прорыву согласно Всеподданнѣйшаго донесенія генерала Куропаткина, наряду съ замерзаніемъ р. Хуньхе (успѣвшей не только замерзнуть, но и собиравшейся уже вскрыться) послужить главною причиною отступленія отъ Мукдена.

кою» (хотя почти безъ напора противника) «славно отступилъ» къ Телину.

Во время того-же Мукденскаго боя два генерала, по свойствамъ личнаго своего характера наиболѣе для этого подходившіе, обнаруживали стремленіе не только «отбиться» отъ атакъ противника, но и перейти въ наступленіе. Это были генералы Церпицкій и Гершельманъ, командовавшіе каждый сводными отрядами, величиною соотвѣтствовавшими сильнымъ корпусамъ. Обороняли они районъ отъ редута № 6 (на большой Мукденской дорогѣ, сѣвернѣе сел. Янсытунь) до р. Хуньхе (д. Мадяпу) и южнѣе этой рѣки (гдѣ былъ собственно отрядъ ген. Гершельмана).

Наступленіе этихъ двухъ отрядовъ, поддержанныхъ всѣмъ резервомъ западнаго фронта, вдоль по Хуньхе, въ разрѣзъ японскихъ армій, чтобы отбросить отъ центра обходную колонну и прорвать чрезмѣрно растянувшійся фронтъ японцевъ, сулило побѣду. Два раза по войскамъ западнаго фронта отдавались наступательная диспозиціи *): въ первый разъ для атаки предназначалось 96 бат.; двинуться должны были въ 5 час. утра 20 февраля; но, въ то время, когда наши позиціи были уже заняты демонстративно (охотниками), силы для удара были уже сосре-

*) Согласно общей диспозиціи войскамъ западнаго фронта.

доточены и мы садились на коней, — атака, по приказанію свыше, была отмѣнена за какихъ-нибудь 5 минутъ до ея начала; для второй атаки, назначенной на слѣдующее утро и диспозицію для которой войска получили часовъ черезъ шесть-семь послѣ отмѣны первой (около полудня, 20-го) назначалось уже около 130 бат., но и она была отмѣнена.

Вмѣсто двухъ единственно цѣлесообразныхъ рѣшеній (энергичный ударъ 1-ой арміей или наступленіе вдоль по р. Хуньхе отрядами генераловъ Церпицкаго и Гершельмана), главнокомандующій избралъ третье: слѣдуя примѣру японцевъ, стараться выиграть ихъ лѣвый флангъ и потому растягивать и безъ того растянутое положеніе.

Возраженіемъ противъ одного изъ двухъ активныхъ рѣшеній могла-бы послужить лишь увѣренность въ подавляющемъ превосходствѣ японцевъ противъ войскъ, предназначавшихся для перехода въ наступленіе, т. е. противъ I арміи ген. Линевица или противъ двухъ упомянутыхъ сводныхъ отрядовъ. Нельзя было ожидать, чтобы превосходство противника имѣлось на обоихъ пунктахъ. А для того, чтобы удостовѣриться, гдѣ его не имѣлось, по примѣру японцевъ, слѣдовало, наступать одновременно въ двухъ направленіяхъ. Это было для ген. Куропаткина тѣмъ болѣе обязательно, что по имѣв-

шимся у него свѣдѣніямъ*) «положительно можно было утверждать, что скольконибудь крупная сила не могутъ базироваться на Синминтинскую желѣзную дорогу»**).

Привыкшіе къ активному образу дѣйствій, японскіе вожди, будь они на мѣстѣ ген. Куропаткина и Линевица, вѣроятно такъ и поступили-бы.

Во время нашего наступленія въ сентябрѣ и октябрѣ положеніе японцевъ у Ляояна было нисколько не лучше нашего у Мукдена въ февралѣ. Нашъ Восточный отрядъ ген. бар. Штакельберга успѣлъ сильно выиграть правый флангъ Оямы, передовыя его части доходили уже до Бенсиху, все сулило намъ успѣхъ.

Но японцы, *приученные къ встрѣчному бою, безъ сожалѣнія покинули свои укрѣпленія* (на что мы никогда не рѣшались) и перешли въ смѣлое наступленіе противъ Западнаго отряда ген. ба-

*) Сводка № 19 свѣдѣній о противникѣ къ 21 февраля.

**) Къ 21 февраля противъ I арміи считали: 1 рез. див. = 12 бат., 11 пол. див. = 12 бат., 2 пол. див. = 12 бат., 12 пол. див. = 12 бат., 5 рез. бриг. + 39 пѣх. п. = 8 бат., св. гв. рез. бриг. = 6 бат., всего = 62 батал.; къ нимъ могла быть притянута гв. дивиз. = 12 бат.; противъ 2 арміи: 8 див. = 12 бат., 9 див. = 12 бат., 7 див. = 12 бат., 1 див. = 12 бат.; всего 36 бат.; къ послѣднимъ могла быть подтянута часть силъ 1, 5, 9, 12, 8 и 11 рез. бриг. = ок. 26 бат. (Сводка № 19); сверхъ сего, кажется, — 3 пол. див. = 12 бат. и 15 рез. бриг. = 6 бат.

рона Бильдерлинга, а мы, *привыкшіе къ отси- живанію на позиціяхъ*, какъ будто-бы только этого и ждали, немедленно перешли къ столъ нами излюбленной оборонѣ, а потомъ и попятились назадъ.

Гдѣ-же причины такой пассивности?

О нѣкоторыхъ изъ нихъ рѣчь была уже впе- реди, о другихъ придется упомянуть.

Теперь, когда бои длятся по недѣлѣ и по двѣ, когда начальствующіе, по нѣсколько дней безъ пищи и по нѣсколько ночей подрядъ безъ сна, должны сохранять физическую бодрость, ум- ственную ясность и душевное равновѣсіе, *моло- достъ* или по крайней мѣрѣ *жельзное здоровье команднаго состава обязательны*.

Насколько это требованіе настоятельно необ- ходимо, лучше всего пояснить примѣромъ.

Въ ночь съ 15 на 16 февраля 1905 г., около 2 часовъ, части 5 стрѣлковой бригады г.-м. Чу- рина (занимавшей позиціи на крайнемъ правомъ флангѣ 2-ой арміи у сел. Чжантань) были раз- бужены и поставлены въ ружье, такъ какъ со- вершенно ясно обнаружился переходъ японцевъ въ наступленіе. Съ семи часовъ утра артилле- рійскій бой былъ уже весьма жаркимъ и за- тѣмъ, то усиливаясь, то ненадолго ослабѣвая, не прекращался ни на минуту до наступленія полной темноты. Атаки начались съ 8 часовъ

утра (на лѣвомъ берегу р. Хунь-хе на 18 стрѣл- ковой полкъ—Полк. Юденичъ), возобновились въ полдень (на правомъ берегу р. Хунь-хе, на дд. Безымянную и Чжантань, на 17 стрѣлк. полкъ—Полк. Бѣльковичъ), и затѣмъ уже по- пытки японцевъ перейти въ наступленіе не пре- кращались до 5 часовъ пополудни. Съ этого часа, до- вольствуясь захватомъ развалинъ дер. Безымян- ной (обороняли ее, какъ передовой пунктъ, двѣ роты 17 стрѣлк. полка), японцы перешли на интенсивный артиллерійскій бой, очевидно съ демонстративною цѣлью замаскировать обходное движеніе Ноги.

Послѣ шестнадцати часовъ огневаго боя и де- сяти часовъ атакъ, уже въ 11 часовъ вечера 5 стрѣлковая бригада получила приказаніе объ отступленіи по направленію на д. Патхозу*). Цѣлая ночь походнаго движенія**), аррьергард- ный бой у сел. Сатхайза (Сатхейза, Гаупуапу), артиллерійскій бой 17 февраля въ теченіе цѣ- лаго дня и частью ночи съ 17 на 18-ое у с. Матурань, ночное походное движеніе въ эту ночь къ дер. Мадяпу на Хунь-хе, кратковре- менный отдыхъ (безъ сна) у этого селенія,

*) Какъ оказалась впоследствии, существовавшую только на картѣ [Патхова, Улапуза]; карта, изд. 8, штаба Главн., испр. по 1 янв. 1905 г.), но отнюдь не въ натурѣ.

**) Бригада вышла относительно другихъ войскъ туда, куда слѣдовало.

походное движеніе сначала по дорогѣ на дер. Улиму, Нингуантунь и Чансытунь, а затѣмъ (по полученіи извѣстія объ отступленіи 16-го корпуса отъ дер. Салинпу подъ Мукденъ) обратный маршъ черезъ Мадяпу на дер. Кангыатунь, Фуготунь и Янсытунь (куда бригада пришла только въ 5 часовъ утра 19 февраля), и, наконецъ, *двухчасовой сонъ послѣ трехъ съ половиною сутокъ боя и маршей*. Онъ былъ кстати, такъ какъ 19 февраля съ 7 часовъ утра бой возобновился для того, чтобы уже не прекращаться снова вплоть до 24 февраля, когда японцы, видимо, совершенно обезсиленные, отказались отъ попытки завладѣть дер. Янсытунь и прилегающими позиціями.

Но вотъ приходитъ приказаніе главнокомандующаго объ отступленіи отъ Мукдена — и снова походныя движенія съ боемъ до 27 февраля.

Можетъ-ли при такихъ условіяхъ дряхлѣющей строевой начальникъ, или, хотя и не старый, но слабого здоровья, не только сохранить бодрость, но еще и влить ее въ свои войска? Можетъ-ли онъ даже настолько владѣть своимъ вниманіемъ, чтобы быть въ состояніи вполне отдавать себѣ отчетъ во всемъ происходящемъ?

Новый бой и новѣйшая война самымъ очевиднымъ образомъ доказываютъ, что *дряхлая старость и слабая молодость отнынѣ не должны быть посылаемы на поле брани*.

Вотъ почему настоятельно необходимо, чтобы основное правило нашего чиновпроизводства, «пробыть въ каждомъ чинѣ *не меньше* опредѣленнаго числа лѣтъ для полученія *права* на производство въ слѣдующій» — обязательно должно быть передѣлано замѣною словъ *не меньше* словами *не больше* и слова *полученія* словомъ *осуществленія*.

Думается, что невниманіе къ требованію омоложенія команднаго состава было одною изъ причинъ пассивности нашей арміи.

Другою причиною, которую можно только констатировать, о ней сожалѣть, но не претендовать на нее, являлось *отсутствіе таланта наверху нашего командованія*.

Однако было-бы несправедливо, если-бы только въ этихъ двухъ причинахъ мы искали разгадку косности въ нашихъ дѣйствіяхъ. *Школа мирнаго времени* играетъ тутъ такую роль, что на ней стоитъ остановиться подольше.

Нынѣшній бой носитъ въ себѣ всѣ отличительныя особенности такъ называемаго «встрѣчнаго боя»: *классическихъ позицій прежнихъ временъ онъ не требуетъ*; вмѣсто нихъ — *случайныя, имѣющіяся на лицо, мѣстныя опорныя пункты*; главное значеніе элемента мѣстности — *въ подступахъ*; *разведка* ведется одновременно съ боемъ; о противникѣ

приходится судить по едва уловимым данным (интенсивность огня, длина фронта, упорство въ разныхъ направлєніяхъ); на основаніи этихъ гадательныхъ свѣдѣній начальствующіе принимаютъ *быстрыя и рѣшительные* планы; *маневрированіе войскъ*—вмѣсто ихъ заблаговременнаго расположенія, соображеннаго съ предварительнымъ планомъ сраженія; *движеніе*—вмѣсто упорства; *самостоятельность* и *починъ*—вмѣсто приказанія; *донесенія*—снизу; *спокойствіе, руководство, ориентировка*—сверху*); *взаимная поддержка*—съ боковъ. Вотъ типичныя отличія современнаго боя.

Вмѣсто всего этого, у насъ въ маневренной практикѣ мирнаго времени проводились основанія позиціоннаго оборонительнаго боя. Самая техника управленія, благодаря своей тяжело-вѣсности, исключала гибкость, свойственную «встрѣчному бою». Дѣйствительно, при принятыхъ способахъ отдачи приказаній по войскамъ (писаніе длиннѣйшихъ диспозицій, переписыва-

*) Только отъ хорошо ориентированнаго подчиненнаго можно требовать разумнаго почина. Вотъ почему въ нынѣшнемъ бою высшій начальникъ *обязанъ* освѣдомлять нисшаго о перепитіяхъ боя и боевой обстановкѣ. Отрицательнымъ образцомъ такой взаимной связи начальствующихъ разныхъ степеней между собою можетъ послужить фактъ боя подъ Шахе. 29 сентября вечеромъ нач. Западнаго отряда ген. бар. Бильдерлингъ прислалъ частямъ 17 корпуса приказаніе объ отступленіи на такія позиціи, которыя они уже сдали противнику.

ніе ихъ рукою писаря и затѣмъ перепечатываніе ихъ на разныхъ литографскихъ, гектографскихъ и друг. копировальныхъ приборахъ) беретъ не менѣе нѣсколькихъ часовъ времени. Неудивительно, что всѣ начальствующіе чувствовали себя счастливыми въ тѣхъ случаяхъ, когда на ихъ долю выпадала оборонительная роль: они сознавали себя господами своего времени.

Курьезнымъ доказательствомъ того, насколько стѣснителенъ принятый у насъ способъ отдачи приказаній оперативнаго значенія, служитъ фактъ маневренной практики въ одномъ изъ военныхъ округовъ, когда во время одного большого маневра (корпусъ противъ корпуса) всѣ распоряженія по наступавшему корпусу были отданы и даже отпечатаны на двѣ недѣли впередъ по шаблону приказаній, отданныхъ для корпуса, нѣсколько лѣтъ назадъ маневрировавшаго въ томъ же районѣ и со сходною задачею.

Заданіе всякаго маневра предусматриваетъ у насъ всегда двѣ роли: обороняющагося и наступающаго, причемъ предварительными расчетами эти роли заранѣе раздавались опредѣленнымъ лицамъ*). При такомъ способѣ войсковыхъ учебныхъ упражненій въ полѣ—искусство, энергія и

*) Рѣчь идетъ не о *задачахъ*, а именно о *роляхъ*, или *способахъ дѣйствій*.

знанія командующаго генерала, а также способность къ маневрированію войскъ остаются въ полной неизвѣстности.

Въ веденіи «встрѣчнаго боя», единственнаго боя, когда боевыя и маневренныя способности, какъ начальствующихъ всѣхъ степеней (управленіе — главныхъ, починъ и взаимная поддержка — нисшихъ), такъ и войскъ выступаютъ наиболѣе рельефно, наша армія въ мирное время совершенно не упражнялась.

Вмѣсто «встрѣчнаго боя» у насъ процвѣтаетъ «гипнозъ укрѣпленныхъ позицій». А укрѣпленныя позиціи въ полевой войнѣ полезны только тогда, когда *освобождаютъ* большую часть живой силы для маневрированія, а не тогда, когда онѣ *приковываютъ* къ себѣ главную массу войскъ и заранѣе осуждаютъ ее на пассивное сопротивление.

Всѣ перечисленныя причины сдѣлали то, что у насъ «оборона» всегда синонимъ «пассивности», а «наступленіе» синонимъ нерѣшительности и безурядицы.

«Быстрота, глазомѣръ и натискъ» — вотъ что хорошо забыто въ нашей арміи.

VII.

Техника.

(Изъ памятныхъ листковъ).

Тактическая единица. Какъ извѣстно по правиламъ тактики, тактической единицею называется такая войсковая часть, которая можетъ вести *самостоятельный* бой, т. е. приготовить ударъ огнемъ и маневромъ и рѣшить его штыкомъ. До сего времени такою единицею считали баталіонъ. Отдѣливъ часть ротъ въ боевую линію для подготовки удара, онъ могъ образовать и достаточный резервъ для развитія и довершенія дѣла, у него была и огневая группа и вполне солидная штыковая, въ гармоничномъ сочетаніи которыхъ все дѣло въ бою.

Въ новѣйшемъ бою выдвинулись могущественныя факторы, совершенно лишившіе баталіонъ его прежняго значенія. Эти факторы — *огромныя потери и развитіе техническихъ вспомогательныхъ средствъ* въ бою.

Только часть, способная выдержать первыя и широко владѣющая вторыми, можетъ теперь почитаться способною вести *самостоятельный* бой и именоваться *тактической* единицею.

Въ нынѣшнемъ бою даже полкъ не можетъ претендовать на подобное званіе. Достаточно вспомнить, что полкъ, назначенный въ первую линію, въ нынѣшнемъ бою обрекается почти на вѣрное уничтоженіе (отъ 1 Восточно-Сибирскаго Его Величества полка полк. Леша, въ Мукденскомъ сраженіи осталось 150 штыковъ; отъ 18 стрѣлковаго полка полковника Юденича, въ томъ-же бою оборонявшаго сел. Янсытунъ и редутъ № 7,—200 штыковъ и ни одного офицера*)—и это не исключеніе, а общее правило). Часть со столь непрочнымъ существованіемъ, которая можетъ быть буквально сметена при первомъ-же шокѣ, имѣетъ-ли право претендовать на названіе — тактической единицы, т. е. способной къ *самостоятельному* и, притомъ, теперь всегда *продолжительному* бою?

Бригада—пожалуй, достаточно сильна по числительному своему составу, но не владѣетъ техническими средствами.

*) Результатъ повторныхъ молодецкихъ штыковыхъ контръ-атакъ, предпринятыхъ подъ личнымъ начальствомъ лихого и беззавѣтно-храбраго командира 18-го полка полковника (нынѣ генерала) Юденича, на разсвѣтъ 22 февраля. Полковникъ Юденичъ при этомъ былъ вторично раненъ, весьма серьезно (въ шею и въ грудь на вылетъ).

Значитъ, только дивизія теперь можетъ считаться тактической единицею. Людской составъ ея достаточно силенъ для того, чтобы выдержать любой упорный бой, а техническими средствами управленія (штабъ), вооруженія (артиллерія и пулеметы) и связи (конница и телефоны) она снабжается достаточно щедро, или, по крайней мѣрѣ, должна быть такъ снабжена.

Техническія средства. Наша армія, воспитывавшаяся на идеѣ пренебрежительнаго отношенія къ техническимъ средствамъ, обнаружила въ этомъ отношеніи весьма слабую подготовку.

Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ у насъ и на службѣ, и въ военной литературѣ (Драгомировъ) такъ много и усердно твердили о «духѣ», что «матерію» мы какъ-то проглядѣли. Въ то время, когда въ пользу перваго мы сочиняли стройныя теоріи, второе мы предоставили усмотрѣнію частнаго почина. Въ многихъ чрезвычайныхъ отдѣлахъ технической подготовки войскъ мы предоставили начальникамъ и командирамъ частей полную свободу экспериментации. Опыты и испытанія длились часто многіе и многіе годы, и, такъ какъ вершились они безъ ясно поставленной цѣли и безъ всякой системы и руководства специалистовъ, вполне

по вкусу экспериментаторовъ, то и проходили эти опыты безъ пользы для арміи.

Въ одномъ полку, смотришь, новую систему полевыхъ телефоновъ испытываютъ, въ другомъ — телеграфированіе безъ проводовъ, въ третьемъ — возятся съ дрессировкой военныхъ собакъ, а гдѣ-нибудь заняты разными оптическими сигналами. Благо — на все это деньги были; стоило только прикоснуться къ богатымъ экономическимъ капиталамъ.

Но вотъ является въ такой экспериментальный полкъ новый командиръ, любитель новой отрасли техническихъ средствъ или, просто, скопидомъ, который превыше всего ставитъ задачу о накопленіи экономическихъ средствъ полка, — и, смотришь, цѣнное имущество, прибрѣтенное предшественникомъ, идетъ съ молотка или же забрасывается въ пыльный уголъ полковаго сарая.

Всѣ наши опыты въ области техническихъ средствъ многіе годы передъ войною носили характеръ сплошнаго *дилетантства*.

А при такомъ порядкѣ вещей могли-ли пройти подобные опыты съ пользою не только-что для арміи, но даже для полковъ, гдѣ они предпринимались?

По тактикѣ огня. Общее наше пренебреженіе къ вопросамъ техники было причиною

отсутствія интереса къ тактикѣ огня и вполнѣ объясняетъ нашу неготовность въ огневомъ отношеніи. Въ то время, какъ «штыкъ» нашелъ себѣ въ нашей арміи не только талантливыхъ, но авторитетныхъ и властныхъ апологетовъ (М. И. Драгомировъ), современный грозный огонь остался у насъ безъ такой протекціи. И, какъ это часто бываетъ въ жизни съ истинною силою, подъ Тюренченомъ она показала намъ, что и не нуждалась въ расположенія и покровительствѣ высокопоставленныхъ авторитетовъ. Рѣдкіе у насъ партизаны современнаго огня, относившіеся съ интересомъ къ его свойствамъ и его употребленію въ бою (тактика огня) и не ограничившіеся однимъ категорическимъ, приказнымъ изложеніемъ своего внутренняго убѣжденія, но для убѣжденія другихъ посвящавшіе себя глубокому теоретическому и, насколько возможно, практическому изученію вопроса, къ сожалѣнію, не принадлежали у насъ къ вліятельнымъ авторитетамъ.

Будь на лицо такое уравновѣшивающее вліяніе въ нашей арміи, народись у насъ, въ противовѣсъ ген. Драгомирову, свой ген. Ланглуа, столь-же убѣдительный и вліятельный, быть можетъ, и подготовка нашихъ войскъ пошла-бы по равнодѣйствующей между Драгомировымъ и своимъ русскимъ Ланглуа, и, быть можетъ, войска наши научились-бы не только цѣнить силу

современнаго огня въ рукахъ противника, но и въ своихъ собственныхъ.

Тюренченъ послѣ Тугелы, гдѣ артиллерія впервые рѣшилась въ современномъ бою выскочить на близкую отъ противника и открытую позицію, могъ появиться только въ арміи, которую вопросы новѣйшей техники совершенно не занимали, а новѣйшій боевой опытъ нисколько не интересовалъ.

Но появленіе послѣ Тюренчена эпизодовъ въ родѣ случившагося въ бою у Вафангоу, гдѣ 3 и 4 б-реи 1 Вост.-Сиб. артилл. бриг. выскочили на гребень и были разстрѣяны, или подобный-же случай во время сраженія подъ Ляояномъ съ батареей полк. Покотилло*) *той самой 6 Вост.-Сиб. артилл. бригады*, которая такъ жестоко была проучена на р. Ялу, показываетъ уже, что однихъ горькихъ уроковъ въ бою мало, и что для преодоленія *рутины* и *инерции* нужна упорная школа мирнаго времени.

Какова-же была эта школа до войны?

Не говоря уже о томъ, что, подъ вліяніемъ М. И. Драгомирова, мы крайне медленно реагировали на всякій прогрессъ новаго огнестрѣльнаго оружія, мы, въ концѣ концовъ, вводя его

*) Храбрый полковникъ Покотилло, потерявши разстрѣлянной всю свою батарею, геройской смертью запечатлѣлъ свою ошибку.

у себя, интересовались лишь его техническими, баллистическими и, пожалуй, оборонительными свойствами, но роль современнаго огня при *наступленіи* оставалась для нашихъ войсковыхъ массъ невыясненной, а на практикѣ—неиспользованной.

Лучшимъ показателемъ того, насколько безслѣдно прошли для насъ уроки современной войны въ отношеніи огня, служить хотя-бы слѣдующій фактъ. Какъ извѣстно, еще въ послѣднюю Турецкую кампанію артиллерійское содѣйствіе мы понимали такъ: «съ такого-то по такой-то часъ артиллерійская подготовка, а съ такого-то часа—движеніе въ атаку». На практикѣ это осуществлялось съ буквальной точностью: артиллерія дѣйствовала въ свои часы и бездѣйствовала во время атаки, и обратно—пѣхота бездѣйствовала во время артиллерійскаго состязанія и дѣйствовала уже, *безъ покрова артиллеріи*. Такъ было во время трехъ атакъ Плевны, такъ нерѣдко повторялось и въ послѣднюю войну.

Послѣ Тюренчена, Дашичао, Ляояна на войнѣ мы многому научились, но и послѣ этихъ боевъ были случаи, когда наши артиллеристы, въ большинствѣ прекрасные знатоки своего цехового дѣла, превосходные пушкарі, оказывались неудовлетворительными артиллеристами-тактиками. Мнѣ извѣстенъ фактъ, когда во время Мукден-

скаго боя, въ моментъ непріятельской атаки, веденной по японскому обыкновению подъ сплошнымъ и грознымъ прикрытіемъ шимозъ и шрапнелей, рвавшихъ букетами надъ нашею страдалцею-пѣхотою, артиллерійскій дивизионъ, состоявшій при атакованныхъ войскахъ, оборонявшихъ позицію, замолкъ и молчалъ до той поры, пока его не побудило къ дѣйствию энергичное приказаніе начальника обороны. И разительнѣе всего тотъ фактъ, что руководившій стрѣльбою — прекрасный артиллеристъ и храбрый офицеръ — на вопросъ о причинѣ молчанія — счелъ возможнымъ сослаться на неполученіе имъ соотвѣтствующаго приказанія.

Причина такой косности въ бою кроется, разумѣется, во взглядахъ, усвоенныхъ еще въ школѣ мирнаго времени. У насъ почему-то сложилось убѣжденіе, что артиллерія не только вспомогательный родъ оружія, но что она и не можетъ претендовать ни на какую инициативу. Поэтому артиллерія приноситъ у насъ пользу ровно на столько, на сколько пѣхотное начальство умѣетъ воспользоваться могуществомъ артиллерійскаго огня и на сколько оно имѣетъ возможность руководить артиллерійскимъ боемъ.

Теперь, когда пушки ведутъ состязаніе въ большинствѣ случаевъ съ предѣльныхъ разстоя-

ній, наступающая пѣхота очень быстро отдѣляется отъ своихъ орудій на разстояніе до 2—3 верстъ; при трудности несенія теперь ординарческой службы нельзя рассчитывать на то, чтобы пѣхотное начальство не порвало непрерывной связи съ артиллеріей.

Въ такомъ случаѣ начальству послѣдней са-мому придется заботиться о своевременности поддержки своей пѣхоты; и такъ какъ перемѣна позицій въ нынѣшнемъ бою (особенно на мѣстности открытой) часто неосуществима, то придется позаботиться о другихъ средствахъ поддержанія связи съ пѣхотою. Старшій артиллерійскій начальникъ долженъ самостоятельно слѣдить за перипетіями пѣхотнаго боя и, соотвѣтственно съ его ходомъ, регулировать свой огонь. Прежде въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣхота настолько сближалась съ непріятельскою, что являлась опасность недолетами поражать своихъ*), артиллерія брала въ передки и мѣняла позицію. Теперь подобное маневрированіе артиллеріи (осо-

*) Такая опасность особенно велика у полевыхъ мортиръ (малая мѣткость). Въ бою у Чжантаньхенаня 21 января и былъ такой именно случай. Мы сблизились съ японцами до 400—600 шаг., мортиры стояли отъ нашихъ передовыхъ линій верстахъ въ полтора въ двухъ. Получивши приказаніе разрушить закрытія японской деревни Вандзявопу, откуда насъ поражали пулеметами, онѣ недолетами начали бить въ нашу цѣпь.

бенно большихъ ея массъ) на полѣ сраженія невыполнимо. Рѣшившись на него, можно потерять свою артиллерию отъ бѣглаго огня въ теченіе нѣсколькихъ минутъ*). Что-же дѣлать? *Вмѣ-*

*) Хорошей иллюстраціей трудности дневнаго выѣзда, а слѣдовательно и переѣзда артиллеріи на позицію въ современномъ бою можетъ служить слѣдующій фактъ Мукденскаго боя. 20 февраля 5 стрѣлковая бригада, оборонявшая сел. Янсытунъ (центръ Западнаго фронта на большой Мукденской дорогѣ, кратчайшее направленіе къ Мукденской желѣзнодорожной станціи), подверглась жестокому артиллерійскому огню противника, предвѣстнику его атаки. Командиръ 1-го стрѣлковаго артиллерійскаго дивизиона, временно изображавшаго роль артиллеріи 5-й бригады, доносилъ, что, не желая ни на минуту прекращать огонь, онъ, засыпаемый градомъ снарядовъ, боится, однако, возможной скорой потери орудій, и потому проситъ артиллерійской поддержки. Около полудня, сражавшійся лѣвѣе 5 бригады, Пензенскій полкъ дрогнулъ, образовался прорывъ позицій Западнаго фронта. Минута была серьезная.

Въ это время начальникъ отряда г.-л. Церпицкій прислалъ 5-й бригадѣ предупрежденіе о томъ, чтобы она ожидала на себя главной атаки, обнадеживъ ее, что поддержитъ ее всѣми своими средствами; и, дѣйствительно, какъ бы въ оправданіе этихъ словъ, немедленно прислалъ помощь въ видѣ конно-артиллерійскаго дивизиона флигель-адъютанта, войсковаго старшины Гаврилова. Однако, не смотря на серьезность положенія, доброе желаніе испытаннаго въ бояхъ лихого дивизиона и извѣстное мужество георгіевскаго кавалера, его командира, выѣздъ на позицію прибывшихъ къ 5 бригадѣ батарей такъ и не могъ состояться въ теченіе цѣлаго дня. Пришлось отбиваться безъ его пособія.

то переѣздовъ на новыя позиціи всей артиллеріи наступающаго отряда, можно рекомендовать выдвиганіе впередъ наблюдательнаго пункта съ находящимся на немъ стрѣляющимъ офицеромъ.

При атакѣ Чжантаньхенаня 20 января 1905 г. частями 1 и 5 стрѣлковыхъ бригадъ на нашей сторонѣ было 82 ор. всѣхъ видовъ полевой артиллеріи: 48 скорострѣлокъ (шрапнель), 16 поршневыхъ (граната) и 18 полевыхъ мортиръ (фугасный снарядъ). Послѣ овладѣнія селеніемъ стрѣлки получили приказаніе въ немъ окопаться. Но японцы, желая выкурить насъ изъ Чжантаньхенаня, открыли такой убійственный шрапнельный и шимозный огонь, что до вечера нельзя было и помышлять о приступѣ къ работамъ.

Что дѣлала въ это время наша артиллерія? По приказанію начальника артиллеріи корпуса, тотчасъ-же послѣ взятія Чжантаньхенаня, она перенесла свой огонь на сел. Сандепу и, въ виду ожидавшейся въ скоромъ времени повторной его атаки, занялась его бомбардированіемъ; а свою пѣхоту, засѣвшую въ Чжантаньхенанѣ, оставила безъ покрова.

Необходимо имѣть въ виду, что начальникъ артиллеріи корпуса находился отъ мѣста боя въ 5 верстахъ, лицу, отвѣтственному за атаку, под-

чиненъ не былъ, а между тѣмъ распоряжаться артиллеріей, подчиненной этому генералу, считалъ себя въ правѣ.

Въ случаяхъ, подобныхъ сообщеннымъ, у насъ привыкли винить только пѣхоту и пѣхотное начальство и ихъ незнакомство со свойствами артиллеріи. Послѣ Японской войны пришла пора напомнить и артиллеристамъ объ обязательномъ для нихъ знаніи тактики пѣхотнаго боя. Только умѣя слѣдить за нимъ вполнѣ самостоятельно, современный артиллеристъ будетъ въ состояніи дѣйствительно своевременно поддержать не только свою, но иной разъ и сосѣднюю пѣхоту.

Какъ на положительный образецъ послѣдняго случая, можно указать на дѣйствія артиллеріи 3 Сибирскаго армейскаго корпуса, руководимой артиллеристомъ — корпуснымъ командиромъ генераломъ Н. І. Ивановымъ, въ бою подъ Ляояномъ, во время обороны *вторыхъ* позицій (см. схему № 2, стр. 157). 3-й Сибирскій корпусъ занималъ крайній правый флангъ лѣвой группы войскъ. Когда японцы, желая прорваться въ 6-ти-верстный интервалъ между двумя группами нашихъ корпусовъ, обрушились на 4-й Сибирскій корпусъ, оборонявшій лѣвый флангъ правой группы, генералъ Ивановъ проявилъ именно тотъ артиллерійскій починъ, о которомъ была рѣчь: безъ всякаго приказанія свыше или просьбы со стороны 4 Сибирскаго корпуса, онъ

отправилъ на поддержку ему грозовую тучу своихъ снарядовъ, и способствовалъ отбитію атакъ боевымъ сосѣдомъ.

Весьма ярко выразившееся въ нашей арміи отсутствіе взаимной поддержки (къ разсмотрѣнію причинъ и слѣдствій чего мы еще не разъ вернемся), въ артиллерійскомъ бою наблюдалось особенно ярко. Сосѣдніе артиллерійскіе участки, не только разныхъ отрядовъ, но даже и одного и того-же отряда, почти никогда не входили между собою въ непосредственную взаимную связь. Въ нынѣшнемъ бою, гдѣ ориентировка должна часто замѣнять приказаніе, а починъ и взаимная выручка быть главными элементами командованія, и артиллеристы не только имѣютъ право, но даже обязаны, не стѣсняясь іерархическими соображеніями, непосредственно обмѣниваться полученными данными боя съ сосѣдними артиллерійскими участками. Только при этомъ условіи возможенъ плодотворный артиллерійскій починъ, огневая выручка и связь въ духѣ проявленной ген. Ивановымъ подъ Ляояномъ.

Къ сожалѣнію, подобныхъ положительныхъ примѣровъ артиллерійскаго почина (основаннаго въ упомянутомъ случаѣ на прекрасной осведомленности руководителя огня — ген. Ивановъ былъ корпусный командиръ) японская кампанія даетъ чрезвычайно мало.

Какъ на отрицательный, къ сожалѣнію типичный, случай отсутствія связи между артиллерійскими сосѣдними участками можно указать на слѣдующій эпизодъ Мукденскаго боя.

16 февраля, уже съ началомъ обхода ген. Ноги, 5 стрѣлковая бригада, оборонявшая сел. Чжантань и позиціи à cheval на р. Хунь-хе южнѣе этого селенія (крайній правый флангъ 2 арміи), была атакована превосходными силами 8 японской дивизіи ген. Тацумы (12 бат. противъ нашихъ 4). Впереди, южнѣе сел. Чжантаня, на самой рѣкѣ Хунь-хе находился небольшой выселокъ изъ трехъ-четырехъ дворовъ, названный нами дер. Безымянной. Въ качествѣ весьма удобнаго передоваго пункта она была занята двумя ротами 17 стрѣлковаго полка.

Въ полдень 16 февраля японцы атаковали Безымянную, наши роты мужественною обороною заставили японцевъ развернуть цѣлую бригаду (чѣмъ и дали возможность выяснитъ ихъ силы), но затѣмъ тяжелыя потери*) и почти полное уничтоженіе закрытій послѣ часоваго упорнаго сопротивленія принудили ихъ отступить въ Чжантань.

Во время этого упорнаго боя, длившаяся, собственно говоря, съ ранняго утра (въ полдень

*) Командовалъ ротами 17 стр. полка, какъ было уже упомянуто ранѣе, капитанъ Пряхинъ. Въ одной изъ ротъ осталось всего 37 стрѣлковъ.

начался уже рѣшительный штурмъ), въ горячемъ артиллерійскомъ состязаніи у Безымянной принялъ участіе лишь 5 стрѣлковый дивизионъ*); (Полк. Сомовъ; стрѣлявшій офицеръ к-ръ 1 б-реи подп. Прясловъ). 2-й-же артиллерійскій дивизионъ, расположенный съ нимъ бокъ-о-бокъ, должно быть, въ силу своей принадлежности къ составу другой (2-й) стрѣлковой бригады (между прочимъ, совершенно неугрожаемой атакою), такъ и не поддержалъ боеваго сосѣда, хотя дер. Безымянная была расположена отъ него не только въ сферѣ хорошаго артиллерійскаго выстрѣла ($1\frac{1}{2}$ —2 вер.), но даже въ предѣлахъ хорошаго обзора.

По принятому у насъ способу дѣйствій, для полученія артиллерійскаго содѣйствія сосѣдняго боеваго участка нужно обратиться сначала въ высшую инстанцію, которая уже и дѣлаетъ соотвѣтствующее распоряженіе.

Подобный долгій путь въ нынѣшнемъ бою съ его огромными разстояніями всегда будетъ приводить только къ потерѣ времени. И только

*) 3-я батарея его (вмѣстѣ съ 19 стр. полкомъ) была откомандирована съ утра 16 февраля въ Сыфонтайскій отрядъ ген. Эйхольца, а вмѣсто нея была прислана 5-я батарея 28-й арт. бригады; позднѣе въ Сыфонтай отправлена и 2-я батарея 5-го стр. дивизиона и взамѣнъ ея предназначена 5-я батарея 4-го Сибирскаго артиллерійскаго дивизиона (поршневалъ).

одинъ артиллерійскій починъ и крайняя дѣятельность артиллерійскаго команднаго состава способны предовратить ничѣмъ невознаградимую потерю времени и взаимной огневой связи.

Нынѣшній артиллеристъ долженъ смотрѣть на себя не только, какъ на *машиниста, цехового пушкарскаго цеха*, но и какъ на самостоятельнаго *артиллериста-тактика* съ весьма широкими предѣлами для почина и самодѣятельности на современномъ полѣ сраженія.

Нынѣшняя война, обнаруживъ вполне достаточную техническую подготовку нашей артиллеріи, убѣдила въ совершенной недостаточности тактическаго кругозора ея команднаго состава. На тактику въ артиллеріи и должно быть обращено теперь особое вниманіе.

Эволюція техники полевой артиллеріи. Турецкая война 1877—78 гг. застала насъ съ двумя полевыми орудіями*) (батарейное и легкое) и съ тремя снарядами къ нимъ (граната, шрапнель и картечь).

Передъ войною 1904 — 1905 г. въ нашей артиллеріи господствовало стремленіе объединить полевое орудіе и полевой къ нему снарядъ.

*) Горнаго орудія, результатъ *тактическихъ*, а не артиллерійскихъ требованій, я не упоминаю.

Причина понятна: единство калибра давало единство снаряда; а это послѣднее условіе — удобство снабженій.

Ко времени объявленія войны перевооруженіе артиллеріи еще не было закончено: поэтому у насъ на-ряду съ новою скорострѣлкою (шрапнель) были еще и передѣланныя старыя орудія, такъ называемыя поршневыя (граната и шрапнель), а также и полевыя мортиры (фугасный снарядъ); послѣднія въ такомъ меньшинствѣ, что самую наличность ихъ нужно считать лишь *исключеніемъ* усвоенной организаціи.

Кто-бы передъ войною могъ предсказать, что будущность именно за этимъ исключеніемъ, за фугаснымъ снарядомъ? А между тѣмъ это несомнѣнно.

Только его вредоносность осталась безъ подозрѣній. Малый калибръ современнаго полевого орудія ослабилъ дѣйствіе его гранатнаго огня (знаменитая японская «шимоза» часто была больше по «духу», чѣмъ по тлѣнной «матеріи»), а склонность теперешней артиллеріи сражаться на предѣльныхъ дистанціяхъ парализовала губительность шрапнели (слишкомъ высокіе ихъ разрывы).

Остается, слѣдовательно, всегда грозный и всегда внушительный фугасный снарядъ.

Но у него есть капитальный недостатокъ. Посылаемый полевойю мортирою съ ея малою на-

чальной скоростью, онъ отличается слишкомъ ничтожностью мѣткостью *) и чрезмѣрно короткою дистанціею.

Исправить оба эти недостатка можно только введеніемъ *полевой гаубицы* (большая, чѣмъ въ мортирѣ, начальная скорость и дальность).

Безъ сомнѣнія, за полевой гаубицею и будущность.

Эволюцію полевой артиллеріи въ послѣдніе годы можно очертить въ двухъ словахъ.

Передъ Японскою войною всѣ стремленія артиллерійской техники сводились къ увеличенію двухъ данныхъ полевого орудія: *мѣткости* и *скорострѣльности*. Попутно, достигая совершенства мѣткости, получали *настильность траекторіи* (что для полевой артиллеріи совершенно ненужное качество), *дальность* и *уменьшеніе калибра*. Скорострѣльности достигли путемъ совершенства снаряда (*унитарный патронъ*) и лафета (*уничтоженіе отката*).

Какъ показала только-что минувшая война, въ своемъ стремленіи усовершенствовать мѣткость полевой пушки артиллерійская техника не только дошла до предѣла, но даже перешагнула

*) Случай боя у Чжантаньхеная 21 янв. 1905 г.: изъ-за недостатка мѣткости мортиры паражали своихъ. (См. стр. 183, выноску).

его. Въ нынѣшнемъ бою, который ведется почти безъ всякой возможности видѣть своего противника, возобладала стрѣльба по площадямъ. Основа ея, какъ извѣстно, *разсыиваніе* снарядовъ, свойство противоположное *мѣткости*, и ея послѣдствія—*кучности* пораженія. Мало того, одно изъ естественныхъ слѣдствій увеличенія мѣткости (при данномъ вѣсѣ орудія)—*уменьшеніе калибра*— послужило причиною *уменьшенія разрушительнаго дѣйствія снаряда полевой пушки*.

Въ слабости снаряда полевой пушки и нужно искать причину широкаго примѣненія въ минувшую войну, какъ *позиціонной, осадной* артиллеріи (у обоихъ противниковъ), такъ и *поршневыхъ пушекъ* и *полевыхъ мортиръ* (у насъ). Потребность въ послѣднихъ двухъ орудіяхъ была такъ велика, что всякій мало-мальски упорный бой вызывалъ у насъ командировку на мѣсто дѣйствія, какъ старыхъ поршневыхъ пушекъ, такъ и мортиръ. При атакѣ Чжантаньхеная обѣ поршневые батареи были изъ состава 1-ой арміи, а сводный мортирный дивизионъ (изъ 2 батарей 5-го и 1 батареи 4-го полковъ) былъ временно сколоченъ изъ частей двухъ армій. И такія *гастроли* орудій съ тяжелымъ снарядомъ были общимъ правиломъ въ нашей арміи.

Всѣ приведенныя данныя даютъ полное право предполагать, что послѣ войны 1904 — 1905 г. *полевая артиллерія перейдетъ къ увеличенію калибра орудія съ цѣлью усовершенствованія разрушительнаго дѣйствія снаряда.*

Если-же, кромѣ того, принять въ расчетъ, что превосходство въ *дальности* нашей артиллеріи передъ японскою никогда не давало ей подавляющихъ выгодъ *), то станетъ совершенно ясно, что *полевой гаубицѣ* предстоитъ блестящая будущность. Орудіе среднее между нынѣшнею полевой пушкою и такою-же мортирою, оно въ достаточной степени обладаетъ баллистическими свойствами первой и разрушительными — второй.

Такъ какъ единство полевого калибра представляетъ громадныя административныя удобства (снабжение снарядами), то можно ожидать, что полевая гаубица, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, станетъ универсальнымъ полевымъ орудіемъ, тѣмъ болѣе, что шрапнелью она можетъ стрѣлять почти такъ-же хорошо, какъ и полевая пушка.

Хотя преимущество предѣльныхъ дистанцій нашего полевого орудія въ минувшую войну и не дало намъ никакого особенно ощутительнаго превосходства надъ японскою артиллеріей, но стремленіе

*) Кромѣ, развѣ, нѣсколько большей губительности шрапнельнаго огня (отсутствіе высокихъ разрывовъ).

увеличивать ихъ настолько естественно (безопасность для себя), что, вѣроятно, впоследствии снова возобладаетъ направленіе въ сторону удлиненія полевой гаубицы при сохраненіи ея калибра, т. е. другими словами, постепенное превращеніе ея въ пушку.

Но такъ какъ, въ виду увеличенія вѣса всей системы, здѣсь придется натолкнуться на громадныя техническія затрудненія (обязательность большой подвижности для полевого орудія), то этотъ шагъ полевой артиллеріи, надо полагать, — дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго *).

Что давало намъ несомнѣнное превосходство надъ японцами — это *скорострѣльность* нашей пушки. Помню характерный въ этомъ отношеніи случай Мукденскаго сраженія.

16-го февраля 1905 г., какъ было уже упомянуто выше, 5-я стрѣлковая бригада, занимавшая позицію на крайнемъ правомъ флангѣ II-й арміи, обороняла сел. Чжантань съ передовымъ пунктомъ въ сел. Безымянной (схема, стр. 211). Бой разыгрался по слѣдующей схемѣ. Съ разсвѣтомъ японская 8 дивизія (ген. Тацумы, изъ арміи Оку) открыла жестокой огонь и начала

*) Быть можетъ, только моторы смогутъ рѣшить эту задачу.

готовить штурмъ Безымянной и Чжантаня (очевидно обходомъ нашего праваго фланга желая принудить насъ очистить всѣ наши позиціи лѣваго берега р. Хунь-хе).

Овладевъ развалинами дер. Безымянной послѣ упорнаго боя двухъ ротъ кап. Пряхина, японцы стали готовиться къ атакѣ Чжантаня. Открывъ по немъ ураганъ огня, они начали скопляться въ Безымянной и около нея, на льду р. Хунь-хе, подъ прикрытіемъ ея крутыхъ береговъ. Около 4—5 часовъ дня уже было вполне выяснено, что тамъ собралось не менѣе дивизіи (вѣроятно вся восьмая). У насъ для обороны Чжантаня было всего 5 б-новъ (17 и 20 стр. полки и одинъ б-нъ Волынскаго полка), — силы вдвое или втрое слабѣйшія японскихъ. Тогда командиру 5-го стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона, полковнику Сомову, по приказанію начальника 5-й стрѣлковой бригады ген.-м. Чурина, была написана слѣдующая полевая записка (16 февр., 5 час. дня, № 28/3 изъ Чжантаня):

«Получено донесеніе, что большія силы японцевъ скопляются въ дер. Безымянной, по обоимъ берегамъ р. Хунь-хе, почему нужно перенести огонь на д. Безымянную и по резервамъ за ней».

5 стрѣлковый дивизіонъ открылъ *блмный* огонь. Каковы были его результаты, — мы узнали отъ бѣжавшаго, съ наступленіемъ темноты, нашего

плѣннаго стрѣлка 17 полка Василя Бокши. По его простому, но тѣмъ не менѣе образному, разсказу выходило такъ: «Бывалъ я подъ японскимъ огнемъ, ваше превосходительство (докладъ былъ начальнику бригады), но не дай Богъ бытъ еще разъ подъ нашимъ. Рота японская поднимается, чтобы перебѣжать, и, смотришь, вся убита. Я и бѣжалъ-то только потому, что вокругъ меня были всѣ убиты *)».

Результатъ артиллерійскаго отпора не замедлил сказаться. Послѣ 5 часовъ противъ Чжантаня японцы прекратили атаки и ограничились до темноты однимъ огнемъ; а всѣ свои штурмы съ этого часа перенесли на противоположный лѣвый флангъ Стрѣлковаго корпуса (с. Чжанчжуанца и редутъ на буграхъ, позиція 7 стрѣлковаго полка, полк. Розеншильдъ-Паулинъ).

По слухамъ, японская 8 дивизія понесла такія жестокия потери отъ нашего огня, что на сутки вышла изъ строя (черезъ сутки она, какъ говорили, пополнилась изъ своей резервной бригады и продолжала драться). Справедливъ былъ этотъ слухъ или нѣтъ, — покажетъ будущее. Но вотъ, какъ оцѣнивали нашъ огонь съ японской стороны. «... 4 дивизія готовилась покинуть свои

*) Самъ онъ и два его товарища спаслись отъ огня только потому, что японцы посадили плѣнныхъ въ глубокую яму, какія китайцы выкапываютъ для складовъ зерна, чумизы.

укрѣпленія *), какъ только получилось бы извѣстіе о взятіи Чантаня (Чжантаня). Но это оказалось не такъ легко исполнимымъ предприятиемъ, такъ какъ русская артиллерія и пулеметы **) образовали передъ японской пѣхотой *непроходимую полосу*, такъ что весь день прошелъ безъ возможности попытаться штурмовать» ***).

Понятно, новѣйшая артиллерія не откажется отъ столь выгоднаго свойства, какъ *скорострѣльность* ****), не смотря даже на вредное его слѣдствие — трату патроновъ. Для уменьшенія послѣдней можно рекомендовать веденіе артиллерійскаго боя *пароксизмами, судорогами, спазмами*: то рѣдкій огонь или даже молчаніе, то, при полученіи извѣстій о хорошихъ цѣляхъ, *ураганъ, шкваль* огня.

Пулеметы. Только что минувшая война поставила на очередь вопросъ о наилучшей организаціи пулеметнаго дѣла въ войскахъ.

*) 4 дивизія наступала на лѣвый флангъ позиціи Сводно-Стрѣлковаго корпуса и на ея фронтъ.

**) Ихъ не было.

***) «Японцы въ Мукденскихъ бояхъ». Г. Л. «Русскій Инвалидъ». 1905 г. № 213.

****) А о чемъ не вспомнить *полевая* артиллерія, такъ это о *щитахъ*. Къ чему они при маскахъ, маскировкѣ и, главное, при предѣльныхъ дистанціяхъ?

Во время упоминавшейся уже удачной атаки частями 1 и 5 стрѣлк. бригадъ укрѣпленнаго сел. Чжантаньхенань (20 января 1905 г.) содѣйствіе пулеметовъ своей пѣхотѣ выразилось тѣмъ болѣе рельефно, что въ этомъ дѣлѣ были и пулеметы ѣздящіе, и пулеметы вьючные. Первые дѣйствовали все время въ полномъ составѣ всей роты. Расположилась рота на правомъ флангѣ атакующихъ частей (подъ прикрытіемъ одной роты стрѣлковъ) и главное свое содѣйствіе оказала въ начальный періодъ атаки; вьючные-же (переносные) пулеметы работали главнымъ образомъ во второй періодъ боя и сослужили свою службу при утверженіи нашемъ уже въ захваченномъ селеніи.

Въ то время, когда ѣздящіе пулеметы въ этотъ періодъ боя изъ-за сложности и громоздкости своей матеріальной части и упряжекъ, представляющихъ слишкомъ замѣтную цѣль для противника, не могли перемѣнить позиціи и (заслоненные продвинувшейся впередъ пѣхотой) обречены были на полное бездѣйствіе, вьючные пулеметы, принесенные въ захваченную деревню людьми, на рукахъ, въ теченіе цѣлаго дня, съ 10 часовъ утра и до полной темноты, на высотѣ самыхъ передовыхъ частей своимъ автомобильнымъ постукиваніемъ все время напоминали противнику о своемъ существованіи, а нашимъ стрѣлкамъ — о товарищеской боевой поддержкѣ.

Эта поддержка была тѣмъ необходимѣе и драгоцѣннѣе, что наша артиллерія, послѣ взятія Чжантаньхенаня, оставила наши полки, засѣвшіе въ немъ безъ всякаго, или почти безъ всякаго, содѣйствія. А между тѣмъ противникъ, желая выкурить насъ изъ взятаго селенія въ теченіе цѣлаго дня и даже частью ночью и, притомъ вполне безнаказанно для своей артиллеріи, обстрѣливалъ Чжантаньхенань жестокимъ шрапнельнымъ и шимознымъ огнемъ.

Разумѣется, пулеметы, работавшіе плечо къ плечу съ нашей пѣхотой, не угрожали скрытно-расположенной непріятельской артиллеріи, но одно уже ихъ присутствіе въ деревнѣ отвлекало ея огонь отъ окапывавшейся пѣхоты (артиллерія начинала разыскивать пулеметы, лишь только они начинали говорить), а ихъ огонь останавливалъ противника, расположившагося всего въ 600 шагахъ отъ Чжантаньхенаня и удерживалъ его отъ контръ-атакъ и попытокъ вновь овладѣть утраченнымъ селеніемъ.

Пулеметы вообще—мощественное средство для закрѣпленія захваченныхъ атакою позицій. Исполнить успѣшно эту роль они смогутъ, какъ это можно было видѣть въ только-что описанномъ случаѣ, лишь при работѣ плечо къ плечу съ передовыми частями наступающей пѣхоты. Разумѣется, для такой роли болѣе всего подходятъ пулеметы вьючной, переносной системы и еще

организаціей мирнаго времени приданные къ полкамъ, составляющіе одно съ ними цѣлое.

Для дѣятельности-же, подобной той, какую выполнила ѣздящая пулеметная рота при атакѣ Чжантаньхенаня (дѣйствія въ составѣ огневой группы войскъ), болѣе всего подходятъ пулеметныя части, приданныя къ дивизіямъ; хотя ѣздящія роты и забракованы опытомъ Японской войны для дѣйствій съ пѣхотой, но въ составѣ огневой группы онѣ могутъ съ успѣхомъ выполнить свою роль.

Противъ придачи пулеметовъ къ пѣхотнымъ полкамъ можно встрѣтить множество возраженій *учебнаго, хозяйственнаго и технического* характера, а также соображеній *личныхъ* (важныхъ для прохожденія службы офицерами-пулеметчиками), но требованія *боевыя* безусловно за придачу, и поэтому всѣ прочія, ведущія къ созданію *новаго рода оружія*, неизмѣнно должны подчиниться тѣмъ, которыя выдвинуты самимъ боемъ*).

Какъ организовать части дивизіонныхъ и полковыхъ пулеметчиковъ?

*) Главный доводъ противъ подчиненія пулеметовъ полкамъ—непониманіе пулеметнаго дѣла полковыми командирами, которые, въ качествѣ главныхъ руководителей полка, должны будутъ вѣдать и пулеметнымъ дѣломъ. Проще—потребовать необходимыхъ знаній отъ пѣхотнаго начальства, чѣмъ, ради скудости его подготовки въ этомъ отношеніи, приносить въ жертву требованія боевыя.

Въ виду частыхъ задержекъ въ дѣйствіяхъ механизмовъ и даже отказовъ пулеметовъ, нельзя ставить ихъ на позиціи по одному, во избѣжаніе нежелательнаго молчанія въ самую критическую минуту боя. Придется ставить по-парно. Поэтому пара пулеметовъ и должна послужить наиболѣе мелкою организаціонною пулеметною единицею.

Думается, что такого пулеметнаго взвода будетъ совершенно достаточно для пѣхотнаго полка.

Что-же касается до приданной къ дивизіи роты, то ея сила, казалось-бы, опредѣляется слѣдующими данными: она должна быть сильнѣе полковой инстанціи, какъ для развитія болѣе губительнаго огня (огневая группа), долженствующаго наравнѣ съ дивизионной артиллеріей не только поддержать свою пѣхоту, но и могущественно потрясти противника, такъ и для возможности выдѣленія изъ своего состава пулеметовъ въ отдѣлъ безъ существеннаго нарушенія интенсивности огня главной батареи. Шести-пулеметная рота, раздѣленная на три взвода, вполне отвѣчаетъ этимъ требованіямъ. Въ случаѣ назначенія одного взвода въ отдѣлъ, два другихъ въ состояніи развить огонь какой угодно интенсивности.

Предлагаемая организація требуетъ 14 пулеметовъ на дивизию: 8 — полковыхъ и 6 — дивизионныхъ.

Могутъ возразить, что для совмѣстнаго дѣйствія съ полками можно выдѣлять взводы отъ пулеметной роты, состоящей при дивизіи. Подобныя *временныя* командировки, въ теперешнемъ бою, гдѣ дивизія по фронту расбрасывается нерѣдко на 6—7 верстъ, могутъ часто оказаться *несвоевременными*: пулеметы — особенно — вьючные, наиболѣе желательные въ данномъ случаѣ и въ то-же время наиболѣе *медлительные*, могутъ опоздать въ ту точку поля сраженія и въ ту минуту боя, которую нельзя было предвидѣть заранѣе. Имѣть въ полку свои собственные пулеметы всегда подъ рукою гораздо надежнѣе.

Въ сущности, весь споръ о полковыхъ пулеметахъ сводится къ слѣдующему. Что лучше: сводить полковые пулеметы дивизіи во *временныя* соединенія въ *мирное время* для *учебныхъ* цѣлей, но за-то въ *военное время* для цѣлей *боевыхъ* органически сросить ихъ съ родными полками, или-же, обратно, — сросить пулеметы крѣпко между собою въ мирное время, выдѣливъ ихъ совершенно изъ полковъ, а въ *военное время* только командировать ихъ то въ тотъ, то въ другой полкъ по усмотрѣнію начальника дивизіи? Японская война достаточно громко свидѣтельствовала противъ временныхъ соединеній въ военное время. Ея печальнымъ опытомъ и нужно руководиться.

Полевое инженерное искусство. Какъ показала минувшая война, наши войска были недурно обучены закапываться въ землю, сооружать труднопроходимыя преграды, приспособлять къ оборонѣ мѣстные предметы, маскировать свои укрѣпленія, но примѣнять эти мѣры лишь *въ предѣлахъ, не лишающихъ войска свободы маневрированія, активности*, мы не умѣли. Въ медицинѣ существуютъ сильнодѣйствующіе яды, отъ приѣма которыхъ въ микроскопической дозѣ ничего, кромѣ добра, не получится; тогда какъ стоитъ проглотить такого яду хорошую порцію и человѣкъ окоченѣетъ во мгновение ока. Значитъ, въ данномъ случаѣ все дѣло въ дозировкѣ.

Укрѣпленія, самоокапываніе, самозакапываніе, по самому существу своему, — сильнодѣйствующій ядъ для активности войскъ. Съ дозировкою этого яда мы и были незнакомлены.

Быть можетъ, нигдѣ математическое правило «необходимости и достаточности» не имѣетъ такого значенія, какъ при пользованіи укрѣпленіями въ полевой войнѣ. Примѣненные въ предѣлахъ этого правила, окопы *освободятъ* главныя силы войскъ для *маневрированія* и для *активной дѣятельности*, и наоборотъ: понастроенные безъ расчета и безъ мѣры они заранѣе осуждаютъ войска на *пассивность*.

Типичнымъ примѣромъ, поясняющимъ эту мысль, служить исторія Ляоянскаго укрѣпленнаго лагеря (схема № 2, стр. 157). Расчетъ при его постройкѣ заключался въ томъ, чтобы, обороняемый меньшею половиною арміи, онъ освобождалъ большую ея часть для нанесенія рѣшительнаго удара японцамъ. И дѣйствительно, если-бы мы ограничились лишь авангардными дѣлами на Айсандзянской, Ляньдяньсяньской и Анцинлинской позиціяхъ, а главный бой приняли только на вторыхъ позиціяхъ (22 вер. длиною), для самой упорной обороны послѣднихъ было-бы достаточно двухъ-трехъ корпусовъ, а остальные пять — четыре корпуса освобождались-бы для маневрированія.

Вмѣсто этого, мы затагнули бои на авангардныхъ позиціяхъ, благодаря ихъ длинѣ (70 вер.), втянули въ бой на нихъ пять корпусовъ и, такимъ образомъ, лишились свободной маневренной силы. Непришитые къ позиціямъ 5-й Сиб. и 17-й корпуса при осуществленномъ развертываніи силъ, естественно обращались въ резервъ для предотвращения случайностей боя на укрѣпленныхъ позиціяхъ, т. е. и ихъ значеніе сводилось къ крайне пассивной, подчиненной роли *).

*) Такъ это и случилось. Для обезпеченія отъ прорыва въ интервалъ двухъ группъ позицій (схема № 2, стр. 157) изъ состава 17-го корпуса былъ высланъ 140-й пѣх. Зарай-

Послѣ Ляояна, гдѣ мы имѣли возможность во-очію наблюдать могущество полевой фортификаціи при отбитіи самыхъ ожесточенныхъ атакъ противника, мы настолько увѣровали въ спасительность самозакапыванія, что позднѣе, при проектированіи даже наступательныхъ операцій мы предназначенную для атаки армію располагали въ линейномъ порядкѣ *за сплошною линією* окоповъ и укрѣпленныхъ деревень. Такъ именно случилось со 2-ю Маньчжурскою армією передъ Сандепу. Вначалѣ, предназначенные въ ея составъ корпуса (1 Сиб., 8 и 10-й арм. и 1-й Сводно-Стрѣлковый) были совершенно освобождены отъ самозакапыванія, причемъ 10-й Армейскій корпусъ (ген. Церпицкаго) былъ даже снятъ съ укрѣпленной линіи и замѣненъ на ней 5-мъ Сибирскимъ корпусомъ; но еще передъ атакою 13 января мы закопали 15 пѣхотную дивизію (позиція Чжанчжуанца-Гуцзянца); 14 января приказаніе окопаться получилъ Сводно-Стрѣлковый корпусъ, для чего и былъ снабженъ большимъ шанцевымъ инстру-

скій полкъ полк. Мартынова; къ концу боя подчиненный полк. Мартынову отрядъ на счетъ общаго резерва былъ усиленъ до 14 баталіоновъ, т. е. до величины равной дивизіи.

Кромѣ того, ген. бар. Штакельбергу и г. Иванову было дано изъ резерва каждому по 12 бат.

Т. е. изъ 4 дивизій общаго резерва въ *подготовительный періодъ* боя дралось уже болѣе половины.

ментомъ (позиція Чжанчжуанца-Чанитао); потомъ 10 армейскій корпусъ и т. д.

Накопленная съ такимъ трудомъ живая сила, въ рукахъ нашего командованія, какъ электричество въ рукахъ неопытнаго техника, ушла въ землю. Вновь прибывшія свѣжія войска (8 и Сводно-Стрѣлковый корпусъ), незараженные еще землеройствомъ, впоследствии вполне оцѣнили всю прелесть косной пассивности. Когда, въ половинѣ февраля, снова разрабатывался планъ вторичнаго наступленія (на 12 февраля), войска, потерявшія вѣру въ своихъ вождей и привыкшія надѣяться лишь на силу своего пассивнаго сопротивленія, правду сказать, встрѣчали новый проектъ атаки безъ того подъема духа, который былъ на лицо во время январскаго наступленія. Фортификаціонное воспитаніе арміи, расцвѣтшее послѣ Ляояна*), давало себя чувствовать.

Совершенно такъ-же, какъ мы оказались слабыми тактиками въ отношеніи пользованія огнемъ, такъ и въ области полевой инженерной подготовки у насъ былъ въ загонѣ важнѣйшій отдѣлъ ея:— *тактический*.

*) И которое можно было-бы оправдать развѣ только въ періодъ войны до-Ляоянскій, когда на сторонѣ японцевъ было число.

Только *тактика* можетъ дать инженеру понятіе о нормахъ, соотвѣтственно *съ силами отряда* и *боевою обстановкою*, опредѣляющихъ степень интенсивности укрѣпленій. При всемъ уваженіи къ трудамъ, энергіи и техническимъ познаніямъ нашихъ военныхъ инженеровъ, обнаруженныхъ ими во время минувшей [войны, приходится констатировать неоспоримость того факта, что они, въ качествѣ руководителей войскъ по укрѣпленію позицій, обнаруживали чрезмѣрное увлеченіе техникою своей специальности въ ущербъ тактической обстановкѣ, опредѣляемой, какъ извѣстно, *силою* наличнаго отряда и *цѣлью* предстоящей боевой операціи. Къ двумъ послѣднимъ даннымъ и относились на войнѣ безъ всякаго вниманія.

Нужно помнить, что только тактика изъ инженера дѣлаетъ *военнаго* инженера*).

Хорошо помню весьма типичный анекдотъ, недурно иллюстрирующий только-что высказанную мысль. Дѣло было въ одномъ изъ корпусовъ незадолго до проектированнаго, но впоследствии отмѣненнаго перехода нашего *въ наступленіе*. Работы по укрѣпленію позицій были въ полномъ разгарѣ и получили такое развитіе,

*) Только тактика можетъ научить *экономіи* укрѣпленій на полѣ сраженія; какъ только она учитъ и *экономіи* огня въ бою.

что для выполненія дневнаго наряда рабочихъ на двѣ смѣны не хватало людей. Общее руководство работами, и проектъ наряда рабочихъ составлялся начальникомъ инженеровъ корпуса. Когда истомленные войска жаловались на невозможность выполнить невыполнимое, они получали строгое внушеніе; причемъ начальникъ штаба корпуса, вполне поддерживавшій начальника инженеровъ, указывалъ, въ видѣ упрека намъ на примѣръ японцевъ, которые, яко-бы, настолько усердны въ землеройствѣ что, на протяженіи 25 вер., отъ Ляояна къ Сандепу, съ цѣлью маскировки, построили *крытый* желѣзнодорожный путь.

Строили японцы эту дорогу или нѣтъ,—неизвѣстно; но хорошо извѣстно, что японцы, берегая силы своихъ войскъ, широко пользовались трудомъ мирныхъ жителей—китайцевъ. Такъ было и у насъ подъ Ляояномъ. Послѣ-же Ляояна, какъ разъ въ періодъ фортификаціонныхъ увлеченій, у насъ, желая оградиться отъ шпионства, отъ наемнаго труда отказались совершенно.

Скажутъ, что наблюденіе за гармоничнымъ сочетаніемъ фортификаціи съ тактикою должно было заботиться не инженерное, а войсковое начальство. Однако это легче представить себѣ въ теоріи, чѣмъ на практикѣ.

Общее въ арміи увлеченіе фортификаціей немедленно отразилось и на степени того вліянія, которое инженеры оказывали на войска. Невольно изъ роли скромныхъ техниковъ, орудій въ рукахъ руководителей войскъ, они мало-по-малу обратились въ руководителей руководителей (Что дѣлать?—такова жизнь), и способствовали тому, что тактику рѣшительно заслонила фортификація.

Нельзя сказать, чтобы первая не поднимала своего голоса. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда войска ссылались на утомленіе и чрезмѣрно-большіе наряды на работы, имъ свыше читались нотации на тему о прилежаніи; а въ тѣхъ случаяхъ, когда войска пробовали подкрѣплять свои доводы тактическими соображеніями, они получали или контр-доводы, или категорическіе, строгіе приказы, не допускавшіе уже никакихъ возраженій.

Такой приказъ получила 5 стрѣлковая бригада во время своего нахождения у Чжантаня. Рѣчь шла о позиціи 5 стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона (схема на слѣд. стран.).

Первоначально онъ стоялъ въ положеніи (а), японцы были расположены между дер. Маландянъ и Вандзявопу (а). Нашли это положеніе дивизіона неудобнымъ и рѣшили переставить его въ положеніе (б) на берегъ р. Хунь-хе, между дер. Чжантанемъ и Безымянной. Корпусный инженеръ, поддержанный начальникомъ штаба

корпуса, съ горячностью защищалъ новую позицію.

Никакія возраженія артиллеристовъ и войскъ не принимались въ расчетъ. Приказъ*) не былъ отмѣненъ, но, къ счастью, не былъ и осуществленъ: японцы не дали, перешли въ наступленіе (начало обхода Ноги и Оку на Мукденъ).

Подъ Чжантанемъ атака японцевъ выразилась именно въ наступленіи по правому берегу рѣки Хунь-хе (положеніе б схемы) и обстрѣливаніемъ нашихъ позицій со стороны дер. Маландянъ.

*) Полевая записка штаба Сводно-стрѣлк. корпуса, отъ 5 февраля 1905 г., 12 час. дня, № 165 (с. Хезуанза). Приложеніе—чертежъ.

дянь *). Другими словами, перенеси мы, по приказу начальства, находившагося подъ вліяніемъ инженерныхъ соображеній, позицію 5 дивизіона въ положеніе (б), онъ былъ-бы (съ разстоянія всего 1^{1/2} вер.) буквально сметенъ анфиладнымъ огнемъ въ нѣсколько минутъ боя.

Примѣровъ подобныхъ столкновеній инженерной власти съ войсками можно было-бы привести множество. Объясненіе ихъ одно: невниманіе нашихъ инженеровъ къ требованіямъ тактики. На театрѣ войны были случаи и положенія (въ родѣ всѣхъ вышеприведенныхъ), когда, право, казалось, что не укрѣпленія для войскъ, а войска для укрѣпленій.

Вспомогательное средство обращалось въ командуемое.

Если полевыхъ инженеровъ нашихъ приходится упрекнуть въ недостаточномъ вниманіи къ требованіямъ тактики, то и войска, обоюдно, заслужили упрекъ въ недостаточной инженерной подготовкѣ.

Помню, что когда Сводно-Стрѣлковый корпусъ (впослѣдствіи I-й) въ первыхъ числахъ января 1905 года прибылъ на театръ войны и сталъ

*) Необходимо замѣтить, что съ этой именно стороны мы и ждали атаки и что дер. Везымянная — была передовымъ пунктомъ позиціи.

въ резервѣ къ югу отъ Мукдена и рѣки Хунь-хе, близъ желѣзной дороги, въ квартирномъ районѣ Ланьюа - Янзудянза - Тидяванъ - Юйшутай - Хунь-хэпу-Тяхе-Ланьюа, стрѣлки получили приказаніе немедленно готовить штурмовыя средства для атаки непріятельскихъ укрѣпленій и укрѣпленныхъ деревень, и для преодоленія проволочныхъ и друг. загражденій. Подготовлялось январское (Сандепусское) наступленіе 2-й арміи. Носились слухи о свирѣпости японскихъ укрѣпленій; говорили, что бруствера, рвы и подступы у нихъ покрыты льдомъ и проч. Готовиться нужно было не на шутку.

Какими-же свѣдѣніями, подготовкою и матеріаломъ обладали полки по части вспомогательныхъ инженерныхъ средствъ *наступательнаго* характера?

Штабъ корпуса разослалъ въ части войскъ инструкціи для заготовленія войсковыми средствами бамбуковыхъ штурмовыхъ лѣстницъ, соломенныхъ матовъ, мѣшковъ и пр.; нужно было имѣть особыя ножницы для рѣзки проволочныхъ загражденій и множество другихъ приспособленій. Легко все это было писать, но не легко осуществить! Было уже 5 января, когда послѣднія части прибыли изъ Европейской Россіи (приказъ о наступленіи получили онѣ уже 11 числа), значитъ — на всѣ хлопоты и работы оставалось какихъ-нибудь 5—6 дней, матеріала

подручнаго не было никакого, районъ былъ уже неоднократно передъ тѣмъ реквизицированъ войсками, и въ деревняхъ, занимавшихся стрѣлками, не было, что называется, ни ложки, ни плошки. А вѣдь нужно было не только заготовить необходимый матеріалъ, но и обучить войска пользоваться имъ, тѣмъ болѣе, что въ мирное время наши войска пользованію штурмовыми средствами систематически никогда не обучаются.

Въ результатѣ хлопотливыхъ распоряженій, вызванныхъ отсутствіемъ школы еще мирнаго времени, — выступленіе къ Сандепу безъ всякой подготовки наступательныхъ инженерныхъ средствъ и безъ основательной практики въ ихъ употребленіи.

Приблизительно та-же исторія повторилась и мѣсяць спустя, когда готовились къ вторичному переходу въ наступленіе (причемъ объектомъ 2 арміи служило все то-же злосчастное Сандепу). И здѣсь, уже въ послѣдніе дни, незадолго до штурма, начали спѣшно издавать инструкціи для движенія штурмовыхъ частей съ особыми командами войсковыхъ саперъ впереди, стали обучать обращенію съ ручными гранатами, съ ножницами для рѣзки колючей проволоки, съ правилами забрасыванія волчьихъ ямъ, растаскиванія засѣкъ, писались наставленія, какъ отличать мѣста заготовленныхъ противникомъ

фугасовъ, какъ обращаться съ штурмовыми лѣстницами и другими штурмовыми приспособленіями.

Въ войскахъ, основательно подготовленныхъ къ пользованію наступательными инженерными средствами, подобныя распоряженія, вполнѣ естественныя передъ серьезнымъ штурмомъ, вызывались-бы только необходимостью повторенія уже хорошо извѣстнаго.

Въ данномъ-же случаѣ они носили характеръ спѣшныхъ импровизированныхъ, несистематичныхъ мѣръ, достаточныхъ лишь для весьма поверхностнаго ознакомленія войскъ съ труднымъ, серьезнымъ и совершенно имъ неизвѣстнымъ отдѣломъ воинскаго обученія.

Въ мирное время пользованію оборонительными инженерными средствами мы еще учили, но къ обращенію съ наступательными средствами наша армія оказалась необученной совершенно.

Средства связи. Въ современномъ бою, когда во время жестокаго огневаго состязанія, сообщеніе между сосѣдними частями и взаимная связь начальствующихъ и подчиненныхъ затруднилась до такой степени, что иногда становится трудно рассчитывать на правильное отправленіе ординарческой службы, волей-неволей, во избѣжаніе

напрасныхъ потерь*), придется нерѣдко отказываться отъ этого испытаннаго стариннаго средства и обратиться за содѣйствіемъ къ современной техникѣ.

Къ такому переходу наша армія на театрѣ войны оказалась мало подготовленною, какъ въ отношеніи снабженій, такъ и въ отношеніи усвоенныхъ способовъ дѣйствій. На каждомъ шагу чувствовалось отсутствіе школы мирнаго времени, налаженности, *организации*. Все, что имѣлось подъ рукою, носило характеръ *случайный*.

Какъ извѣстно, техническія средства связи могутъ быть *неподвижныя* и *подвижныя*. Въ отношеніи первыхъ, хотя и крайне разнообразно, мы еще оказались кое-какъ подготовленными (полевые телефоны); въ отношеніи-же вторыхъ, кромѣ, никуда негодной, не вездѣ усвоенной и неохотно примѣнявшейся, сигнализациі флагами, мы не имѣли ничего. *Гелиографы*, которые въ данномъ случаѣ были-бы наиболѣе пригодны**), у насъ составляютъ неотъемлемую принадлежность инженерныхъ войскъ, и, на примѣръ, въ пѣхот-

*) Въ бою подъ Чжантаньхенанемъ, 20 января 1905 г., изъ 8 офицеровъ (старш. адъютанта и ординарцевъ), состоявшихъ въ штабѣ 5 стрѣлковой бригады, еще въ самомъ началѣ боя выбыло ранеными *пять*.

**) Извѣстно, что современные гелиографы не требуютъ даже чистаго неба, а пользованіе особыми лампами даетъ возможность даже ночной сигнализациі.

номъ полку или при штабѣ дивизіи ихъ содержать не полагается.

Полевые телефоны. Когда мы прибыли на театръ войны и къ югу отъ Мукдена стали въ резервѣ армій, начальство съ перваго-же слова потребовало отъ насъ немедленной проводки цѣлой сѣти полевыхъ телефоновъ. Это требованіе было совершенно неожиданнымъ для частей войскъ и было выполнено ими только потому, что *случайно*, по личной инициативѣ командировъ полковъ, вопреки мобилизаціоннымъ расчетамъ, телефоны были захвачены съ собою въ походъ. Какъ и слѣдовало ожидать, частный починъ выразился весьма разнообразно: у однихъ телефоны были совершенныхъ, у другихъ несовершенныхъ системъ, у однихъ—достаточное, у другихъ—недостаточное количество проводовъ, у однихъ—исправные, у другихъ неисправные (были и такіе). Начали кое-какъ налаживать это дѣло по пословицѣ «на охоту ѣхать — собакъ кормить» и, наконецъ, кое-какъ наладили.

И въ этомъ, какъ оказалось впоследствии, чрезвычайно важномъ отдѣлѣ вспомогательныхъ техническихъ средствъ, сказалась слабость нашей подготовки мирнаго времени.

Необходимо еще въ мирное время выработать лучшей образецъ телефона и снабжать имъ войска наравнѣ съ вооруженіемъ и прочимъ снабже-

ніемъ. Богатый опытъ Японской войны и въ этомъ отношеніи дастъ богатый матеріалъ; разобравшись въ немъ, нетрудно будетъ оцѣнить по достоинству, какъ испытанныя въ войскахъ различныя системы телефоновъ, такъ и разнообразныя методы организаціи телефонныхъ командъ, управленія ими и правилъ примѣненія ихъ въ бою (тактика телефоновъ).

Такъ, на войнѣ выяснилась настоящая необходимость имѣть свои телефонные аппараты и провода въ штабѣ дивизіи, а также подготовленныхъ для этого чиновъ. Нужно узаконить эту потребность, которая, при современномъ положеніи дѣла, удовлетворялась лишь благодаря тому, что штабъ обиралъ свои части.

Также обнаружилось, что отсутствіе *школы* мирнаго времени было причиною весьма частыхъ перерывовъ телефонныхъ сообщеній, какъ до боя, такъ и во время боя. Причина — ненадежность службы охраненія и возстановленія проводовъ и несовершенство ихъ прокладки (воздушная, вмѣсто подземной).

Во время Мукденскаго боя, 16 февраля, всѣ полевые телефоны въ районѣ 5 стрѣлковой бригады, а также провода, соединявшіе ея штабъ со штабомъ корпуса, были перебиты въ самомъ началѣ артиллерійской канонады. Телефонисты, посланные для возстановленія линіи, понесли такой уронъ, что пришлось, во избѣжаніе потери

спеціалистовъ, отказаться отъ вторичной ихъ посылки.

Думается, что это не должно служить причиною отказа отъ пользованія телефономъ въ полевой войнѣ. Средство — слишкомъ удобное для взаимныхъ сношеній начальствующихъ всѣхъ степеней теперь, когда ординарческая служба такъ затруднилась, а значеніе взаимной связи такъ возрасло. Стоитъ подумать, какъ горю помочь. Мѣры, мнѣ кажется, сводятся къ слѣдующему:

1) Образовать штатныя команды связи*) при всѣхъ штабахъ; и

2) наладить ихъ службу такъ, чтобы были обдуманы наилучшіе способы проводки и *поддержанія* сообщеній, какъ внѣ поля сраженія, такъ и на немъ. Такъ, къ числу мѣръ, пригодныхъ для летучихъ починокъ телефонныхъ проводовъ во время боя, можно рекомендовать: учрежденіе промежуточныхъ постовъ изъ телефонистовъ, расположенныхъ укрыто и имѣющихъ возможность видѣть и быстро провѣрять подвѣдомственные имъ участки линій; а также снабженіе командъ связи складными переносными велосипедами.

*) Гелиографныя, телефонныя, воздушно-телеграфныя.

Управление, частный починъ, взаимная поддержка и движеніе на выстрѣлы.
Недостатокъ частнаго почина, инициативы, такъ отчетливо обрисовавшійся у насъ во время войны, зависитъ не только отъ качествъ команднаго состава подчиненныхъ степеней, но и отъ *техники управления*, привившейся въ нашей арміи.

Каждый начальникъ во время боя у насъ требуетъ частныхъ донесеній отъ своего подчиненна о всемъ у него происходящемъ, но большая рѣдкость, чтобы высшій частыми и подробными сообщеніями ориентировалъ нисшаго относительно общаго положенія дѣла даже въ наиболѣе интересные моменты боя. Большею частью старшій начальникъ ограничивается присылкою младшему приказаній, разъясненій на запросы и передачей распоряженій высшаго начальства. Поэтому нисшіе рѣдко знаютъ обстановку и перипетіи боя. А безъ этого знанія можно-ли ждать *разумной* инициативы, частнаго почина? Ничего не зная, ни на что нельзя рѣшиться.

По практикующемуся обычаю, инстанцією, достаточно ориентированною въ широкой обстановкѣ войны и боя, въ нашей арміи является всегда корпусная; дивизионная уже рѣдко удостоивается этой довѣренности, а про полковья уже и говорить нечего.

А еще говорятъ: «Всякій солдатъ долженъ знать свой маневръ!»

Если въ старину это было *желательно*, то теперь это *настоятельно необходимо*. Вслѣдствіе обширности современныхъ полей сраженія, высшій начальникъ не въ состояніи услѣдить за всѣми частностями боя. Весь *нынѣшній бой, особенно наступательный, долженъ держаться исключительно частнымъ починомъ*.

Облегчить проявленіе его среди нисшихъ командныхъ инстанцій вполнѣ во власти высшихъ: стоитъ только не жалѣть штабной работы по *ориентировкѣ* подчиненныхъ. Всякій высшій штабъ и высшая командная инстанція *обязана* теперь, по возможности, чаще дѣлиться полученными вѣстями съ нисшими штабами и нисшими инстанціями. Дѣло должно быть налажено до степени автоматизма.

Насколько пренебрежительно высшее командование относится у насъ къ правилу ориентировки подчиненныхъ ему, иногда весьма крупныхъ начальниковъ, можно привести слѣдующій фактъ боя подъ Сандепу. 13 января, когда 14 дивизія штурмовала предмѣстье Сандепу, выселокъ Баотайцзы, 5 стрѣлковая бригада, выславъ ей на помощь свой 18 стрѣлк. полкъ, стояла въ резервѣ 2-й арміи у сел. Чжентаньхенань. Вр.-командовав-

пій бригадою, полковникъ Юденичъ построилъ бригаду, разумѣется, фронтомъ на востокъ, къ атакованному сел. Сандепу. Вдругъ, около 6 часовъ пополудни, отъ находившагося поблизости командира корпуса получило приказаніе перестроить бригаду фронтомъ къ югу, т. е., другими словами, лѣвымъ флангомъ къ противнику, оборонявшему с. Сандепу. Такъ какъ было извѣстно, что южнѣе сражался 1 сибирскій корпусъ, то было естественно недоумѣніе: — противъ кого-же повернута 5 бригада. На *двукратный* докладъ объ этомъ командиру корпуса получался сухой немотивированный, категорическій приказъ стоять фронтомъ на югъ. Только на вторичный докладъ командовавшей бригадою получилъ неохотно-сказанное, глухое, лаконическое указаніе, что съ юга можно ждать обхода противника. Куда же дѣвался 1 сибирскій корпусъ, какова участь его боя, какова опасность обхода — всѣ эти свѣдѣнія, безъ сомнѣнія извѣстныя к-ру корпуса (иначе, откуда же взялось упомянутое распоряженіе?), остались сокрытыми отъ ближайшаго подчиненнаго, отъ котораго, однако, въ случаѣ дѣйствительной опасности обхода, вѣроятно потребовали-бы никакихъ-иныхъ, какъ только *толковыхъ* распоряженій, т. е. *вполнѣ согласованныхъ съ неизвѣстной ему обстановкой*.

Въ данномъ случаѣ пришлось обойтись безъ начальства и, такъ какъ охотники были уже

высланы къ Сандепу, отправить къ югу казачій разъѣздъ.

Такъ какъ *взаимная поддержка есть только частный случай частнаго почина*, дѣлается понятнымъ почему она — слабое мѣсто нашей арміи и нельзя ея требовать безъ внѣдренія въ командныя инстанціи нашей арміи яснаго сознанія необходимости и обязательности *ориентировки* подчиненныхъ въ подробностяхъ измѣняющейся боевой обстановки.

Разсказанный выше случай блистательной огневой поддержки, артиллеріей 3 сиб. армейскаго корпуса, оказанной атакованному 4 сиб. корпусу въ бою подъ Ляояномъ, объясняется не только доблестью ген. Н. И. Иванова, но и *освѣдомленностью* его въ качествѣ корпуснаго командира.

Той-же *освѣдомленностью* нужно въ значительной степени объяснить и хорошо извѣстный подвигъ полк. Мартынова, доставившій ему георгіевскій крестъ въ томъ-же бою подъ Ляояномъ. Какъ было уже приведено выше, 140 пѣх. Зарайскій полкъ полк. Мартынова былъ высланъ для поддержанія связи между дравшимися на 6-ти верстномъ разстояніи другъ отъ друга 3 и 4 Сибирскими корпусами. Полковникъ Мартыновъ не ограничился пассивною ролью, ему предписанною, а, убѣдившись, что японская гвардія атакуетъ нашу 6 Вост.-Сиб. дивизию (ген. В. Н. Данилова),

самъ ударилъ ею въ лѣвый флангъ и 5 верстъ гналъ ее передъ собою. Высшій образецъ взаимной поддержки и активности, къ сожалѣнiю, едва-ли не единственный въ теченiе всей минувшей войны.

Кромѣ высокихъ личныхъ качествъ полк. Мартынова, чѣмъ объясняется этотъ подвигъ? Несомнѣнно—тѣмъ, что задачу свою к-ръ Зарайцевъ получилъ непосредственно изъ кладезя освѣдомленности, изъ штаба арміи. (Полк. Мартыновъ получилъ порученіе отъ самого командующаго арміей). Обыкновенно большіе штабы напоминаютъ у насъ «собаку на сѣнѣ»; исключеніе даннаго случая дало въ результатѣ исключительный подвигъ.

Движеніе на выстрѣлы — лишь частный и наиболее трудный случай проявленія взаимной поддержки и ея первопричины частнаго почина. Неудивительно, что японская война, при практиковавшемся у насъ способѣ ориентировки подчиненныхъ инстанцій, не дала ни одного примѣра движенія на выстрѣлы въ нашей арміи.

Только вполнѣ уяснивъ себѣ, что въ современномъ бою безъ частнаго почина, взаимной поддержки и, иной разъ, безъ движенія на выстрѣлы нельзя рассчитывать на проведеніе активныхъ плановъ, можно оцѣнить всю глубину и смыслъ

выраженія: «Всякій солдатъ долженъ знать свой маневръ».

Безъ картъ. Какъ извѣстно, Японская война полна жалобами на недостатокъ и недостатки картъ. Фактъ, на который чаще всего указывали и даже считали его одною изъ причинъ потери Ляоянскаго боя, отсутствіе карты для мѣстности къ сѣверо-западу отъ г. Ляояна и къ сѣверу отъ р. Тайцзыхе, какъ разъ въ томъ районѣ поля сраженія, гдѣ разыгрался бой съ обходной арміей Куроки. Эти ссылки на отсутствіе картъ удивительны.

Во-первыхъ, на какомъ основаніи карты попали въ число виновниковъ подѣ Ляояномъ? Какъ извѣстно, ничего такого, что объяснялось бы отсутствіемъ картъ, въ бою съ арміей Куроки не случилось: не было ни роковаго скрещиванія колоннъ, ни неожиданныхъ столкновений съ японцами на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не предполагали, ни блужданій войсковыхъ колоннъ.

Наконецъ, извѣстно, что наши корпуса, предназначенные для отпора Куроки, такъ и не окунулись въ бѣлое пятно карты.

При чемъ-же тутъ карты?

Но даже, если-бы и произошли недоразумѣнія изъ-за отсутствія или невѣрности картъ, можно ли такъ жестоко осуждать нашу картографію?

Она сдѣлала много до войны и дѣлала не мало во время ея.

Достаточно сказать, что у насъ была еще до кампаніи снята прекрасная инструментальная карта вплоть до Ляояна.

Фактъ теперь уже хорошо извѣстный, что у японцевъ и этого не было, и однако это не помѣшало имъ вести весьма бодрое наступленіе въ теченіе всей войны.

Едва-ли всегда и вездѣ подъ рукою руководителей войскъ будетъ необходимый картографическій матеріаль. Нужно быть готовыми сражаться и *безъ картъ*; а для этого офицеры Генеральнаго Штаба еще въ мирное время должны практиковаться въ быстрой ориентировкѣ и въ колонновожденіи по мѣстности безъ ихъ пособія

Знаю одинъ типичный случай Мукденскаго боя. При отступленіи нашей арміи на сѣверъ, къ Телину, 19-й стрѣлковый полкъ находился въ аррьергардѣ 5 стрѣлковой бригады. Отступая все время съ боемъ, задерживаясь на попутныхъ позиціяхъ до послѣдней возможности, 19-й полкъ долженъ былъ неоднократно штыками пробивать себѣ путь на сѣверъ. Вслѣдствіе этого, онъ сильно отбился отъ бригады, но все-же ночью благополучно миновалъ опасную зону и, ведомый своимъ вр.-командовавшимъ полкомъ подполковни-

комъ Красноуховымъ *), безъ дорогъ, но въ правильномъ направленіи двигался на Телинъ (мѣстность здѣсь ровная, какъ столъ). Во время этого отступленія къ полку случайно подѣхалъ офицеръ Генеральнаго Штаба. Узнавъ, что полкъ идетъ безъ дороги, онъ сталъ ее разыскивать, и, когда, наконецъ, труды его увѣнчались успѣхомъ, въ качествѣ старшаго въ чинѣ, повелъ полкъ по найденной дорогѣ.

Найденная дорога вначалѣ сохраняла правильное сѣверное направленіе, но потомъ, постепенно развѣтляясь и закругляясь, незамѣтно свернула къ вост. въ горы, а затѣмъ и къ югу и къ полудню привела полкъ... обратно къ Мукдену (близъ дер. Тава), прямо къ биваку цѣлой японской дивизіи. Японцы открыли пулеметный огонь съ фронта и стали обходить 19-й полкъ съ фланговъ. Наши стали отстрѣливаться «пачками», и когда выпустили все патроны, побуждаемые личнымъ примѣромъ капитана А. П. Мартьянова, сдѣлали попытку пробиться штыками. Капитанъ Мартьяновъ (представленный къ Георгію еще за оборону редута № 6 на Западномъ фронтѣ) геройски

*) Командиръ полка полк. Криницкій, былъ раненъ еще во время атаки Чжантаньхенаня 20 января, а офицеровъ Генеральнаго Штаба при бригадѣ не было ни одного, такъ какъ единственный положенный по штату штабъ-офицеръ былъ раненъ во время Мукденскаго боя, 20 февраля, у сел. Янсытунъ.

паль, пораженный послѣдовательно двумя пулями *), а жалкіе, неразстрѣлянные остатки полка (чел. 200), на основаніи «сила соломѣ ломитъ», сдались въ плѣнъ (предварительно уничтоживъ знамя и подѣливъ его остатки между собою **).

Разсказанный случай невольно возбуждаетъ вопросы: 1) почему у упомянутого офицера Генеральнаго Штаба не было компаса, и 2) если у него его не было (что преступно для офицера Генеральнаго Штаба), почему онъ не повелъ полка, руководствуясь Полярною звѣздою ***).

Отвѣтъ одинъ: *отсутствіе требованій и школы мирнаго времени.*

Ни отсутствіе или неисправность картъ, ни потеря компаса (которыми карманы офицера Генеральнаго Штаба должны быть наполнены) не могутъ ни оправдать, ни объяснить случаи появленія невольныхъ Ивановъ Сусаниныхъ. Школа мирнаго времени должна вооружить офицеровъ

*) Послѣ первой раны (въ шею на вылетъ) Александръ Павловичъ Мартыановъ продолжалъ еще командовать хриплымъ голосомъ.

**) Эти остатки (крестикъ и часть полотна) представлены, и полку Высочайше возвращена его святыня.

***) Въ Маньчжуріи зимою небо идеально чистое и воздухъ прозраченъ.

Генеральнаго Штаба и необходимыми свѣдѣніями, и достаточнымъ опытомъ для ориентировки на мѣстности, руководствуясь признаками, даваемыми въ руки самою природою.

Нужно, чтобы офицеры Генеральнаго Штаба умѣли безъ картъ выполнять не только движенія легкія, простыя (въ родѣ приведеннаго), но и сложныя, какъ-то: продолжительный параллельный маршъ нѣсколькихъ походныхъ колоннъ безъ ихъ скрещиванія.

А для этого нужны: неутомимость и дѣятельность офицеровъ Генеральнаго Штаба въ полѣ, чуткость ихъ и почти машинальное вниманіе къ мѣстнымъ признакамъ и ориентировочнымъ даннымъ природы, наличность вполне подходящихъ помощниковъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и вообще обдуманная и налаженная еще въ мирное время организація подобной службы, гдѣ летучая развѣдка и идеально-поставленная служба связи должны найти самое широкое примѣненіе *).

*) Вотъ гдѣ широкое поле дѣятельности для предложенныхъ выше командъ связи.

VIII.

Эволюція военного искусства.

Обыкновенно принято говорить: «военное искусство Наполеона,» «Фридриховское искусство,» «Наполеонская стратегія,» «Суворовская тактика.» Значитъ-ли это, что Наполеонъ, Суворовъ, Фридрихъ,—каждый создалъ новое военное искусство, что каждый изъ нихъ составилъ *эру* новой эпохи въ области стратегіи и тактики? Такъ, по крайней мѣрѣ, учитъ насъ теорія, военная наука, и поэтому мы до сей поры питаемся крохами Наполеонскаго наслѣдства безъ всякой попытки самостоятельнаго творчества.

Также принято повторять: «тактика гладкоствѣнной артиллеріи,» «тактика наръзнаго оружія,» «военное искусство времени скорострѣльной артиллеріи.»

Принято считать, что «геній» и «оружіе»—главнѣйшіе, единственные факторы, необходимые для

совершенія крупныхъ переворотовъ въ области военного искусства.

Такъ-ли это? А политическія, экономическія и соціальныя условія эпохи? Не они-ли играютъ главную роль? Другими словами, не «человѣкъ»-ли, продуктъ этихъ уловій общественности, истинная причина эволюціи военного искусства?

И такъ «геній», «оружіе», «человѣкъ». Какова роль cadaго изъ нихъ въ рѣшающихъ вопросахъ войны?

Оглянемся для этого назадъ, въ исторію. Чѣмъ характеризовались стратегія и тактика XVIII вѣка въ до-Фридриховскую эпоху? Война—предпріятіе правительственное, а не народное; арміи—малыя и вербованныя, ненадежныя, дорогія; снабженія производились, по такъ называемой, *магазинной системѣ*, т. е. арміи не прибѣгали, какъ теперь, къ средствамъ страны, а питались изъ заранее заготовленныхъ магазиновъ. На театрѣ войны арміи ползали вдоль по ниточкамъ, гдѣ имѣлись магазины, причѣмъ уползать отъ нихъ рѣшались не далѣе, какъ на 5 переходовъ, на протяженіи коихъ (и ни какъ не далѣе) могъ совершаться подвозъ транспортами изъ головнаго магазина. Отсюда и названіе тогдашней системы (*пятипереходная система*). Эта магазинная система сковывала творчество даже энергичныхъ полководцевъ. Наболѣе блестящіе ходы стратегической и тактической игры, основанные на тайнѣ

приготовленій и внезапности исполненія, были заказаны тогдашнему генералу. Основаніе новыхъ магазиновъ разоблачало тайну, а ихъ мѣстоположеніе заранѣе предупреждало противника именно въ опасномъ для него направленіи. Медленность движеній, чувствительность сообщеній, боязнь за тылъ, уклоненіе отъ боя, приверженность, вмѣсто него, къ разнаго рода демонстраціямъ, угрозамъ, маневрамъ, нерѣшительность дѣйствій, затяжка войны: — вотъ отличительные признаки магазинной системы. Современники сознавали ея недостатки, но отказаться отъ магазиновъ не рѣшались вслѣдствіе ненадежности вербованныхъ армій. Для перехода отъ магазинной системы къ пользованію мѣстными средствами нужно было-бы двигаться разсосредоточенно, «врознь двигаться» (чтобы успѣть собрать средства достаточно широкаго района) и соединяться только для того, чтобы «вмѣстѣ драться.» Ненадежный солдатъ и постоянная угроза повальнаго дезертирства заставляла измѣнять этому основному закону военнаго искусства, вынуждая держаться кучно всегда, до боя и въ бою, «вмѣстѣ двигаться и вмѣстѣ драться.» Отсюда крайняя инертность принятыхъ построеній и боевыхъ порядковъ.

При такихъ-то условіяхъ на арену войны выступилъ Фридрихъ. Внесъ-ли онъ нѣчто новое, что дало ему побѣду? Сознавая, что все зло

военной системы XVIII-го столѣтія въ *человѣкъ*, онъ постарался путемъ стройной *организации* и строгой дисциплины поднять *качество* своей арміи, а такъ какъ по непреоборимымъ даже для генія тогдашнимъ политическимъ, экономическимъ и социальнымъ условіямъ рядовой солдатъ долженъ былъ остаться все тѣмъ-же ненадежнымъ вербованнымъ наемникомъ, Фридрихъ создалъ для него *прочныя рамки* изъ офицерскаго и унтеръ-офицерскаго корпуса *). Сознавая инертность современныхъ ему боевыхъ порядковъ, Фридрихъ задумалъ изъ отборно-организованной конницы образовать тотъ *молотъ*, которымъ онъ дробилъ неуклюжіе, боявшіеся движенія, компактные боевые порядки противника. «Палкою капрала» упрочивши армію, Фридрихъ потребовалъ отъ нея то, чего иначе отъ нея потребовать было-бы нельзя и безъ чего побѣда не дается: быстроты маршей и рѣшительности боевъ.

Отличительныхъ-же свойствъ современной ему магазинной системы Фридрихъ не упразднилъ, коренной ея ломки не учинилъ (позволяя себѣ лишь изрѣдка рискъ, пользуясь опять-таки своимъ улучшеннымъ «человѣкомъ», бросать магазины и питаться на средства страны), боевые

*) Значитъ, нѣмцы надъ своимъ корпусомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ работаютъ все въ томъ-же неуклонномъ направленіи вотъ уже 200 лѣтъ: неудивительны достигнутые ими результаты.

порядки оставилъ прежніе и однако рядомъ некоренныхъ, частныхъ поправокъ онъ настолько удачно комбинировалъ данныя *уже существовавшей до него* военной системы, что этимъ заработалъ себѣ успѣхъ и приобрѣлъ званіе основателя новой эпохи военного искусства.

Быль-ли онъ такимъ основателемъ? Наружно казалось такъ. Послѣ Фридриха началось повальное слѣпое ему подраженіе (не миновали этой моды и мы при Императорахъ Петрѣ III и Павлѣ I). Но какое-же это было подраженіе?! Чисто формальное. Заимствуя внѣшность, строгость внѣшней дисциплины и виртуозность муштры, подражатели забывали о никогда для нихъ недостигаемой сущности фридриховской системы. Никто не хотѣлъ тогда подумать, *для чего и почему* Фридрихъ ввелъ у себя свирѣпую муштру. И даже у насъ, гдѣ никогда не знали, что такое наемный или вербованный солдатъ, гдѣ *только что* (какъ это было при Павлѣ I) промелькнулъ свой Суворовъ, увлекались въ силу преступной моды экзецирмейстерствомъ и плацпарадами.

Мы видѣли, что до Фридриха, въ силу извѣстныхъ политическихъ, экономическихъ и социальныхъ условій, сложились извѣстныя формы военного организма, арміи; Фридрихъ въ силу своего генія *использовалъ эти формы наилучшимъ образомъ* и, поэтому, смогъ осуществить вѣчные

принципы военного искусства, т. е., другими словами, *внутреннимъ содержаніемъ принципа онъ одухотворилъ сложившуюся до него форму*; послѣ Фридриха — *форма, снова лишенная принципа (духа), атрофировалась въ шаблонъ*, пока не омертвѣла совершенно, и не была снесена бурей революціонной эпохи.

Значитъ, Фридрихъ Великій не былъ *основателемъ* извѣстной эпохи военного искусства. Родилась она до него, при немъ достигла расцвѣта и послѣ него безъ всякой постепенности обрушилась, погибла.

Слѣдовательно, онъ былъ только *завершителемъ* извѣстной исторической эпохи военного искусства — и *основателемъ* эпохи бессмысленнаго, слѣпаго себѣ подражанія.

Сходную эволюцію претерпѣла и слѣдующая затѣмъ эпоха военного искусства XIX столѣтія. И оно народилось не подъ вліяніемъ появленія гениальнаго дѣятеля и эволюции оружія, а вслѣдствіе могущественнаго революціоннаго переворота политическихъ, экономическихъ и социальныхъ условій обществъ и народовъ. По примѣру французовъ вся Европа вдругъ отказалась отъ солдата-наемника; «налка капрала» замѣнилась патриотизмомъ и понятіемъ долга; арміи отказались отъ магазиновъ, стали питаться на сред-

ства страны (реквизиціи); поэтому движенія стали быстрыми; боя искали, потому что за тылъ не боялись; боевые порядки усвоили расчлененные, требующіе большого довѣрія къ солдату и большого его интеллектуальнаго развитія. Вся эта новизна, нахлынувшая, какъ бурный потокъ, сразу снесла все старое, но и сама вначалѣ бродила довольно беспорядочно. Такъ, перейдя на реквизицію, революціонныя арміи отъ крайней сосредоточенности XVIII вѣка перешли къ крайней разсосредоточенности: онѣ дѣйствовали по правилу «врознь двигаться и врознь драться»; въ результатѣ получались нерѣшительные въ стратегическомъ отношеніи, хотя и многочисленные и успѣшныя въ тактическомъ, бои, а стало быть и нерѣшительныя войны.

Въ этой стадіи своего развитія народившаяся новая военная система ожидала лишь своего великаго мастера,—и такойъ явился въ лицѣ Бонапарта.

Какъ и Фридрихъ для искусства XVIII вѣка, такъ и Наполеонъ для военной системы XIX столѣтія почти-что не далъ никакихъ новыхъ формъ. Онъ только одухотворилъ доставшіяся ему, готовые, и нашелъ правильное и болѣе продуктивное ихъ употребленіе.

Наполеонъ организовалъ впервые крупныя войсковыя единицы (*корпуса*), облегчившія ему управленіе массаами; дѣйствуя по правилу «врознь

двигаться, а вмѣстѣ драться», онъ путемъ пользованія мѣстными средствами рѣшилъ трудную задачу ихъ прокорма; а сосредоточивая небывалыя до него силы, онъ искалъ боевъ и велъ ихъ такъ рѣшительно, что, по собственному его выраженію, у него «между сраженіемъ выиграннымъ и проиграннымъ находилась судьба имперіи». Но Наполеонъ, какъ и Фридрихъ, не далъ и не могъ дать новой военной системы и новаго военнаго искусства.

Военная система его времени сложилась до Наполеона, при немъ она достигла расцвѣта и послѣ него обрушилась такъ же, какъ и послѣ Фридриха.

Военное - же искусство по самой сущности своей (осуществленіе принциповъ) — вѣчно.

Единственно, что далъ Наполеонъ,—это рядъ *техническихъ пріемовъ*, которыми онъ достигъ осуществленія началъ (принциповъ) чистаго военнаго искусства. Эти техническіе пріемы были пригодны только для своего времени, такъ какъ были и приурочены къ условіямъ своей эпохи и вытекали изъ нихъ.

Наполеонъ, какъ и всякій великій полководецъ, былъ лишь завершителемъ известной военной эпохи, а не основателемъ новой.

А между тѣмъ въ эпоху послѣ-Наполеоновскую, какъ въ эпоху послѣ-Фридриховскую, наступило время формальнаго подражанія Наполео-

новскимъ техническимъ образцамъ. И въ этомъ-то царствѣ Наполеоновскихъ шаблоновъ придется жить и дѣйствовать современному военному, несмотря на полное измѣненіе социальныхъ и экономическихъ условій обстановки.

Пожалуй, можно возразить, что при такомъ взглядѣ на эволюцію военнаго искусства и роль въ ней военнаго генія подвергнется сомнѣнію самая поучительность дѣятельности послѣдняго.

Однако, если мы взглянемъ на приведенный перечень *техническихъ приемовъ*, къ которымъ прибѣгли Фридрихъ и Наполеонъ для проведенія въ современную имъ военную дѣйствительность чистыхъ, вѣчныхъ принциповъ (началь, законовъ) военнаго искусства, то невольно замѣтимъ сходство *метода* у обоихъ великихъ полководцевъ. Оба они исходили изъ началъ умной неподражательной, самобытной *организации* (офицерскіе кадры и отборная конница у Фридриха, корпуса и разрѣшеніе продовольственнаго вопроса у Наполеона). Этотъ-то *методъ* и поучителенъ у великихъ мастеровъ нашего дѣла.

Только вполне уяснивши это, станетъ понятнымъ, почему мы — грѣшники организациі въ Японскую кампанію — согрѣшили на театрѣ войны и въ бою.

Въ то время, когда на Западѣ военное искусство и военная система проходили эти этапы эволюціи, у насъ, на Руси, творилось нѣчто совершенно своеобразное. Одинъ XVIII вѣкъ подарилъ намъ двухъ великихъ полководцевъ, императора Петра I-го и Суворова. Первый основалъ нашу регулярную военную систему, слѣпилъ ее изъ глины царствовавшего до того хаоса и вдунулъ въ нее духъ. Формы этой Петровской системы были «нѣмецкія», но душа ея была «чисто-русская». И эта русская душа жила въ ней до вѣка славной Екатерины почти нерушимо, не взирая на попытки ея онѣмеченія (Бировъ и Петръ III). Результатъ этого самостоятельнаго развитія русской военной системы въ теченіи цѣлаго столѣтія и не замедлилъ сказаться. Уже въ половинѣ XVIII вѣка наша армія, въ отличіе отъ западно-европейскихъ комплектовавшаяся не отбросами, а здоровымъ крестьянствомъ, предводимая даже такими вождями, какъ Апраксинъ и Ферморъ, преисправно поколачивала подъ Кунерсдорфомъ и Цорндорфомъ предводимыя самимъ Фридрихомъ прусскія вербованныя арміи; а въ концѣ XVIII вѣка здоровые соки молодого русскаго «регулярства» подарили намъ цѣлую плеяду Екатериновскихъ орловъ съ Суворовымъ во главѣ. Это былъ золотой вѣкъ нашей арміи, къ сожалѣнію еще далеко недостаточно изученный. Организациія нашей арміи, уже вполне европейской по су-

пеству, носила тогда совершенно оригинальный характеръ. Все, начиная съ «человѣка» (солдатъ — не наемникъ; офицеръ, когда военная служба стояла такъ высоко, — лучшее изъ молодежи) и кончая потемкинскими образцами снаряженія и обмундированія, все не походило на прусскія лекала, все носило печать самобытнаго и, потому, здороваго, самостоятельно-обдуманнаго, творческаго, а не тупо-подражательнаго.

Но вотъ насъ снова, какъ и при Петрѣ III, обуяла страсть обезьянства. Начиная съ первыхъ-же годовъ XIX столѣтія, мы безжалостно рушили все свое русское хорошее, для того, чтобы усвоить и потверже, хотя-бы и худшее, да заграничное.

Забывали мы, что военная система должна быть плоть отъ плоти, кровь отъ крови нашихъ мѣстныхъ, бытовыхъ (политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ) условій. И, въ награду за это, къ началу XX вѣка получили Японскую войну. Не народила намъ подражательная система XIX вѣка ни Суворовыхъ, ни Румянцевыхъ, ни Потемкиныхъ; не слышно болѣе о ботыряхъ земли русской.

Въ итогѣ, какое-же типичное отличіе эволюціи военной системы и военнаго искусства у насъ? *Чередованіе самостоятельнаго развитія и подражанія.* Въ то время, когда первое давало здоровые плоды, второе привело къ крушенію.

Итакъ, какова-же роль «человѣка», «генія» и «оружія» въ эволюціи военнаго искусства?

Соціальныя, экономическія и политическія условія даютъ «человѣка» и извѣстную военную систему (типъ вооруженной силы, принятые способы снабженій, подвозовъ и проч.); новая военная система даетъ зачатки особенностей новаго военнаго искусства; нарождается «геній», который все это совершенствуетъ и показываетъ, какъ наилучшимъ образомъ пользоваться средствами данной военной системы для воплощенія вѣчныхъ принциповъ военнаго искусства; послѣ исчезновенія генія обыкновенно наступаетъ періодъ слѣпого подражанія оставленнымъ имъ формамъ, которыя въ такомъ случаѣ обращаются уже въ шаблоны, такъ какъ даже если содержаніе этихъ формъ и доступно пониманію посредственности, то недоступно ея творческой ограниченности и часто не отвѣчаетъ условіямъ эпохи.

Фактъ, что за время двухвѣковаго историческаго періода, здѣсь вкратцѣ охарактеризованнаго, «оружіе» мѣнялось нѣсколько десятковъ разъ, — лучшее доказательство того, что роль «оружія» въ этихъ вѣковыхъ эволюціяхъ ничтожна; хотя она-то и бросается въ глаза больше всего современникамъ данной войны.

Въ настоящее время мы руководствуемся шаблонами, оставленными намъ Наполеономъ.

Оправдывается-ли это современной действительностью?

Наполеоновскій солдатъ конскрипціи смѣнился теперь солдатомъ-гражданиномъ; долгая военная служба рядового воина смѣнилась краткою; воинская повинность теперь общая и обязательная, но за то воинскія качества далеко не общія и нелегко достижимы; относительно небольшія арміи, дѣйствовавшія прежде на огромномъ пространствѣ, замѣнились огромными массовыми арміями, оперирующими на относительно тѣсномъ театрѣ войны; народились желѣзныя дороги; теперь каждая новая война начинается почти всегда безъ опытныхъ, обстрѣлянныхъ солдатъ, офицеровъ и, самое главное, генераловъ*). Не говоря уже про оружіе, въ общемъ между обстановкою Наполеоновскаго времени и нашимъ нѣтъ ничего похожаго, а мы стараемся упрямо руководствоваться Наполеоновскими рецептами.

«Новая военная система», какъ продуктъ суммы новыхъ условій общественности (т. е. новаго «человѣка») уже народилась, но «новаго военного искусства» и «великаго его мастера» нѣтъ.

Людей обыкновенныхъ новыя условія всякой

*) По словамъ Г. А. Леера: «Истинный смыслъ нынѣшнихъ массовыхъ армій... въ человѣкѣ — генералѣ» («Методъ», стр. 100).

новой системы, особенно громоздкой нынѣшней, угнетаютъ; и скорѣе они порабощаютъ человѣка, призваннаго ими руководить, чѣмъ обратно (что мы и видѣли на войнѣ на каждомъ шагу).

Но, безъ сомнѣнія, появится человѣкъ, быть можетъ, уже живущій среди насъ и сражавшійся на Дальнемъ Востокѣ, для котораго современная огромная армія окажется не инертной, неповоротливой массой, а послушнымъ и гибкимъ орудіемъ.

Этотъ виртуозъ воскреситъ и призоветъ къ жизни принципъ военного искусства, безъ котораго не можетъ быть рѣшительной и полной побѣды: это принципъ *быстроты движеній, подвижности, дѣятельности* *).

Съ увѣренностью можно сказать, что все дѣло въ находкѣ именно этого ключа къ побѣдѣ. Въ только-что минувшую войну онъ былъ утерянъ не только нами (при нашихъ неурядицахъ), но и японцами (при ихъ безпримѣрной подготовкѣ). И японцы не могли справиться съ инертной неподвижностью нынѣшнихъ массъ. Да едва-ли это и возможно, не поступаясь *количествомъ* въ пользу *качества*, которое только одно и можетъ дать искомую скорость. Значитъ, и въ боевомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи на-

*) Много, очень много зависитъ здѣсь отъ организациі штабной службы.

дежности мирной организаціи, мы стоимъ передъ очевидной необходимостью *предпочестъ качество войскъ изъ количеству.*

Суворовское правило—«глазомѣръ, быстрота и натискъ» лучше всего свидѣтельствуя въ пользу *скорости*, или ея причины—*качества*. Дѣйстви-тельно, переведа это выраженіе на языкъ механики, получимъ: «направленіе, скорость и живая сила удара». Живая сила $= \frac{mv^2}{2}$. Предположимъ, что отъ увеличенія массы вдвое скорость уменьшилась также вдвое. Какъ это отразится на живой силѣ? Оказывается она *уменьшится вдвое* *).

Значитъ, сущее заблужденіе, что секретъ силы въ *массѣ*, ради которой, не боясь даже жертвовать *качествомъ*, собственно и работаетъ вся новѣйшая военная организація, стратегія и тактика.

Если вообще слѣдуетъ быть разборчивымъ въ выборѣ средствъ, то военному организатору, слишкомъ пекущемуся о количествѣ, слѣдуетъ помнить объ этомъ непрестанно, такъ какъ онъ еще въ мирное время готовить побѣды и пораженія своей родинѣ.

Итакъ все дѣло въ гармоничномъ согласованіи требованій качества и количества. Кто и когда рѣшить эту задачу военной механики?

Остается только пожелать, чтобы человѣка,

призваннаго творить въ области новой военной системы, произвела русская, а не японская армія, бѣлая, а не желтая раса, такъ какъ, весьма вѣроятно, ему предстоитъ рѣшать грядущую исполнскую борьбу Запада Стараго материка съ его просыпающимся Востокомъ.

*) Откуда-то заимствовано на память. Авт.

IX.

Подготовка идей.

По отношенію къ идеямъ мы только бараны, покорно идущіе за вожатымъ, ведущимъ насъ на бойню. Преклонимся предъ силою идеи. Когда она уже достигла извѣстнаго періода своего развитія, то нѣтъ уже ни разсужденій, ни доказательствъ, которыя могли-бы ее побѣдить.

(Густавъ Лебонъ „Психологія народовъ и массъ“).

Никто не станетъ оспаривать положенія, что здравая государственная политика должна идти рука объ руку съ народной идеей. «L'union fait la force» — здѣсь, быть можетъ, важнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ свою очередь, народная мысль (разумѣю здѣсь мысль народной массы) можетъ держаться на уровнѣ естественныхъ историческихъ задачъ государства только при высокомъ развитіи народнаго самосознанія, что, само собою разумѣется, случается нечасто.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда естественное развитіе народной идеи приводило данный народъ къ

неизбѣжному внѣшнему столкновенію, войнѣ,—задача руководителей внѣшней политики страны до крайности облегчалась. Они должны были только, пользуясь общимъ психологически-приподнятымъ настроеніемъ массъ, во-время и въ надлежащемъ мѣстѣ мобилизовать всѣ наличныя (собственныя и союзныя) силы государства для нанесенія, или, смотря по обстоятельствамъ, для отраженія удара.

Въ подобномъ случаѣ импульсъ исходитъ отъ массы, политики—только ея орудіе, исполнительный органъ. Разумѣется, чѣмъ серьезнѣе историческій моментъ, тѣмъ больше прозорливости, предусмотрительности, рѣшительности и таланта потребуется отъ дѣятелей, которые окажутся въ это время у кормила власти; но все-же ихъ творческая дѣятельность ограничится узкою сферою исполненія. Далекое рѣдкость, когда политическая власть, бездарная и нерѣшительная, неспособная подняться на высоту переживаемаго историческаго момента, робостью исполненія портила смѣлые планы, вполне сознанные народомъ и имъ предназначенные къ осуществленію. Объединительное движеніе въ Италіи, всегерманское движеніе и наше—передъ войной 1877—78 гг.—могутъ служить весьма убѣдительными примѣрами, гдѣ инициатива исходила изъ толщи народныхъ массъ; причемъ въ послѣднемъ изъ приведенныхъ случаевъ русская

дипломатія—образецъ власти, испортившей дурнымъ исполненіемъ здоровый народный порывъ.

Итакъ, иногда созрѣвшая народная идея рождаетъ соотвѣтствующую государственную политику, и, наоборотъ, нерѣдко дальновидный и гениальный политическій дѣятель навязываетъ народу идею, которая еще неполнѣ созрѣла въ сознаніи массъ, но которая уже можетъ быть названа «грядущей». Петръ Великій — наиболѣе разительный примѣръ такого политическаго дѣятеля. Въ какіе-нибудь три десятка лѣтъ онъ силкомъ провелъ то, что безъ него выполнялось бы въ теченіе, быть можетъ, цѣлаго столѣтія, и, кромѣ того, намѣтилъ еще такую обширную программу внѣшней политики на будущее, что мы и до сей поры не можемъ ея выполнить и пугаемся размѣровъ Петровскаго размаха.

На нашихъ глазахъ дѣятелемъ подобнаго-же типа, хотя и неизмѣримо меньшаго значенія и дарованія, явился Чемберленъ со своимъ империалистскимъ проектомъ. Стоитъ только припомнить Бурскую войну, недовольство ею въ Англіи и общее удовольствіе при видѣ прибыльныхъ результатовъ этой, казалось, такъ неразумно и рискованно затѣянной борьбы.

Для политическаго дѣятеля, идущаго впереди своего народа, чрезвычайно важно путемъ обду-

манной и систематически-проведенной пропаганды подготовить общественное мнѣніе страны къ задуманнымъ имъ ходамъ внѣшней политики. Можно даже утверждать, что при современномъ развитіи общественности, когда даже армія есть ни что иное, какъ вооруженный народъ, только при посредствѣ такой пропаганды и можно рассчитывать на единодушіе и страстность народныхъ стремленій, безъ которыхъ будущему дѣятелю нечего и думать объ успѣхѣ предположенныхъ ходовъ политики.

Средства пропаганды стары и хорошо извѣстны: печать, пропаганда живымъ словомъ (парламенты и политическіе союзы) и школа. Последній способъ, хотя и самый долгій, но зато и самый вѣрный, такъ какъ воспитываетъ цѣлое поколѣніе съ требуемымъ міровоззрѣніемъ и съ опредѣленными политическими стремленіями. Недаромъ разгромъ Франціи въ 1870—71 гг. приписывали могущественному вліянію нѣмецкаго школьнаго учителя. Этотъ скромный, честный труженникъ въ тиши школы капля по каплѣ собиралъ во-едино величіе германской расы и подготовилъ и предрѣшилъ ея военные успѣхи.

Болѣе быстрымъ средствомъ служатъ разнаго рода политическіе союзы, клубы, парламентскія партіи и, особенно, повременная и всякая другая печать.

Подготовка народной идеи путемъ всѣхъ этихъ испытанныхъ средствъ является при нынѣшнихъ войнахъ и народныхъ арміяхъ не только желательною, но прямо необходимою. Было время, когда съ наемными или вербованными, совершенно индифферентными въ идейномъ отношеніи арміями, можно было путемъ войны преслѣдовать цѣли личнаго и династическаго честолюбія или проводить внѣшнія предпріятія, несогласныя съ духомъ исторіи народа. Теперь эти времена миновали безвозвратно. Нынѣшняя армія, нравственный и умственный обликъ которой совпадаетъ съ таковымъ-же обликомъ народа, дастъ свою наиболѣе производительную работу только при условіи глубокаго проникновенія основною политическою идеею войны. Каждый солдатъ современной вооруженной громады долженъ въ кругѣ своего міросозерцанія находить доводы въ пользу необходимости борьбы за дѣло, за которое онъ призванъ пролить свою кровь.

Въ нашей арміи, никогда не знавшей наемнаго или вербованнаго порочнаго солдата, такая идейная подготовка далеко не новость. Суворовъ всегда подбадривалъ духовную сторону своего чудо-богатыря обращеніемъ къ его національному чувству. Ты «русскій» было его любимое напоминаніе солдату. Въ переводѣ съ лаконическаго языка это означало: «Вѣрь въ свое пре-

восходство и въ правоту своего дѣла». Разумѣется, въ тотъ простой вѣкъ стоило только противника окрестить хорошо понятою кличкою «басурмана» — и требуемое идейное настроеніе арміи опредѣлялось само собою.

Теперь, когда нашъ солдатъ, особенно въ спеціальныхъ родахъ оружія, уже давно вышелъ изъ цикла первобытныхъ идей и представленій, идейная подготовка, разумѣется, значительно усложнилась сравнительно съ Суворовскимъ временемъ. Тѣмъ болѣе она требуетъ вниманія къ себѣ. А между тѣмъ ни въ одной войнѣ такъ ярко не выступило ничтожество нашей идейной подготовки, какъ въ только-что минувшей — Японской. Не говоря уже о нижнихъ чинахъ, нельзя было встрѣтить двухъ офицеровъ съ одинаковымъ взглядомъ на борьбу, ради которой они были призваны, быть можетъ, прикончить всякіе расчеты съ жизнью. И даже можно смѣло утверждать, что громадное большинство офицества смотрѣло на эту войну, какъ на печальный результатъ смѣлой не по силамъ политической авантюры, доведеніе которой до успѣшнаго конца могло быть выгодно развѣ для гг. Вонлярлярскихъ и Безобразовыхъ, а ужъ никакъ не для Матушки-Россіи.

Другой такой-же примѣръ убогаго идейнаго багажа представила намъ французская армія въ 1870 г. Въ то время, когда нѣмцы, ради

глубоко сознанной цѣли войны были готовы на всѣ жертвы, французы сами считали себя жертвою политической авантюры и поэтому способны были лишь на пассивное сопротивление.

Къ сожалѣнію, правительства даже и въ новѣйшія времена нерѣдко не признавали, что безъ популяризаціи идеи войны теперь воевать нельзя. Свободная печать оказывала нерѣдко въ этомъ случаѣ помощь такимъ близорукимъ правящимъ сферамъ. Примѣромъ пропагаторской дѣятельности печати, направленной на популяризацію идеи войны, можетъ служить хотя-бы роль нашей русской прессы, только-что вкусившей отъ прелестей относительной свободы слова, передъ войной съ Турціей 1877 — 78 гг. Тогда общественная инициатива предшествовала правительственнымъ начинаніямъ въ области Балканской политики: и первыя русскія деньги, которыя пошли на помощь южнымъ славянамъ, — были деньги частной благотворительности; и первые русскіе люди, готовые жертвовать своею кровью за славянское дѣло, — были добровольцы. Благодаря такому общественному настроенію, правительству оставалось воспользоваться уже готовымъ подъемомъ духа и пойти по опредѣлившемуся руслу народныхъ идей и чувствъ.

Обратное случилось передъ нынѣшней войной. Оставляя въ сторонѣ наболѣвшій вопросъ о Безобразовыхъ, Вонлярлярскихъ и комп., этихъ русскихъ неудачныхъ Родсахъ и Джемсонахъ въ миниатюрѣ, нельзя не видѣть, что рядъ агрессивныхъ правительственныхъ мѣропріятій въ Китаѣ, приведенныхъ въ исполненіе въ теченіе послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ и потерпѣвшихъ крушеніе (изъ-за несоотвѣтствія средствъ поставленной цѣли) въ только-что минувшую Японскую войну, отвѣчалъ самымъ насущнымъ потребностямъ Россіи, составляя первый шагъ къ полному и удачному разрѣшенію Петровской задачи — пріобрѣтенія морскаго простора.

Стремясь рѣшить эту свою первѣйшую задачу въ области внѣшней политики, Россія всегда искала выхода къ морю по направленію наименьшаго сопротивленія. Было время, стучалась Русь на Западъ (Балтика), но къ океану такъ и не вышла, т. е. задачи не рѣшила; стучалась она на Ближнемъ Востокѣ — то-же самое; въ силу какого-то роковаго тяготѣнія, нѣ-хотя, почти противъ воли руководящихъ сферъ нашей политики, разлилась наша родина по степямъ и горамъ Средняго Востока и остановилась въ недоумѣніи передъ, неразрѣшенной даже Наполеономъ и Александромъ Македонскимъ, загадкой необъятныхъ пространствъ; наконецъ по-

стучалась недавно Русь на Дальній Востокъ — и неожиданно для себя встрѣтила новаго вѣковаго врага, желтаго человѣка.

Итакъ — всюду неудача неудача и неудача! Служить-ли она доказательствомъ ошибочности поставленной конечной цѣли?

Генераль-адъютантъ Куропаткинъ въ своихъ словахъ, обошедшихъ всю печать, утверждалъ, что Россія не морская держава, что ей флота не нужно и что судьба несчастной послѣдней войны рѣшится на сушѣ. Какъ жалко звучать эти прозорливые (?) слова послѣ Цусимы? И однако, несмотря на все ничтожество заключающейся въ нихъ государственной предусмотрительности, съ ними еще и понынѣ приходится считаться, такъ какъ и послѣ Цусимы они находятъ своихъ послѣдователей.

Итакъ, кто-же правъ:—Петръ Великій или Куропаткинъ? Вотъ гамлетовскій вопросъ русской внѣшней политики. Онъ былъ-бы смѣшонъ, если-бы не былъ такъ серьезенъ.

«Куда идти?»—вотъ вопросительная, недоумѣлая очередная программа переживаемаго историческаго момента.

Періодическое народженіе этого вопроса попеременно то въ правящихъ сферахъ, то въ толщѣ народной (вѣрнѣе, въ ея мыслящихъ слояхъ) служитъ зловѣщимъ признакомъ. Оно естественно изобличаетъ полное забвеніе историче-

скихъ завѣтовъ національной внѣшней политики или недостаточно-глубокое проникновеніе вопросомъ: «Куда шли?» Ошибочныя теоретическія послышки даютъ ошибочныя заключенія, а эти послѣднія создаютъ ложныя программы и такіе-же ходы политики. А вѣдь единственнымъ, и, притомъ, совершенно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такихъ уклоненій «съ пути истиннаго» вѣковой государственной политики является всегда жестокая расплата.

На протяженіи всего XVIII-го вѣка въ нашей политикѣ безраздѣльно господствовала исторически вѣрная идея Петра I. Всѣ войны, кромѣ краткаго періода Семилѣтней, когда при Петрѣ III въ союзѣ съ Фридрихомъ II мы своими-же руками рушили свое-же дѣло, велись ради упомянутой Петровской идеи, конечной цѣлью которой было стремленіе къ морю. Остальныя цѣли—завоеваніе Финляндіи, раздѣлъ Польши, Славянскій вопросъ — были только посредствующими, второстепенными объектами политики, ступенями колоссальной лѣстницы, Петромъ спроектированной. Войны, веденныя ради нихъ, затѣвались въ сущности только для того, чтобы обезпечить съ фланга безопасность избранныхъ направленій къ Черному и Балтійскому морямъ (то, что на военномъ языкѣ называется — обезпеченіемъ опера-

ціонной линіи). Когда, въ видѣ здороваго, вполне заслуженнаго плода этой политики, созрѣлъ проектъ союза съ Наполеономъ для окончательнаго, быть можетъ, разрѣшенія морскаго вопроса на Ближнемъ Востокѣ, а попутно и Славянскаго вопроса, мы, подобно тому, какъ и при Петрѣ III, но только, къ сожалѣнію, гораздо упорнѣе, продолжительнѣе и болѣе послѣдовательно, а потому и вполне успѣшно, ради величія германской расы и могущества Англіи, предприняли цѣлый рядъ такъ называемыхъ блистательныхъ Наполеоновскихъ (вѣрнѣе — Донъ-Кихотскихъ) войнъ; Венгерскую кампанію начали ради своего будущаго врага въ разрѣшеніи Славянскаго вопроса; а для ряда Турецкихъ войнъ XIX-го столѣтія ставили себѣ цѣли, быть можетъ, и высоко-гуманныя съ широко-человѣческой точки зрѣнія, но не истинно-русскія въ Петровскомъ духѣ. Всѣ эти Турецкія войны, останавливавшіяся на полпути, безъ прямыхъ или косвенныхъ практическихъ выгодъ для русскаго народа, отдававшаго имъ однако свои лучшія силы, сыграли роль неудачнаго леченія, какъ извѣстно не усиливающаго, а только ослабляющаго организмъ *).

*) Двѣсти лѣтъ мы долбили Турцію, довели ее до состоянія больного челоука, и все для того, чтобы обезпечить безопасность дѣлежа ея европейскаго наслѣдства Германіей, Австріей, Греціей и даже Италіей, словомъ — всѣми, кромѣ насъ.

Признаки такого ослабленія у насъ на лицо; а между тѣмъ тревожный вопросъ—«Куда идти?», рожденный на этотъ разъ въ толщѣ народной, уже снова не даетъ покоя и властно требуетъ отвѣта. И мы собираемся дать отвѣтъ; но не отвѣтъ—логическое слѣдствіе исторіи и здраваго разсчета, а отвѣтъ, вызванный болью минуты. Мы мучительно сознаемъ право назойливаго вопроса, но еще болѣе чувствуемъ свою органическую слабость и, поэтому, стараемся отмахнуться отъ роковаго вопроса внѣшней политики, почти что зажмурить глаза. Мы, Великій Русскій Народъ, хотимъ жить велѣніями минуты, хотимъ лечить свои раны, совсѣмъ не хотимъ готовиться къ новому бою и даже отрицаемъ самую его близость. Мы капризно повторяемъ: «Намъ нуженъ миръ», «наши цѣли мирныя»—и забываемъ, что другимъ миръ не такъ нуженъ, потому что ихъ силы свѣжи, и ихъ цѣли, хотя и мирныя, но средства военныя.

Не такъ дѣйствовали японцы передъ войной съ нами. Они мужественно и разъ навсегда взглянули въ глаза опасности, сознали ея серьезность и историческую неизбѣжность,—и начали свои разсчитанныя, дружныя приготовленія. Эти послѣднія у нихъ обнимали не только техническую сторону (вооруженіе арміи), но и *вооруже-*

не народной идеи (мысли, чувства, понятія и даже предразсудки).

Припомним пресловутыхъ японскихъ профессоровъ, которые въ аудиторіяхъ, подъ открытымъ небомъ, на митингахъ, въ газетахъ, въ многочисленныхъ, приспособленныхъ къ пониманію народной массы, дешовыхъ брошюрахъ, наконецъ, въ школахъ — старались воспитать народное чувство и мысль въ требуемомъ направлении.

Припомнимъ дѣятельность цѣлыхъ политическихъ партій, образовавшихся со спеціальною цѣлью пропаганды той-же идеи войны.

Припомнимъ поистинѣ изумительное по своей добросовѣстной детальности исполненія дѣло развѣдки о только еще назрѣвавшихъ у насъ теченіяхъ общественной мысли и о первыхъ зародышахъ нашей, тогда еще нарождавшейся, революціи. И эту, казалось, неуловимую данную учли внимательные сыны страны восходящаго солнца.

Припомнимъ, наконецъ, тѣ усилія, которыми не пренебрегли они для пропаганды въ рядахъ нашей арміи ради культивированія и поддержанія въ ней идеи недовольства, ропота и даже бунта*), и мы придемъ въ изумленіе отъ всесто-

*) Положимъ, мы сами облегчали трудъ японцевъ. Наши крайнія политическія партіи съ патріотическимъ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, забрасывали эшелоны ѣхав-

ронности и систематичности работы японцевъ по распространенію идеи войны у себя и по дискредитированію ея у противника.

А что для этого сдѣлали мы?

Все маньчжурское предпріятіе съ Портъ-Артуромъ, Дальнимъ и желѣзною дорогою и въ печати, и въ разговорахъ изображалось, какъ никому, кромѣ гг. Безобразовыхъ и комп., ненужнымъ предпріятіемъ. Можно было подумать, слушая эти рѣчи, что и воевать будетъ не Россія а Вонлярлярскій съ присными.

Когда оскорбительный актъ внезапнаго нападенія на Артуръ, какъ электрическою искрою, пронизалъ всю страну, никто не воспользовался этимъ благопріятнымъ моментомъ подъема народнаго негодующаго чувства. И въ то время, когда, объединенные общимъ чувствомъ, даже незнакомые, на улицахъ обмѣнивались дорогими вѣстями съ Востока, въ официальной печати занимались составленіемъ скучныхъ и неубѣдительныхъ протоколовъ, которые должны были

пихать на Востокъ войскъ прокламаціями, отличавшимися отъ японскихъ только бумагою, но отнюдь не содержаніемъ. Развѣдку-же военную и идейную мы облегчали японцамъ тѣмъ, что прикомандировывали японскихъ офицеровъ къ своимъ полкамъ на годъ и на два. Одинъ изъ такихъ «опытныхъ» офицеровъ (маіоръ Куросава) былъ непосредственно передъ войной военнымъ агентомъ въ Петербургѣ.

оправдать насъ передъ кѣмъ-то. Потомъ пошли первыя неудачи, потомъ уроки «терпѣнія», потомъ злорадное «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» (рабій способъ проведенія реформъ!), потомъ стремленіе распропагандировать свою-же армію русскими руками, потомъ нетерпѣливое требованіе мира цѣною какихъ угодно жертвъ... Вотъ сжатый очеркъ нашей работы въ области подготовки идеи войны и духа, а также ея укрѣпленія въ рядахъ арміи и въ народныхъ массахъ.

А вѣдь еще большой вопросъ, кто сражался за болѣе насущные интересы, мы или японцы.

Исторія говоритъ, что *долговѣчными* государствами бывали только страны съ прочными границами (море или высокія горы), а *влиятельными*—только государства, съ болшею береговою линіею (здѣсь разумѣется продолжительное міровое и единственно прочное *культурное* вліяніе). Та-же исторія учитъ, что міровая жизнь всегда ютилась вокругъ какой-нибудь воды: сначала эта вода была маленькая—Архипелагъ (Эллинскій періодъ исторіи), потомъ побольше—Средиземное море (Римскій періодъ), потомъ еще больше—Атлантическій океанъ (Европейскій періодъ), и, наконецъ, теперь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ историческимъ періодомъ, когда ареною міровой политики готовъ сдѣлаться об-

ширнѣйшій водный бассейнъ Великаго и Индѣйскаго океановъ.

Исторія учитъ, что держава, обезпечившая себя наиболѣе длинною береговою линіею моря даннаго историческаго періода, этимъ самымъ дѣлается и наиболѣе вліятельной державою. И наоборотъ.

Исторія-же учитъ, что державы, обезпечившія себя морскими границами, совершенно избавляли себя отъ необходимости вести самыя убыточныя и изнурительныя—даже при успѣхѣхъ—оборонительныя войны (ведутся не тогда, когда мы хотимъ и, слѣдовательно, готовы и въ силахъ, а наоборотъ). Вслѣдствіе этого Британія не знаетъ обороны со временъ Вильгельма Завоевателя, а мы, обратно,—большую часть своихъ войнъ посвящаемъ отбиванію наносимыхъ намъ ударовъ. Свѣтлымъ просвѣтомъ въ этомъ отношеніи былъ XVIII вѣкъ, въ теченіе котораго Сѣверная война, Финляндскія, Турецкія и Польскія, всѣ, веденныя наступательно и по нашей инициативѣ, не принесли Россіи ничего, кромѣ пользы (пріобрѣтеніе Балтійскаго и Черноморскаго побережья и упроченіе западной границы).

Та-же исторія говоритъ, что государства, пренебрегавшія моремъ и увлекавшіяся материковыми расширеніями, обыкновенно тонули въ необъятныхъ пространствахъ земли (монархіи Персидская, Александра, Наполеона). Враждеб-

ный материкъ, т. е. для ассимиляціи населенія котораго не сдѣлано ничего или очень мало, способенъ поглотить какое-угодно могущество, будь то *военная* мощь великой расы (персы) или неукротимая творческая энергія генія (Александръ, Наполеонъ). Англія въ неуспѣхѣ своей Столѣтней войны съ Франціей должна искать первый краеугольный камень своего могущества. Въ случаѣ удачи этой борьбы Британія, вѣроятно, разлилась-бы по европейскому матеріку, натолкнулась-бы на противодѣйствіе германской расы, истратилась-бы на борьбу съ нею, и міръ никогда не узналъ-бы владычицы морей. Фактъ общепринятый, что отпаденіе материковыхъ американскихъ колоній, обнаружившихъ сепаратистскія стремленія, способствовало расцвѣту британскаго міроваго могущества.

По причинѣ все той-же смертоносной силы большихъ материковыхъ владѣній, стремленіе на материкъ Японіи, обладающей едва-ли не лучшею въ мірѣ береговою линіею, нельзя не признать роковымъ для ея-же собственнаго могущества; въ то время, когда японское расширеніе по образцу англійскаго, т. е. путемъ приобрѣтенія острововъ-станцій, приморскихъ колоній, небольшихъ материковъ (Австралія) и обособленныхъ, труднодоступныхъ для иностраннато вторженія, но цѣнныхъ колоній (Индія), несомнѣнно создало-бы изъ Японіи великую міровую дер-

жаву (прежде всего опасную для Англіи), ея материковое расширеніе (въ Корей и, особенно, въ Китаѣ) создастъ изъ Японіи, въ лучшемъ случаѣ, ферментъ для возбужденія желтой расы въ лицѣ ея старшаго члена, «недвижнаго» (!) Китая. Разумѣется, въ такомъ случаѣ главнѣйшая опасность грозитъ Россіи, но и Японія не приобрѣтетъ никакихъ прямыхъ для себя выгодъ.

Итакъ: «Куда идти?» Вотъ роковой вопросъ русскаго богатыря, остановившагося на распутьи.

Кажется, всѣ пути ему заказаны. На Ближнемъ Востокѣ вопросы и интересы почти всѣхъ великихъ державъ такъ переплелись, что для разрѣшенія Славянскаго вопроса нужно рубить гордіевъ узелъ; а для этого нужно много дерзости и силы. На Среднемъ Востокѣ мы стоимъ передъ погибельными пространствами, непобѣдимыми никакимъ могуществомъ. На Дальнемъ—столкнулись съ молодою враждебною силою.

Вездѣ сила, сила и сила! Захочетъ-ли она долго ждать для того, чтобы на насъ-же, ослабленныхъ, обрушиться?

Значить, и намъ осталось немного времени, чтобы собраться съ силами. Это несомнѣнно. Несомнѣнно также, что для окрыленія народной борьбы будущаго (во избѣжаніе ошибки недавно-

минувшаго) необходимо популяризировать, какъ самую идею ея неизбежности, такъ и способы подготовки къ ней.

«Куда идти?» и «Какъ идти?»

Разумѣтся, не намъ, вотъ уже въ теченіе цѣлаго столѣтія, невозвратно ослабляемымъ ненужными, бесполезными войнами (Японская— только достойная расплата за нихъ и за нерусскую политику), думать теперь о единственно приличествующей великому народу и единственно прибыльной политикѣ — агрессивной въ духѣ Петра и Екатерины*); не намъ думать о проведеніи своихъ насущныхъ потребностей за предѣлами имперіи; но намъ и никому другому предстоитъ позаботиться о своей внѣшней безопасности, необходимой для безпрепятственнаго осуществленія внутреннихъ реформъ, отъ которыхъ ждемъ своего оздоровленія и усиленія, а также и возможности перехода къ активной внѣшней политикѣ.

Что у насъ стоитъ на очереди? Первое и главное—аграрный вопросъ. Какъ разрѣшить его полнѣе? Разумѣтся, не путемъ уничтоженія или разоренія высшаго и средняго землевладѣнія, а лишь систематической организаціей переселенческаго вопроса. Такое рѣшеніе вопроса тѣмъ здо-

* Англія не знаетъ политики подчиненія, гдѣ инициатива исходила-бы отъ противника или, что еще хуже, отъ принудителя союзника, со временъ Елизаветы.

ровѣе, что оно въ духѣ вѣковаго взгляда на этотъ предметъ русскаго народа. Основной мотивъ всей нашей колонизаціонной политики—исканіе свободной земли (а не рынковъ, какъ въ Англіи). Мы стремимся къ простору и бѣжимъ отъ тѣсноты. Надо только придержаться этого традиціоннаго пути.

Не вдаваясь здѣсь въ разсмотрѣніе и безъ того очевидныхъ экономическихъ выгодъ подобнаго способа разрѣшенія большаго вопроса, ограничусь только разборомъ военныхъ плюсовъ, которые можно ожидать отъ широкаго проведенія въ жизнь переселенія въ Азію.

Каждая колонія только тогда можетъ почитаться прочно занятою и обеспеченною, когда она сама своими собственными силами можетъ себя оборонить отъ всякаго внѣшняго вторженія. Такъ именно, какъ извѣстно, съ наименьшими расходами и истощеніемъ для метрополіи, и разсчитана оборона сѣти Британскихъ колоній. И у насъ, до начала XIX столѣтія на этотъ вопросъ смотрѣли такъ-же.

Однако средства въ Англіи и у насъ были совершенно различны. Въ Англіи колоніи срослись съ метрополіей путемъ взаимнаго сплетенія *экономическихъ выгодъ*; на этой почвѣ выросло если не чувство взаимной привязанности, то по крайней мѣрѣ сознаніе взаимныхъ выгодъ. Вотъ почему Англіи не страшны ни-

какія автономіи и почему она не боится доводитъ послѣднія до самыхъ крайнихъ предѣловъ *). (Индія—исключеніе и, какъ таковое лежитъ ярмомъ на выѣ Британіи).

Наши колоніи, представляющія огромныя материковыя площади съ рѣдкимъ и малоустойчивымъ въ національномъ отношеніи инородческимъ населеніемъ, закрѣплялись за метрополіей *путемъ переселенія* и посредствомъ особеннаго драгоценнаго дара русскаго народа—доброжелательной и легкой его *ассимиляціи* съ нисшими расами; этою-то ассимиляціею и достигалась полная денационализація послѣднихъ, а попутно весьма успѣшно парализовалась и смертоносная сила обширныхъ материковыхъ владѣній: вѣдь разслабляютъ не пространства, а борьба съ враждебными расами, вѣроятность встрѣчи съ которыми наибольшая на обширныхъ материкахъ; когда же, вмѣсто борьбы, происходитъ естественная, не насильственная ассимиляція, — нѣтъ и ослабленія государственнаго организма, иначе совершенно неизбѣжнаго.

За примѣрами не далеко ходить. Никто не слышитъ больше и никогда не услышитъ о се-

*) На нашихъ глазахъ примѣромъ срастанія новыхъ британскихъ колоній съ метрополіей можетъ служить Трансвааль. Буры уже вполне надежныя сочлены британскаго могущества, а надежность ихъ основана исключительно на практичности.

паратистскихъ стремленіяхъ царства Казанскаго или Астраханскаго; Западная Сибирь, не смотря на большой процентъ инородческаго населенія, также совершенно русская область. И объясняется это не столько давностью владѣнія, сколько поглощеніемъ названныхъ областей путемъ переселенія. Лучшимъ доводомъ этой мысли можетъ служить судьба двухъ почти ровесницъ по времени вступленія въ предѣлы Россіи: Финляндіи и Новороссіи съ Крымомъ: двѣ послѣднія—вполнѣ русскія окраины; первая, благодаря автономіи,—государство въ государствѣ.

Хотя въ Среднеазиатскихъ владѣніяхъ и, особенно, въ Сибири насъ не могутъ смущать никакія автономныя или сепаратистскія стремленія, однако вслѣдствіе того, что населеніе тамъ рѣдко, а русское, особенно, въ Туркестанѣ и въ Восточной Сибири, и малочисленно, теперь, въ періодъ развитія апетитовъ «желтаго чловѣка», эти области нельзя признать прочно занятыми.

Просыпающійся Китай, судя по пробуждающейся въ немъ военной энергіи, можетъ сдѣлаться грознымъ для насъ въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ; а одна эта возможность должна вынудить насъ къ безотлагательнымъ усиленнымъ приготовленіямъ.

Несомнѣнно, какъ это показала только-что минувшая война и какъ того требуетъ ожиданіе еще большей борьбы, отнынѣ на Востокѣ мы должны будемъ содержать армію не меньшую (скорѣе большую), чѣмъ на Западѣ.

Изъ опыта только-что минувшей войны мы уже знаемъ о трудностяхъ перевозки на десятки тысячъ верстъ миллионной рати. Теперь, когда вѣроятнымъ противникомъ нашимъ на Дальнемъ Востокѣ уже будетъ не Японія или, по крайней мѣрѣ, не одна Японія, но и Китай, арміи котораго не нуждаются въ сложныхъ морскихъ перевозкахъ столь-же затяжныхъ, какъ и дальнія желѣзнодорожныя, едва-ли мы захотимъ основывать оборону нашихъ Дальневосточныхъ владѣній на хрупкихъ расчетахъ подвоза войскъ изъ метрополіи. Прямая выгода, чтобы вся или большая часть нашей восточной арміи пополнялась на мѣстѣ территоріально; только при этомъ условіи мы можемъ считать себя въ безопасности на нашей далекой окраинѣ.

Какъ-же выполнить подобное требованіе при общеизвѣстной разрѣженности сибирскаго населенія вообще и — что самое главное — русскаго въ особенности? Отвѣтъ только одинъ: самымъ серьезнымъ образомъ взглянуть на переселенческій вопросъ и сознать настоящую неотложность самаго интенсивнаго его проведенія не только по причинамъ экономическимъ, въ раз-

боръ которыхъ здѣсь вступать не мѣсто, но и въ видахъ нашей военной обороны на Дальнемъ Востокѣ.

Нечего зажмуривать глаза: — задача для разрѣшенія предстоить намъ титаническая. Но, дѣлать нечего, — нужно взглянуть прямо въ глаза опасности, тѣмъ болѣе грозной, что на очередь поставленъ вопросъ «быть или не быть». Однако, не смотря на колоссальность задачи, въ ней нѣтъ ничего неисполнимаго для великаго народа, видѣвшаго въ своей прошлой исторіи примѣры форсированной колонизаціи, давшей прекрасные и скорые плоды въ видѣ полного слиянія вновь-присоединеннаго края съ центромъ. Говорю о переселеніи въ Новороссію по плану Потемкина. А во сколько разъ пути сообщенія тогда были хуже нынѣшнихъ и средства бѣднѣе теперешнихъ. Хорошей иллюстраціей въ этомъ отношеніи можетъ служить примѣръ изъ нашей военной исторіи: во время Севастопольской кампаніи одна дивизія шла изъ Нижняго-Новгорода въ Крымъ цѣлый годъ. Припомнивъ этотъ маленький, но характерный анекдотъ, станетъ совершенно ясно, что трудность задачи Потемкина была нисколько не меньшею, чѣмъ предстоящая намъ для выполненія на Дальнемъ Востокѣ, и однако сто лѣтъ тому назадъ съ нею справились.

Позволимъ себѣ нѣсколько расчетовъ.

При существующихъ путяхъ сообщеній понадобилось полтора года для того, чтобы перевезти на Востокъ миллионную армію. Для возможности набора такой арміи на мѣстѣ, принимая во вниманіе норму, въ силу которой вооруженныя силы страны не должны превосходить 5⁰/₀ кореннаго населенія, мы должны будемъ увеличить населеніе Сибири по крайней мѣрѣ въ четыре раза (съ 8—10 миллионъ до 40), т. е., другими словами, ежегодно въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ вѣрнаго мира на нашемъ Востокѣ перевозить по три миллиона народу обоего пола и превзойти такимъ образомъ интенсивность перевозокъ только-что минувшаго военнаго времени въ три слишкомъ раза. Идеаль совершенно неосуществимый; но самая трудность его осуществленія, при несомнѣнной грозной необходимости его выполненія, вынуждаетъ стремиться къ проведенію переселенческаго вопроса въ Сибири въ самыхъ энергичныхъ формахъ.

Задача облегчается тѣмъ, что переселеніе въ дальнія страны, туда, гдѣ—«молочныя рѣки и кисельные берега», основа историческихъ стремленій русскаго народа. Это какъ разъ примѣръ, когда политику нужно только послушно слѣдовать по руслу, проложенному народною массою, эксплуатировать здоровый народный порывъ и наладить административное содѣйствіе такъ, чтобы оно дѣйствительно расширяло движеніе,

а не ставило ему палки въ колеса, примѣры чего бывали; и все на почвѣ неисполненія какихъ-нибудь формальностей*).

Широко и вольно поставленное дѣло переселенія въ Сибирь дастъ широкое поле дѣятельности природному свойству русскаго челоуѣка поглощать пространства путемъ ассимиляціи его населенія. Тогда и только тогда мы будемъ въ правѣ назвать Сибирь своею.

Вотъ тѣ народныя идеи, которыя стоятъ на очереди ближайшаго и неотложнаго осуществленія и которыми не долженъ пренебрегать и военный организаторъ настоящаго. Онѣ, когда наступитъ роковой моментъ неизбежной внѣшней борьбы, образуютъ ту основную и всякому понятную народную идею войны на Востокѣ, (борьба за правое дѣло), страшный недостатокъ которой такъ больно чувствовался въ распрѣ съ Японіей.

*) Въ Семирѣчьи еще недавно бывали случаи насильственнаго выдворенія переселенцевъ, обосновавшихся безъ административной указки и по невѣдѣнію занявшихъ пустоорожнія земли, права на которыя оспаривали у нихъ кочевники, казалось-бы не стѣсненные степнымъ азіатскимъ просторомъ.

X.

Преобразования.

Въ Екатерининскій золотой вѣкъ нашей арміи, вѣкъ личный инициативы и талантовъ, отличительной особенностью всѣхъ военныхъ реформъ можно назвать крайнее *разнообразіе* ихъ проведенія въ различныхъ частяхъ арміи, подчиненныхъ тому или другому одаренному генералу: каждый такой начальникъ (а ихъ было много — Суворовъ, Румянцевъ, Потемкинъ), опираясь на свой опытъ, знанія и взгляды, пользовался широкой самостоятельностью въ подготовкѣ подчиненныхъ ему войскъ для боя.

Второй и, притомъ, главною особенностью Екатерининскихъ реформъ была та ихъ черта, что матеріалъ для выводовъ и заключеній, на основаніи которыхъ впослѣдствіи предпринимались преобразования по военной части, черпался изъ *опыта родной арміи*, — слѣпота раболѣпства передъ

Западомъ не было. Тогда и хотѣли, и умѣли наблюдать у себя.

Въ результатѣ такого высокаго развитія *самодѣятельности* начальствующихъ въ войскахъ и *самобытности* реформъ — лучшая тогда въ Европѣ армія, совершенствомъ своихъ законоположеній и дѣйствовавшихъ въ ней учебныхъ сноровокъ и руководящихъ инструкцій и указаній, опередившая своихъ западныхъ собратій по оружію по крайней мѣрѣ на сотню лѣтъ. Въ то время, когда всѣ европейскія арміи, увлеченныя слѣпымъ подражаніемъ фридриховскимъ шаблонамъ, видѣли все свое спасеніе въ совершенствованіи прусской муштры, въ Екатерининскихъ войскахъ примѣнялись и совершенствовались организационныя и учебныя приемы, которымъ мы удивляемся теперь и которые даже и въ наше время не утратили своей свѣжести и значенія.

Извѣстно, что, когда Потемкинъ стоялъ во главѣ военнаго управленія, всѣ мѣропріятія по устройству арміи и ея снабженіи носили такой нерутинный, практическій характеръ, а руководящія для нихъ основанія отличались такимъ здравымъ смысломъ и *знаніемъ бытовыхъ особенностей русскаго человека*, что они годятся хотя бы и для нашего времени. Примѣръ — форма одежды: въ то время, когда на Западѣ процвѣтала пудра и неудобные фридриховскіе кафтаны, потемкинскіе образцы подходятъ къ выработаннымъ восемьдесятъ лѣтъ спустя.

А живучесть учебныхъ Суворовскихъ приемовъ? Въ печати отъ нихъ сохранились, къ сожалѣнію, только обрывки,— и однако ихъ было достаточно, чтобы въ рукахъ Драгомирова они послужили фундаментомъ для цѣлой воспитательной системы, безраздѣльно царствовавшей въ нашей арміи въ теченіе почти всей послѣдней четверти XIX столѣтія.

Чѣмъ объяснить живучесть Екатерининскихъ образцовъ? — Тѣмъ, что организаціонныя и административныя мѣропріятія того времени были основаны на *бытовыхъ особенностяхъ своей арміи*, а учебныя системы, какъ на нихъ, такъ и на *психологии русскаго чловѣка*.

Первыя, т. е. *бытовыя особенности*, въ крестьянской массѣ во многомъ, какъ извѣстно, и до сей поры мало измѣнились; что-же касается *психики* расы, столѣтіе — срокъ слишкомъ ничтожный для эволюціи въ этой области.

Начиная съ воцаренія Императора Павла Петровича мы совершенно забросили путь самобытности.

Начиная съ этого времени, мы усвоили себѣ только одинъ путь для реформы — путь слѣпого подражанія Западу и особенно Пруссіи. Вся эпоха Александра I-го, особенно Николая I-го и въ значительной степени Александра II представляетъ собою стараніе привить русскому солдату несвойственныя ему качества пруссака: авто-

матизмъ, педантичность, дисциплину, основанную на суровости и на рядѣ мелочныхъ требованій войскового обихода; словомъ, вмѣсто того, чтобы заимствовать отъ пруссаковъ *конечныя цѣли ихъ стремленій*, мы брали только однѣ *внѣшнія формы* и заимствовали лишь *средства*, оказавшіяся совершенно негодными для достиженія этихъ цѣлей въ средѣ русской арміи.

Свободны-ли мы отъ такого метода преобразованій и въ настоящее время? Категорически приходится отвѣтить, что нѣтъ. Всякому военному хорошо извѣстно, что лишь только возникаетъ вопросъ о какомъ-нибудь нововведеніи у насъ, какъ разрѣшеніе его облекается въ шаблонную форму. Сначала — справки о рѣшеніи этого вопроса во всѣхъ иностранныхъ арміяхъ, потомъ посылка всей этой работы на заключеніе войсковыхъ начальниковъ и, наконецъ, канцелярскія потуги сдѣлать средній выводъ изъ винегрета отзывовъ. Въ результатѣ — «ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга». Итогъ, вполне достойный творчества столоначальника.

Такой характеръ нежизнеспособныхъ, губительныхъ для арміи мѣропріятіи носили всѣ законодательства, касавшіяся такихъ краеугольныхъ вопросовъ организаціи, какъ: офицерскій вопросъ, войсковое хозяйство, мобилизація, многіе организаціонные вопросы и проч.

Чтобы не быть голословнымъ, позволю себѣ параллельное сравненіе. Какъ офицерскій вопросъ рѣшался у насъ и въ Германіи? Въ то время, когда тамъ, начертавши извѣстный идеаль, въ теченіи полутора ста — двухсотъ лѣтъ упорно и систематически шли въ одномъ направленіи *), — у насъ за это время перемѣнилось и нѣсколько идеаловъ, и нѣсколько системъ. До Екатерины II-й были одни взгляды, съ Павла Петровича они рѣзко измѣнились и ненарушимо просуществовали до Николая I-го; при Александрѣ II-мъ въ милютинское время, при необходимости въ корнѣ измѣнить военную систему (новый типъ народной арміи) взглядъ на офицерскій вопросъ снова измѣнился и, къ сожалѣнію, не рѣшенъ основательно и до сего времени. Причина одна — отсутствіе твердаго идеала. За то методовъ — сколько угодно **).

*) Со временъ Фридриха Великаго или, вѣрнѣе говоря, съ царствованія его отца.

**) Между прочимъ, одинъ изъ излюбленныхъ способовъ преобразованій въ области офицерскаго вопроса у насъ является методъ *нивелировки* офицерскаго состава; причемъ это сравненіе достигалось не многотруднымъ путемъ подъема образованія, воспитанія и условій быта и службы наименѣе удовлетворительныхъ или просто обездоленныхъ элементовъ до уровня лучшихъ или счастливыхъ, а обратнымъ, легкимъ путемъ *пониженія* уровня лучшихъ до худшихъ или болѣе благоденствующихъ до менѣе счаст-

Этотъ путь подражанія такъ глубоко вѣлся въ нашу армію, что есть полное основаніе ожидать его примѣненія и теперь, послѣ печальнаго опыта Японской войны, давшей такой богатый матеріаль для наблюденій пороковъ и изъяновъ нашей военной организаціи и подготовки.

Уже теперь въ печати раздаются голоса (положимъ, пока не авторитетные), отрицающіе самую поучительность опыта минувшей войны на томъ только основаніи, что она не дала никакихъ *положительныхъ образцовъ* въ области стратегіи и тактики. Дѣйствительно, давши въ этомъ отношеніи лишь цѣлый рядъ частныхъ поправокъ и выводовъ, минувшая война, не родившая виртуоза военного дѣла, не могла принести тѣхъ образцовъ, которые обыкновенно на много лѣтъ даютъ богатый матеріаль для слѣпого подражанія на практикѣ и для литературныхъ перепѣвовъ въ

ливыхъ. Преобразованія Павловской эпохи носили именно такой характеръ. Еще недавно такого рода преобразовательная дѣятельность наблюдалась въ артиллеріи; всѣ проекты подъема значенія строевого офицерства и теперь еще начинаются съ предложеній о пониженіи и ухудшеніи условій службы нестроевыхъ, гвардіи, Генеральнаго Штаба. Такой способъ всегда (и съ успѣхомъ) достигалъ одного: портилъ и то хорошее, что было на лицо. Заткнуть всѣ дырки и сдѣлать положеніе офицерства *безвыходнымъ* (безъ возможности улучшенія своего положенія путемъ надежды попасть въ лучшую колею, устроиться) — не значитъ поднимать его значеніе.

пишущей средѣ. Но зато *главный выводъ минувшей войны, особенно цѣнный для нашей арміи,— это тотъ, что мы не научились тому, чему учились, и что, создавая прекрасныя теоріи, не успѣли проводить ихъ на практикѣ.* Эта-же война обнаружила съ поразительной ясностью и причину подобнаго явленія. Она кроется, какъ это было видно изъ содержанія всей этой книги, въ недостаткахъ нашей военной *организациіи*. Въ ней и въ школѣ мирнаго времени лежатъ причины всѣхъ нашихъ недочетовъ.

Слѣдовательно въ исправленіи организациіи и залогъ нашихъ будущиxъ успѣховъ.

Поэтому-то тщетны будутъ усилія тѣхъ старателей, которые въ параграфахъ иностранныхъ законоположеній будутъ пытаться открыть секретъ заморскихъ совершенствъ. Извѣстенъ фактъ, что японскіе уставы написаны гораздо хуже нашихъ, дѣйствовавшихъ передъ войной. Намъ не хватало только сознательнаго и разумнаго ихъ примѣненія. Этого-то намъ и нужно теперь добиваться путемъ созданія соответствующаго команднаго персонала и подходящихъ условій его службы и дѣятельности.

Воспитательная наша система также хороша. Нужно только устранить преграды войскового быта, парализующія ее (хозяйство, *пересыльныя* учрежденія).

Итакъ, организациія, организациія и организациія!

Сто лѣтъ уже систематически распатывается она, и если только теперь язвы ея вскрылись съ поразительной ясностью, то причина въ томъ, что она распатана до крайности. Прежде, до введенія всеобщей воинской повинности у насъ портился исключительно офицеръ (невѣжество и бездѣлье его). Нижніе чины продолжительной службы, и часто большого даже боевого опыта, оставались прекраснымъ матеріаломъ. Соответственно этому подъ Севастополемъ обѣ эти группы, офицеры (или, вѣрнѣе говоря, ихъ высшіе представители, квинтъ-эссенція,— генералы) и нижніе чины, и сдали свой боевой экзамень.

Послѣ введенія всеобщей воинской повинности, когда значеніе начальническаго элемента возросло до высшей степени, наша неготовность въ этомъ отношеніи обнаружилась въ постепенномъ упадкѣ безупречной до того репутаціи русскаго солдата: упадкѣ дисциплины, выучки и даже выносливости и непритязательности. Все это сказалось въ только-что минувшую войну.

Неужели послѣ этого можно считать ее непоучительной?!

Нужно только учиться у себя самихъ и лечить свои родныя язвы родными лекарствами.

Неужели и теперь, когда весь міръ учится по насъ, мы снова за готовыми выводами обратимся за границу?

Бытовые особенности иностранных армій другія, а вѣдь *быть* и *только быть* (+ принципъ) даетъ матеріаль для разумной организаціи.

Насчитывая два вѣка существованія, наша регулярная армія вполне заслужила вниманіе организатора къ своему *русскому* прошлому; говорю къ *русскому* потому, что весь XIX вѣкъ создалъ для нашей арміи особое *нѣмецкое* прошлое. Случай единственный во всемірной исторіи!

По мѣрѣ того, какъ выливалась, писалась и печаталась эта книга, Японская война закончилась и въ нашей арміи отчетливо выразилось преобразовательное теченіе. Успѣло выйти нѣсколько реформаціонныхъ законоположеній*). Поэтому нѣкоторыя данныя нашего военного быта, трактующіяся въ предлагаемомъ трудѣ, какъ существующія, сохранили свое значеніе лишь для обрисовки вѣрнаго облика *нынѣшней арміи* и ея запаса (что собственно насъ и интересуетъ), но для нашего войска будущаго онѣ будутъ имѣть только смыслъ историческаго минувшаго, дающаго матеріаль для реформы.

Преобразованія—вещь капризная.

*) Сокращеніе срока службы и, какъ слѣдствіе этой мѣры, близкая неизбѣжность узаконенія проекта «Положенія объ обученіи нижнихъ чиновъ», ускоренное 2-х-мѣсячное обученіе новобранцевъ и обученіе грамотѣ съ 1-го года службы; уничтоженіе вольныхъ работъ.

Мало того, что они должны вызываться дѣйствительными потребностями арміи,—ихъ должно проводить въ строгой *постепенности*.

Эта постепенность можетъ быть двоякая. Можно руководствоваться лишь только условіемъ *легкости осуществленія* реформъ.

Для нѣкоторыхъ изъ нихъ достаточно, вѣдь, одного почерка пера. Для другихъ-же требуется основательная, долгая работа и многіе годы.

Увлечшись методомъ *легкости*, рискуешь упустить изъ виду естественную *преемственность* преобразованій, ихъ логическую внутреннюю связь.

Возьмемъ примѣръ. Профессоръ полковникъ Даниловъ, въ одномъ изъ своихъ сообщеній располагая людскою матеріаль нашей арміи въ порядкѣ его качества, на основаніи опыта войны, на первое мѣсто поставилъ оберъ-офицера, на второе рядового, на третье — штабъ-офицера и, наконецъ, на послѣднее—генерала. Основываясь на этой шкалѣ, казалось-бы, нашъ оберъ-офицеръ не нуждается въ реформѣ, солдатъ нуждается въ ней больше и т. д. Но, помятуя, что офицеръ краеугольный камень арміи, что оберъ-офицеръ—дѣлаетъ и рядового, и штабъ-офицера, и генерала, что, наконецъ, онъ дѣлаетъ армію, мы невольно придемъ къ выводу, очень неблагоприятному для оберъ-офицера.

Какъ-же согласить противорѣчіе двухъ приведенныхъ выводовъ? Приходится остановиться

на одномъ изъ трехъ: или дѣйствительно нашъ оберъ-офицеръ хорошъ, но условія службы и быта таковы, что съ годами онъ портится (уходомъ всего лучшаго или нравственнымъ и умственнымъ упадкомъ всего пожилого); или нашъ оберъ-офицеръ удовлетворителенъ только на своемъ маленькомъ оберъ-офицерскомъ посту въ бою, но не способенъ родить ни хорошаго рядового, ни такого-же генерала; или же, наконецъ, въ оберъ-офицерскомъ вопросѣ у насъ совсѣмъ не такъ благополучно, какъ думаетъ полк. Даниловъ.

Вопросъ очень существенный, нуждающийся въ глубокомъ изученіи быта родной арміи, во всестороннемъ освѣщеніи и въ упорной, многолѣтней преобразовательной работѣ.

И однако, не взирая на трудность разрѣшенія офицерскаго вопроса, онъ долженъ быть поставленъ въ головѣ всѣхъ прочихъ большихъ вопросовъ арміи. Безъ основательнаго рѣшенія офицерскаго вопроса многія реформы останутся только мертвою буквою на бумагѣ.

Другой примѣръ. 3-лѣтній срокъ службы лучше прежняго 4-мѣсячнаго при одномъ условіи — удаленіи хозяйства изъ строевыхъ частей. А между тѣмъ для сокращенія службы довольно почерка пера, а для изгнанія хозяйства нужна большая работа.

Третій примѣръ. Реформировать практическую службу корпуса офицеровъ Генеральнаго Штаба

гораздо легче, чѣмъ изъять изъ войсковыхъ штабовъ духъ «бумаги». Первая реформа для своего осуществленія ждетъ только одного — законодательныхъ мѣръ, тогда какъ вторая — ожидаетъ побѣды надъ *рутиною*, что несравненно труднѣе законодательства. А между тѣмъ безъ изъятія «бумаги» немыслима никакая практика офицеровъ Генеральнаго Штаба.

Больныхъ организаціонныхъ вопросовъ накопилось у насъ такъ много, всѣ они такъ тѣсно связаны между собою и такъ нуждаются въ *планомерномъ*, не случайномъ проведеніи, — что невольно захочется напомнить объ опасности упомянутаго метода осуществленія реформъ въ порядкѣ *легкости ихъ проведенія въ жизнь*, тѣмъ болѣе, что *время* не ждетъ и требуетъ строгой экономіи въ своемъ распредѣленіи. Другая опасность для военнаго организатора — это уступчивость человѣческимъ, но невоеннымъ побужденіямъ, — уступчивость въ отношеніи *качества* арміи въ пользу гуманности.

Третья опасность — увлеченіе количествомъ въ пользу все того-же многострадальнаго качества.

Мелей много, миновать ихъ трудно, но *необходимо*. Нужно помнить, что объ этой необходимости говорить грозный голосъ войны. Только толково-проведенный мирный періодъ даетъ счастливую войну.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Послѣ неудачной войны, для всякаго ея участника желаніе подѣлиться личнымъ опытомъ и такимъ-же наблюденіемъ не только естественно, но даже обязательно.

Цѣль настоящаго труда, навѣяннаго войною и миромъ, ей предшествовавшимъ (но подъ вліяніемъ войны),—сводка минусовъ родной арміи.

Наши плюсы хорошо извѣстны, и въ печальную годину Японской войны они выступили такъ-же ярко, какъ и наши минусы.

Эти плюсы—наша *надежда* на будущее. Они порука и за то, что мы избавимся отъ *минусовъ организациіи родной арміи*. Не будемъ забывать, что органическіе недостатки наследственны и что не лечитъ ихъ или скверно лечитъ,—значитъ ихъ развивать и завѣщать потомству.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
10	14 снизу	рефлектарно	рефлекторно
15	3—4 сверху	рефлектарное	рефлекторное
24	10 сверху	арміи.	арміи».
35	13 »	не совсѣмъ пре- вратили	не совсѣмъ — пре- вратили
—	2—3 снизу	гдѣ можно а гдѣ нельзя	гдѣ можно, а гдѣ нельзя
43	6 сверху	вкупъ	вкупѣ
44	11 снизу	бы	вы
47	3 и 5 сверху	родъ понятій	складъ понятій
101	1 сверху	ихъ	ея
188	11 »	4	5
189	2 снизу	5-я батарея	1-я батарея
206	1—2 снизу	подготовительный	подготовительный
209	5 снизу	наблюденіе	наблюденіемъ
—	3 »	заботиться	озаботиться
213	2 сверху	близъ	близь
221	1 снизу	Чжентатаньхе- нань	Чжантантаньхе- нань
223	5 сверху	арміи	арміи;